УДК 821.161.1-34
ББК 84 (4-Рус)6-44
С 34

Читателя ожидает новая увлекательная встреча с героями «Мастера и Маргариты». Даже силы зла возмущены происходящим в нашем современном обществе и вступают в борьбу с теми, кто правит в нем бал. Не только действующие лица роднят повесть «Похождения кота Бегемота» и роман «Мастер и Маргарита», но и высокий художественный уровень и философско-критическое видение мира авторов этих произведений.

ISBN 966-8268-84-9

Л Е В С И Д Н Е В

ПОХОЖДЕНИЯ КОТА БЕГЕМОТА

Трагикомическая повесть.

Мы должны оценить человека во всей совокупности его существа, человека как человека, даже если он грешен, несимпатичен, озлоблен или заносчив.

Нужно искать сердцевину, самое глубокое средоточие человеческого в этом человеке.

Михаил Булгаков

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Скандальное происшествие в храме науки 1

Глава 2. Суд над владельцем унитаза 11

Глава 3. Палата № 6 21

Глава 4. Круиз над облаками 32

Глава 5. Смертельный сон 48

Глава 6. Ухо на паркете 59

Глава 7. Как бы не так! 69

Глава 8. Шабаш в театре кукол 82

Глава 9. Степашка идет по следу 89

Глава 10. Сон Бегемота 101

Глава 11. Нюшка 115

Глава 12. Пропавший череп, или второй сон Бегемота 128

Глава 13. Теле-шоу экс-президентов 143

Глава 14. Чертов палец, или третий сон Бегемота 159

Глава 15. Finita la comedia 177

ГЛАВА 1

Скандальное происшествие в храме науки

Погожим весенним днем в приемной ректора одного из днепропетровских вузов внезапно нарисовался изысканно одетый молодой человек приятной наружности с залихватскими кавалерийскими усами. Надеюсь, читателя не очень

интересует эта самая наружность и то, во что был одет молодой человек. В конце концов, сегодня наружность одна, а завтра – другая, да и переодеваться можно по пяти раз на день. К сути повествования это отношения не имеет. К тому же, если честно, я не мастер портретных описаний. Скажу только, что если бы вы увидели этого молодого человека на подиуме, демонстрирующим свой наряд, он мог бы привлечь ваше внимание.

Появление его было тем странным, что бдительная секретарша даже не слышала скрипа открываемой двери. Просто, когда она оторвала взгляд от книги, содержание которой четвертый день силилась понять, он уже сидел в кресле напротив и смотрел на нее оценивающим взглядом. Шестым чувством, которое у многих женщин является первым, она почувствовала, что оценили ее высоко. Об этом говорила одобрительная улыбка, вероятно, относящаяся не только к глубокому декольте. О благосклонности посетителя также свидетельствовала протянутая шоколадка и то, что он полюбопытствовал, как ее зовут.

- Виктория, - кокетливо сказала секретарша и поправила сбившийся на лоб белокурый локон.

- Шеф на месте? – спросил молодой человек, переведя вожделенный взор с выреза на груди на симпатичное личико секретарши.

- Да, - невольно ответила она и тут же с ужасом вспомнила, что была строго предупреждена никого к нему не пускать и ни с кем не соединять.

- То есть нет, - попыталась спасти положение секретарша.

- Так все-таки на месте или не на месте? – строго спросил молодой человек и криво усмехнулся.

- Простите, но он сейчас не на месте, - растерянно промямлила секретарша.

- А там считают, что он вообще не на месте! - молодой человек многозначительно поднял вверх указательный палец.

На пальце посетителя секретарша узрела массивный золотой перстень с печаткой в виде черепа и перекрещенных костей. Эта деталь придавала его жесту зловещий смысл. Не успела секретарша осознать сказанное гостем, как он поднялся

и направился к двери, на которой красовалась надпись: «Ректор Шельмович Виссарион Иосифович».

- Куда вы? Туда нельзя! - закричала Виктория и бросилась из-за стола.

- Мне можно! - уверенно сказал молодой человек и попытался легонько отстранить секретаршу от двери.

Но та широко раскинула руки и расставила ноги, всем своим видом говоря, что в кабинет руководителя можно попасть только через ее труп. Однако молодой человек отступил назад, опустился на четвереньки, по-кошачьи замер, выгнул спину и вдруг метнулся вперед, ловко проскочив у нее между ног. Дверь за ее спиной распахнулась, и странный гость исчез в дверном проеме.

Броситься за ним секретарша не могла. Проникновение молодого человека у нее между ног самым замечательным образом ввергло Викторию в состояние транса, снизу толчками поднимались теплые волны и доходили до самого сердца, было так приятно, будто всю ее гладили мягкие кошачьи лапки.

Забегая вперед, скажу, что случай этот не остался для нее без последствий. Сексуальный аппетит ее возрос многократно, она легко заканчивала с любым партнером, будь он даже страшнее черта, достаточно ей было припомнить проникновение сквозь нее того молодого человека. Обретя столь замечательные женские свойства, она бросила нищенскую работу в вузе и устроилась в фирму «Купидон», где в кратчайший срок стала самой высокооплачиваемой девочкой по вызову. Правда, как обычно у нас в бочку меда добавляется ложка дегтя, к последствиям этой встречи относился один малоприятный момент. Стоило ей выйти на улицу, сразу появлялось множество местных котов, весь вид которых, а особенно истошные голоса, свидетельствовали о том, что они не прочь заняться с ней любовью. Пришлось ей поменять несколько дюжих телохранителей, результат рвения которых был близок к нулю: пока они гонялись за одним из котов, другие нагло приставали к бывшей секретарше. Так было до тех пор, пока она не наняла одного типа из живодерни; мерзкие твари, хотя и не отстали окончательно, однако держались на почтительном расстоянии…

Вернемся в приемную ректора.

Некоторое время после вторжения незваного гостя в кабинет руководителя Виктория стояла в той самой позе, в которой мы ее оставили, то есть раскинув руки и расставив ноги. Трудно сказать, сколько времени она провела в полном оцепенении. Наконец, медленно и плавно, как сомнамбула, она проплыла назад к столу, смахнула с него все бумаги и улеглась на него в позе истомленной ночными подвигами, но всё еще не вполне удовлетворенной куртизанки. Опять затрудняюсь сказать, сколько времени это продолжалось, только несколько человек успели заглянуть в приемную. Одни, смущенные и растерянные, предпочли ретироваться, другие задавали какие-то дурацкие, как ей казалось, вопросы. На дурацкие вопросы она давала такие же дурацкие ответы, а с лица у нее не сходила счастливая улыбка.

Тем временем в кабинете ректора происходило что-то недоброе. Раздавался грохот падающих на пол предметов, треск поломанной мебели, звон битого стекла, дикие крики и жуткий визг. Впрочем, всё это не производило на секретаршу ровным счетом никакого впечатления и не выводило ее из блаженного состояния. Совершенно спокойно отнеслась она и к появлению самого ректора. А появление это могло повергнуть в шок кого угодно.

Он выскочил в приемную с перекошенным и чем-то вымазанным лицом, глаза его чуть ли не выскакивали из орбит, волосы, обычно прилизанные, теперь торчали, весь он был, особенно с тыльной стороны, свежеизодран и, наконец, с него или из него сыпался песок, след от которого четко обозначивал траекторию его движения. Но всё это всего лишь незначительные детали. Главное в его облике было то, что он выбежал совершенно голым. Справедливости ради отмечу, что раньше в таком виде его никто не видел. К тому же, если быть точным, можно поспорить относительно его абсолютной наготы. Дело в том, что он был… в галстуке! Но эта часть туалета практически ничего прикрыть не могла и скорее даже добавляла всей картине элемент скандальной пикантности.

Выскочив из кабинета, ректор какое-то время очумело метался по приемной, потом выбежал в коридор. К счастью, шли занятия, и в коридоре никого не было. Далее ректор устремился к выходу и сшиб с ног двух преподавателей, дежуривших на вахте. Попутно разъясню, что преподаватели дежурили в качестве вахтеров не по

своей инициативе, а по приказу того же ректора. Можно было бы предположить, что он был издан в целях экономии, если бы на вахте не продолжала сидеть бабуля, разумеется, получавшая за свое сидение заработную плату.

Наконец, ректор вырвался на оперативный простор. Припрыгивая и виляя задом, припадая к земле и шарахаясь в разные стороны, он забавным галопом помчался по улице Ворошилова в сторону районной администрации. Такой странный способ передвижения Виссарион Иосифович выбрал потому, что ему казалось, будто на крышах домов засел взвод ворошиловских стрелков во главе с самим Климентием Ефремовичем. И тот кричит: «Цельсь, пли! А ну, хлопцы, прижучьте этого шельмеца». Пули свистели рядом, врезались в асфальт, обдавая колкими брызгами обнаженные телеса несчастного ректора. Так что можете смеяться на здоровье, но избранный ректором способ передвижения был вполне естественным и спасительным для него.

Что же произошло в кабинете уважаемого ректора, когда в него проник столь странный посетитель?

Виссарион Иосифович возлежал на черном кожаном диване в небольшой комнате, примыкавшей к его кабинету. Накануне вечером он был приглашен к одному крупному руководителю на день рождения и, хотя не был большим любителем спиртного, чтобы не показаться инакомыслящим и не оскорбить хозяина, вынужден был набраться как свинья. Теперь он тупо смотрел в потолок, прислушивался к урчанию в животе и пытался вспомнить, не ляпнул ли чего лишнего на вчерашнем приеме. С одной стороны, никакой крамолы за собой он не припоминал, с другой, – он напрочь не помнил, как уходил и как добрался домой. Следовательно, за какую-то часть вечера ручаться было нельзя. А, как известно, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Но на уме у него касательно именинника ничего, кроме зависти и прочих злобных чувств, не было.

«Из молодых да ранних, - думал он про него, - всё получил благодаря папаше на блюдечке с золотой каемочкой. Сколько мне пришлось пресмыкаться, притворяться, сколько людей локтями и ногами расталкивать. И что же, на старости

лет, когда уже там болит, здесь свербит, добрался до ректорского кресла, а теперь дрожу, как бы какой проныра меня с него не спихнул».

Именно эти невеселые размышления Виссариона Иосифовича были прерваны вторжением молодого человека. Он не только напугал ректора своим неожиданным появлением, но и озадачил словами:

- Не о том думаете, батенька. Вам бы о вечном поразмышлять, о совести вспомнить, а вы о кресле печетесь.

Не успев сообразить, каким образом проник молодой человек в его запертый кабинет и как угадал его мысли, ректор вскочил как ошпаренный и спросил:

- Вы кто? Вы как это… здесь?

- Какой вы, однако, нетерпеливый, любезный, - покачал головой гость. – Ну, что ж, давайте знакомиться. У меня и документик имеется, извольте полюбопытствовать.

Молодой человек сунул ректору под нос удостоверение. Удостоверение было каким-то подозрительным. Ни имя, ни фамилия владельца в нем указаны не были. Написано было только: *Референт народного депутата Воланда*.

- Что еще за чертовщина, - подумал ректор.

- А тут вы, дражайший, в самую точку попали, именно чертовщина, - подхватил его мысли молодой человек, чем ввел Виссариона Иосифовича в полное замешательство.

Продемонстрировав телепатические способности, молодой человек подхватил стул, поставил его к столу и развалился на нем, закинув ногу на ногу. На столе стояла недопитая бутылка «Наполеона». Не спрашивая разрешения, он налил полную рюмку и тут же выплеснул содержимое в горшок с фикусом. И надо отдать ему должное: проделал это с ловкостью необыкновенной, так как фикус находился от него на приличном расстоянии. После этого молодой человек вновь наполнил рюмку и сделал небольшой глоток.

- Дерьмо, - этим емким словом гость выразил результат проведенной им дегустации. – Сделано в Одессе на Малой Арнаутской.

Целый ящик этого коньяка, привезенного якобы прямо из Парижа, всучил ректору в качестве благодарности за восстановление своего отчисленного из института отпрыска один «новый русский» с нерусской фамилией.

Воспоминания о происхождении этого коньяка нахлынули было на ректора, но молодой человек вновь вмешался в ход его мыслей:

- Кругом одно жулье! И взяточников тоже много. Вам не кажется, что пора с этим кончать?

- С чем кончать? - переспросил ректор.

- Да не с чем, а с кем, с жуликами и взяточниками, - пояснил напористый молодой человек и пристально уставился на него.

- А вы, собственно, по какому поводу? – решил перехватить инициативу хозяин кабинета.

- А вот по этому, по этому я поводу, господин хороший, - сквозь зубы процедил непрошеный гость. – Будем подводить итоги вашего ректорства. Сдается мне, что вы такой же ректор, как я архиерей. Берите ручку, бумагу и подробно всё опишите.

- Что описать? – выдавил Виссарион Иосифович, чувствуя, что во рту у него становится сухо.

- Хватит придуриваться! – рявкнул гость. – Всё, всё описывайте. Сколько наворовали, сколько взяток взяли, сколько идиотских приказов издали, над кем из сотрудников измывались. В общем, полный отчет за время вашей так называемой работы.

- Да кто вы такой? Что вы себе позволяете? – попытался изобразить возмущение ректор. – С каких это пор референты депутатов такими делами занимаются?

- А вы хотите, чтобы вами занималось шестое управление?

При упоминании управления по борьбе с организованной преступностью ректору как-то вовсе стало не по себе, хотя кое-какие связи в этой структуре он предусмотрительно завел. Но ректор даже не догадывался, что всё шестое управление, да что там, все так называемые правоохранительные органы, вместе

взятые, не обладали и сотой долей тех возможностей, какими обладал сидевший перед ним пришелец. А мысль о том, что перед ним никакой не референт, а пришелец из космоса, уже промелькнула в ректорской голове. Он как-то даже передачу смотрел об этих самых пришельцах, которые пока только присматриваются, как люди на Земле гадят, а потом, надо думать, вмешаются и наведут, наконец, порядок. Он тогда еще надо всем этим посмеялся и даже с женой поругался, которая любым глупостям верит. И вот те раз, хочешь - верь, хочешь - нет, а как еще объяснить всё, что сейчас происходит.

Одного только ректор не мог взять в толк. Он что, первый проходимец во всей Украине? Да таких пруд пруди, и каждый второй куда круче, чем он. На этом неоспоримом факте Виссарион Иосифович решил построить систему своей защиты.

- Шестому управлению нет нужды мною заниматься. Если я в чем и виноват, так найдутся виновники повиноватее меня. Всю страну разворовали, а вы почему-то с меня начинаете.

- Почему вы думаете, что с вас начинаем? Не вы первый, не вы последний. Однако хватит мне зубы заговаривать. Садитесь за отчет, – молодой человек угрожающе посмотрел на ректора.

Виссарион Иосифович решил не раздражать пришельца, а выиграть время и как-нибудь от него избавиться. Он взял лист бумаги, снял колпачок авторучки и застыл в размышлениях.

- А на чье имя писать? – спросил он.

- Разумеется, на имя нардепа Воланда, - последовал ответ.

«На нардепа, так на нардепа, - подумал ректор. - Охота вам свою контору под Верховну Раду камуфлировать – ради Бога».

Тщательно отбирая факты, Виссарион Иосифович не спеша стал излагать некоторые мелкие шалости. Да и те описывал так, что в худшем случае признавал за собой невольные ошибки и небольшие оплошности.

- Многим ты тут не поживишься, чертов пришелец, - думал ректор. – Если эти сказки кому попадут, в худшем случае с работы снимут, зато посадить тебе меня не удастся.

Учитывая телепатические таланты пришельца, лучше ему было этого не думать.

- Удастся, еще как удастся, - ехидно отозвался молодой человек. – Писать надо всё и только правду. Хочу дать вам добрый совет: отпираться нет никакого резона, мы о вас всё равно всё знаем.

- Если всё знаете, какой смысл время тратить?

- Это для проформы, так полагается, - отрезал гость.

Стараясь не раздражать посланца иных миров крамольными мыслями, Виссарион Иосифович продолжал строчить в том же духе. Конечно, приписать себя к лику святых ректору при всех стараниях не удавалось, однако автопортрет получался более или менее сносный. К примеру, нанял он бригаду рабочих смолить крышу, а деньги им не заплатил. Так это он о государственных интересах пекся, вуз ведь не частный, а государственный. (На самом деле он заплатил, только не рабочим, а подставному лицу, которое потом большую часть денег ему же и вернуло). Или: приобрел он квартиры для сотрудников вуза и переплатил за них «немножко». Так это по незнанию рыночной конъюнктуры, а не потому, что разницу они с продавцом по-братски разделили. А то вот еще: обещал он одному приезжему профессору квартиру в личную собственность, но оформил ее как ведомственную. Этот лопух свое жилье продал, и поскольку зарплату имел более чем скромную, все деньги вскоре проел да и умер, не выдержав прелестей работы в руководимом Шельмовичем вузе. Тогда ректор через суд добился выселения его семьи, в том числе инвалидов родителей. Вроде бы не очень порядочно, но нельзя же не учитывать, что действовал он исключительно из деловых и патриотических соображений.

Пока Виссарион Иосифович упражнялся в приукрашивании действительности, молодой человек с видимым удовольствием, не обращая никакого внимания на протесты хозяина, курил сигарету за сигаретой, изредка пуская кольца дыма в потолок.

- Много, любезный, нагрешили. Пожалуй, вам и за день не управиться, - заявил он. – Ну-ка, дайте сюда свою писанину.

Ректор протянул всевидящему правдолюбу исписанные листки. Тот мельком взглянул на них и тут же пришел в неописуемую ярость. Благодушное настроение, в котором он только что пребывал, исчезло.

- Что это такое?! – заорал он. - Ты кого, ишак вонючий, надуть решил?

Молодой человек поднялся и начал обходить стол, явно намереваясь нанести ректору оскорбление действием. Вид у него был столь свирепый, что последний решил не искушать более судьбу и немедленно бежать. Опрометью он бросился к двери, благо она была ближе к нему, а не к молодому человеку.

- Назад! – нечеловеческим голосом завопил тот.

Но этот крик только придал ректору дополнительное ускорение. В несколько прыжков он достиг двери, соединявшей его кабинет с приемной. Но дверь, через которую беспрепятственно проник незваный гость, оказалась запертой. В поисках других путей спасения беглец обернулся назад. Гостя не было… Зато за его спиной сидел чудовищных размеров, черный как сажа кот. Сказать, что он был очень большой, значило бы ничего не сказать. Кот тянул килограммов на сто, а то и больше. Зеленые глаза кота горели, шерсть встала дыбом, он шипел, хищно оскалив пасть.

Обезумев от страха, ректор заметался по кабинету. Кот раздирающе мякнул, сжался в комок, а затем, как пантера, бросился вслед. Первой жертвой погони пал вазон, который опрокинул сам преследуемый, затем грохнулись на пол подвешенные к стене книжные полки: на них прыгнул кот, и они не выдержали его веса. Однако кот успел оттолкнуться от полок и перелетел на компьютерный столик. Столик с треском повалился набок, но кот ловко подхватил падающий монитор: нет, не для того, чтобы уберечь от падения, а затем только, чтобы швырнуть в ректора. Монитор пролетел над головой беглеца, слава Богу, не задев его, и вдребезги разбился о стену. К слову замечу, что монитора Виссариону Иосифовичу вовсе не было жаль: во-первых, потому что он казенный, а во-вторых, потому что компьютером ректор пользоваться не умел, и плод информационного прогресса стоял в кабинете только ради того, чтобы создавать благоприятное впечатление о хозяине.

В этот момент ректор оступился и полетел лицом в землю, вывалившуюся из разбитого вазона. Кот настиг его, схватил за шиворот и бросил на рояль. Опять-таки вынужден отметить, что хозяин кабинета не только на рояле, но и на губной гармошке играть не умел, однако полагал, что наличие инструмента добавляет ему авторитета. Над роялем в рамочке за стеклом висела министерская почетная грамота, которую ректор получил «за выдающиеся заслуги в деле воспитания студенческой молодежи». После музыкального грохота, произведенного падающим на рояль телом, рамочка с грамотой задрожала и сорвалась с гвоздя, но не упала вертикально вниз, а, нарушая законы физики, вылетела в открытую форточку.

Этого Виссарион Иосифович уже видеть не мог, но, вылетев на улицу, грамота превратилась в обычную ворону, которая взмахнула крыльями и, каркая, устремилась к парку Шевченко. Над Днепром грамотоворона развернулась и взяла курс строго на Киев. Через несколько дней эта самая грамотоворона уже в виде приказа об увольнении с работы за несоответствие занимаемой должности улеглась в красную папку с надписью «К подписи» и среди прочих бумаг была подана министру, который подписал ее не читая.

В кабинете продолжался неравный бой. Ректор думал спрятаться под роялем, но кот ухватил его за штанину и выволок на открытое пространство. Тем временем ни в чем неповинный инструмент сам собой творил удивительные вещи. Клавиши его то проваливались, то поднимались, костяные накладки летели в стороны. Рояль гудел, выл, хрипел, звенел, но сквозь эту какофонию всё же отчетливо прорывался похоронный марш.

Пока ректор отбивался от свирепого животного, которое рвало в клочья его одежду, в широкое окно кабинета, выбив его и часть стены, просунулся кузов самосвала. Самосвал стал разгружать песок на паркет кабинета. Поединок кота с ректором продолжился на куче с песком. В результате ректор лишился своего дорогого костюма и в конце концов остался без нижнего белья. Когда ему удавалось на секунду вырваться из цепких объятий ужасного кота, тот ловко хватал его за галстук и вновь возвращал в импровизированную песочницу.

После того, как Виссарион Иосифович стал напоминать полудохлую мышь, гадостный котяра по-хамски наделал на его физиономию, а потом стал бегать по всем углам, метить территорию и так увлекся, что перестал обращать внимание на свою жертву. Пока кот безобразил, ректор немного пришел в себя, собрался с силами и, сделав над собой великое усилие, бросился к двери: уйти через окно ему не давал застрявший в нем кузов самосвала. Ректор забыл, что его первая попытка удрать через дверь окончилась неудачей. Однако на сей раз дверь оказалась открытой.

Что происходило дальше, как ректор вырвался на свободу и благодаря замысловатому способу передвижения избежал ворошиловской пули, читателю уже известно.

Понятно, что происшествие это взбудоражило весь город и заинтересовало компетентные органы. Прежде прочих откликнулась милиция, которая прибыла по вызову районной администрации. Ректор забежал в фойе райадминистрации и спрятался за бюст Тараса Шевченко. Дежурный, не узнав его, срочно позвонил в милицию. Приехавший наряд с трудом вытащил «хулиганствующего Адама» из-за бюста, затолкал в милицейский «бобик» и препроводил в райотдел. Милиционеров, которые надавали клиенту тумаков, понять можно: мало того, что он всех перепачкал кошачьими испражнениями, он еще и провонял всю машину. Ее потом целый день отмывали и три дня проветривали.

Остаток дня задержанный провел в КПЗ, только поздним вечером личность его была установлена, и он был отправлен в городскую психиатрическую больницу, поскольку никаких сомнений, что у него не все дома, не было. А что бы вы сказали о человеке, который то жалобно скулил, тоскливо и дико блуждая вокруг мутными, незрячими глазами, то отчаянно лаял, изображая из себя свирепого пса, бегал на четвереньках и норовил укусить каждого, кто к нему приближался? К тому же ему, похоже, понравилось не обременять себя одеждами, во всяком случае смирительную рубашку на него напялили с великим трудом. Наконец, здоровенным санитарам удалось связать пациента, и после изрядной порции успокоительного он угомонился и заснул.

Вскоре милиция прибыла и на место происшествия. Здесь уже стояла машина ГАИ, и двое инспекторов ломали голову над тем, как умудрился пятитонный самосвал проломить стену и наполовину въехать в помещение. Никаких номеров на машине не было, водитель куда-то исчез, свидетелей найти не удалось, хотя толпа зевак стояла рядом и пыталась дать свои объяснения аварии.

Вечером после всех замеров, фотографирования и составления протокола грузовик был отправлен на штраф-площадку. Но ночью машина пропала, и никто не мог дать вразумительного объяснения ее исчезновения.

«Бог дал, Бог взял», - такими словами начальник ГАИ объяснял пропажу автомобиля следователю прокуратуры, которая по факту угона самосвала оперативно завела уголовное дело.

Начальнику ГАИ было непонятно, каким образом известие о пропаже машины дошло до прокуратуры, ведь он даже не успел придумать, как воспользоваться находкой неопознанного автомобиля, а этот автомобиль загадочно исчез. Шеф ГАИ после исчезновения самосвала распорядился уничтожить ранее составленный протокол, свидетельствующий о его находке: дескать, нет и не было никакого самосвала и отвечать, следовательно, не за что.

Факт уничтожения протокола следователь расценил как попытку замести следы, свидетельствующую о том, что самосвал увели не без содействия работников и руководства ГАИ.

Кстати, о следователе. Звали его Степан Степанович, фамилия Стёпин. Товарищи в шутку дали ему кличку Степашка, на которую он хоть и откликался, но всегда с раздражением. Роста он был небольшого, кривоногий и не по возрасту лысоватый. В прокуратуре работал недавно, перешел туда из оперов. Он был еще молод, всего двадцати четырех лет, и горел желанием отличиться. До сих пор у него таких возможностей не было, а ему хотелось громких дел, самостоятельной аналитической работы. Степашке казалось, что он более чем способен на такую работу, но его примитивные начальники именно потому, что он умнее их, старались держать его подальше от всего, что могло обеспечить успех и карьеру.

Когда его послали в институт, сообщив, что там произошел какой-то скандал, он ехал с полной уверенностью, что ему в очередной раз подсунули бодягу. Однако на месте он понял, что дело получил незаурядное, но до того странное, что распутать его будет непросто.

Он прибыл в институт, когда там работали гаишники и менты из районного отделения. Сначала он осмотрел место происшествия и согласился с инспектором ГАИ, что самым необычным эпизодом в нем был самосвал, который проломил стену здания не хуже танка, не получив при этом ни единой царапины. Степашка в порядке следственного эксперимента даже поднял один кирпич из пролома в стене и шандарахнул им по кузову, полагая, что тот сделан из какого-то сверхпрочного сплава. Но на нем, как на обычном железе, остался соответствующий силе удара след. Эта была первая нелепость, неподдающаяся логическому объяснению.

Вторая – состояла в том, что никто не только не видел, как самосвал врезался в стену, но и не слышал, как это произошло, хоть звук должен был быть очень сильным. На другой день Степашка не поленился обойти все квартиры соседнего дома, окна которых выходили на Ворошилова и жильцы которых могли что-то видеть или хотя бы слышать. Но те в один голос утверждали, что ничего не видели и не слышали. Некоторые, правда, говорили, что выглядывали в окна, но после самого происшествия, когда там уже шумела толпа людей.

Трудно было понять и то, как покинул кабинет учинивший в нем погром посетитель. Секретарша, которая ко времени появления следователя вышла из состояния эйфории, описала погромщика, рассказала, каким способом он проник в кабинет, как и в каком виде выбежал из него ректор. Но она утверждала, что посетитель кабинет не покидал и что если он не мог вылезти через окно, значит, он до сих пор прячется в кабинете. Однако самые тщательные поиски возмутителя спокойствия положительного результата не дали.

Степашка осмотрел весь кабинет и комнату ректорского досуга, не забыл наведаться в туалет и всё там подергал и даже понюхал. Он распорядился, прежде чем удалять песок из кабинета просеять его. Группа студентов, пригнанная деканатом, до самых сумерек занималась этим облагораживающим души трудом.

Однако ничего, ни одного вещественного доказательства, если не считать таковым стойкий запах кошачьей мочи, в кабинете найти не удалось. Вообще-то у Степашки был один вещдок, он же орудие преступления – это самосвал. Но лучше бы его не было, до того он был загадочным и не только ничего не объяснял, а наоборот, запутывал следствие. Степашка, не доверяя работникам ГАИ, вновь обшарил кабину самосвала, заглядывал в бардачок и под сиденье водителя, открывал капот. В кабине не было никаких документов, а под капотом не удалось обнаружить номера двигателя, не найден был и номер кузова, ничего, что могло бы раскрыть тайну происхождения этой чудо-техники.

Сыщик, который своим проницательным умом уже понял, что дело на него свалилось неразрешимое, в глубине души даже обрадовался, узнав, что единственное материальное свидетельство преступления исчезло со штраф-площадки. Но радости своей он не выказал, а напротив, накричал на начальника ГАИ и посоветовал ему срочно найти пропажу.

Узнав, что главный свидетель и невольный участник происшествия находится в психушке, Степан Степанович отправился туда. Но там он нашел ректора спящим, а главврач сказал ему, что после проведенного «курса лечения» больной очухается не раньше как дня через три-четыре. Однако и тут детективу не повезло: ректор пришел в себя и был в состоянии давать показания только через неделю.

Спустя неделю Степашка поехал в психбольницу и там вместе с главврачом внимательно выслушал рассказ потерпевшего. У Шельмовича хватило ума сообразить, что если он расскажет всё, как было, то надолго задержится в психиатрическом заведении, поэтому он решил придумать более правдоподобную версию случившегося. По его словам выходило, что в кабинет к нему ворвалась целая шайка бандитов в масках и учинила в нем разгром, бандиты сорвали с него одежду и надругались над ним. На вопрос следователя, почему секретарша описала только одного посетителя, к тому же приятной наружности и без маски, ректор ответил, что она либо отсутствовала в приемной, когда те ворвались к нему, либо вошла с ними в сговор.

Вообще показания пострадавшего были сбивчивыми, противоречивыми. У Степашки создалось впечатление, что он многое не договаривает, пытается направить следствие по ложному следу. Вопрос заключался только в том, почему он это делает. Да и жертва ли он, этот брехливый ректор, или один из зачинщиков и организаторов погрома?

Но, если последнее предположение верно, то какой у него может быть мотив? Наведя справки о руководителе вуза, Степашка выяснил, что Шельмович доверительно говорил кое-кому из друзей о желании заняться политической деятельностью, поскольку «бабки», которые имеют иные политики, не идут ни в какое сравнение с его собственными доходами.

Может быть, пройдошливый кандидат в политические лидеры таким образом хотел привлечь внимание к своей персоне. Хоть и скандальная, а все-таки реклама. Российские политики ради нее с мостов прыгают и в саунах с бабами фотографируются, а уж о наших украинских политиканах и говорить нечего.

ГЛАВА 2

Суд над владельцем унитаза

В роскошной ванне шикарного загородного дома наслаждался прелестями гидромассажа Петро Кышеня, бывший секретарь райкома комсомола, а теперь преуспевающий бизнесмен. В свое время он успел соскочить с тонущего компартийного корабля и заняться банковским делом. Несмотря на то, что ни опыта, ни знаний в этой области он не имел, успех его был фантастическим, потому что у него было нечто большее: у него был природный дар облапошивать людей, с детства в нем пульсировала мошенническая жилка.

Когда ему было всего двенадцать лет и другие дети по дворам крутили собакам хвосты, Петюнчик, как ласково звала его мать, занялся мелкой торговлей: продавал на базаре воробьев, перекрашенных под чижей и других редких птиц. Этот вид его деятельности скоро накрылся, потому что один мужик, купивший лжечижа, тут же угодил с ним под проливной дождь, краска с него сошла, и чиж предстал в

первозданном виде банального воробья. Мужик накрутил юному предпринимателю уши, надавал подзатыльников и отобрал всю выручку.

Осознав повышенную степень риска торговли на рынке, Петро переключился на привокзальную торговлю: покупал в магазине пиво и с наваром продавал пассажирам проходящих поездов. Потом пошел дальше: научился аккуратно снимать крышечки с бутылок и наполовину разбавлял пиво водой. Напиток получался практически безалкогольный. Таким образом пионер Петя вносил свой скромный вклад в кампанию по борьбе с пьянством. Уши за этот вклад ему надрать не могли, поскольку пострадавшие пассажиры обнаруживали, что их лопухнули, вдали от станции Синельниково, где действовал предприимчивый хлопец.

Вообще предприимчивость – качество хорошее, жаль только, что присуще оно далеко не всем порядочным людям, но всем без исключения негодяям.

На учебу Петюнчик особенно не напирал, хотя память имел хорошую и шустро схватывал то, на что иным тугодумам требовалось много времени. По причине вышеописанной трудовой деятельности дома над уроками сидеть ему было некогда, приходилось ограничиваться услышанным в школе. Однако он регулярно делал учителям подарки и потому по оценкам выходил если не в отличники, то в весьма приличные ученики.

Одним словом скажу: парень он был способный…, на всё способный. Способности его год от года совершенствовались и, наконец, в полной мере раскрылись на комсомольском поприще. Карьера складывалась лучше некуда. Энергичный, пышущий здоровьем, всегда при улыбке, умеющий ладить с подчиненными и быть лично полезным начальству, правдоподобно и даже самозабвенно врущий, всегда готовый, если партия скажет «надо!», мобилизовать молодежь на выполнение очередной показушной глупости. «Прекрасный организатор, достойная смена нам», - говорили о нем старшие товарищи.

И вдруг… бац, вот тебе бабушка и Юрьев день – горбачевская перестройка, черт бы ее побрал! Сначала Петро принял ее в штыки и новоявленного генсека, рубящего сук, на котором сидит, тихо возненавидел. Но потом смекнул, что по общему правилу сразу всем плохо не бывает, как говорится, кому война, а кому мать

родна; если на одной стороне что-то убавилось, то на другой – это самое что-то непременно прибавится. Значит, умный человек просто должен вовремя смыться оттуда, где убавляется, и влиться туда, где прибавляется.

Сказано – сделано. И Петро Кышеня выступил с инициативой организации комсомольско-молодежного строительного банка. Кышенина инициатива показалась руководству как нельзя лучше вписывающейся в горбачевские прожекты разрешения жилищной проблемы. Местное руководство прежде чем фанфаронить посоветовалось с обкомом партии, обком проконсультировался в ЦК, и из ЦК пришел высочайший «одобрям-с».

Дальше было дело техники: Петро убедил секретаря обкома, что председателем правления должен быть «свой человек» и таким для него человеком является именно он, Кышеня. Теперь в КМСбанке бывший секретарь обкома партии был членом правления, ничего не делал, но деньги получал громадные. Связи его, поначалу весьма полезные, растаяли, и проку от него было как от козла молока. В связи с этим председатель подумывал, не пора ли дать старому пердуну пинка под зад.

Вернемся в ванную комнату, в которой блаженствовал баловень фортуны, процветающий нувориш, один из самых богатых людей на Украине. Мы застаем его в момент, когда он умиротворенно смыкает глаза, поглаживает возвышающийся округлый животик, задерживает дыхание и погружает стриженную под ноль голову в хвойную с добавлением эвкалиптового масла воду. В воде он надувает щеки и медленно выпускает бульки изо рта, затем всплывает, и перед ним является ласкающая взор картина. Мягкий электрический свет отражается от зеленоватого мрамора стен, поблескивает на зеркальном потолке, освещает темно-зеленые и белые плиты пола, на котором, кроме умывальника и биде, возвышается уникальная вещь: унитаз из чистого золота. Это была голубая мечта бывшего комсомольского вожака: воплотить в жизнь ленинское пророчество об употреблении золота на туалеты. Ильич, правда, полагал, что золотые унитазы будут стоять в коммунальных уборных и обслуживать пролетарские нужды, но пряников и тем более золотых

унитазов, как известно, всегда не хватает на всех. Пока хватило только банкиру Кышене.

Сегодня магнат решил расслабиться и оторваться. Он позвонил в «Купидон» и заказал двух самых дорогих девочек, в том числе новенькую, Викторию, о которой распространяли самые потрясающие слухи: в час она брала двести долларов, но игра стоила свеч, клиент за свои деньги получал райское наслаждение («райское наслаждение» следует читать с чувством и нараспев, как в рекламе «Баунти»). Другую, Анжелу, Кышеня пользовал давно и ему казалось, что лучшего ничего и быть не может, а вот, поди ж ты, новенькую возносили до небес и даже утверждали, что Анжела ей в подметки не годится. Лежа в ванне, банкир предвкушал удовольствие от ожидаемого сравнительного анализа.

На ужин он заказал осетринку, переложенную раковыми шейками и свежей икрой, яйца-кокотт с шампиньоновым пюре, филейчики из дроздов с трюфелями, несколько салатиков из свежих овощей, подарочный торт с многозначительной надписью «*Интим*», конфеты с ликером, апельсины, ананасы, яблоки, две бутылки крымского вина и бутылочку коньяка «Remy Martin». Всю эту снедь доставили из ресторана «Белый рояль» и накрыли ею стол, стоящий в будуаре, одна из дверей которого ведет в ванную комнату, где наслаждался плодами праведных трудов наш финансовый гений. В центре сервированного стола стоял массивный серебряный канделябр с пятью свечами. Столовые приборы тоже были из серебра.

Придирчивый читатель может задаться вопросом, почему обладатель золотого унитаза пожмотился на золотую посуду. Ответ прост, дело не в экономии или отсутствии средств, а в заботе олигарха о собственном здоровье. Он знал, что серебро имеет бактерицидные свойства. Вот, например, «святую» воду легко изготовлять в домашних условиях, достаточно обычную воду из-под крана профильтровать и на пару дней залить в серебряный сосуд.

Так что, если кто мучается выбором, какой посудой пользоваться, золотой или серебряной, советую брать пример с Кышени; не только полезно для здоровья, но к тому же дешево.

Назвав спальню банкира будуаром, я ничуть не отступил от истины: просторная комната была выполнена в духе помпезной эклектики и наполнена именно старинной, а не под старину, мебелью, включая огромную кровать с балдахином цвета гнилой вишни; стены обшиты натуральным шелком, на котором искусные руки китайских мастериц изобразили панораму какого-то изумительного уголка. Не знаю, но если такие местечки действительно есть в Китае, то нам с тобой, дорогой читатель, остается только рыдать, что мы там никогда не были. А если ты, не в пример мне, там был, то, извини, я тебя не понимаю. Что ты забыл здесь, почему не остался навеки в Поднебесной, дышать хрустальным воздухом сказочно прекрасных гор, бродить по живописным ущельям, купаться в прохладных водопадах, пить чистейшую родниковую воду, наблюдать за порханием райских птичек, слушать их божественное пение, наконец, флиртовать с изящными китаянками…. Хотя как с ними флиртовать, если не знаешь языка? Вот я, кажется, и понял, почему ты там не остался. Кто ж из нас в трезвом уме может взяться за изучение китайского языка? Да ни за какие коврижки, разве что под угрозой смертной казни!

Однако продолжу описание будуара. Потолок его был стеклянный, подсвеченный изнутри и изображавший вечернее небо. Солнце уже скрылось из глаз, но оно еще светило со стороны балконной стены. Кое-где на потолке были изображены легкие облачка, окрашенные розоватыми лучами уходящего солнца. С помощью какого-то спецэффекта создавалась иллюзия их движения. А из тучек по углам комнаты выглядывали пухленькие амурчики с луками и золотыми стрелами в руках.

Пол будуара был узорчато выложен отполированным до зеркального блеска бамбуковым паркетом, но он не был виден, потому что всю его площадь покрывал великолепный восточный ковер, кажется, сирийский. В изголовии кровати, о которой я уже упоминал, забыл лишь сказать, что она принадлежала какому-то французскому барону и от роду ей было двести лет, на двух маленьких тумбочках, инкрустированных перламутром, стояли фонарики из слоновой кости.

В этот-то милый будуарчик и должны были провести девочек из «Купидона». Об их приходе Петро предупредил свою многочисленную охрану.

Раздался деликатный стук, дверь ванной слегка приоткрылась и преисполненный чувством собственного достоинства лакей торжественно возвестил:

- Петро Михайловичу! Дивчины вже прибулы.

Лакею было с чего важничать: платил ему банкир раз в пять больше, чем зарабатывает директор школы.

- Хорошо. Пусть подождут, - отозвался хозяин, и сердце его радостно заекало.

Через минуту Петюнчик появился в махровом китайском халате с китайским полотенцем на голове. Он широко улыбался, сверкая двумя алмазами, вмонтированными в передние зубы, один был поставлен в качестве пломбы на месте кариеса, а другой – исключительно для симметрии на совершенно здоровом зубе. (Петюнчик думал, что алмазы придают его плутоватой улыбке особый шарм и респектабельность, на самом деле они делали ее откровенно жульнической). Он поздоровался с девицами, расположившимися в креслах у журнального столика. Те встали и ответили на его приветствие одновременным поцелуем, прильнув к нему с двух сторон. Другой на месте нашего героя не выдержал бы и сразу набросился на них или потребовал незамедлительных действий с их стороны, до того обе были аппетитны, но наш герой не был примитивным лохом и за свои деньги рассчитывал получить «красивую любовь».

Петр Михайлович извинился за свой банный вид, но испросил разрешения не переодеваться.

- Конечно, конечно, - прыснула смешливая Анжела, - так нам с Викой будет даже удобней.

- Не смущай господина, - вмешалась красавица Виктория. И с восхищением озираясь вокруг, добавила. – Какой у вас дом потрясающий, настоящий дворец!

Тема дома-дворца хозяину была более чем приятна, и он развил ее, усаживая девиц за накрытый яствами стол. Гостьи узнали, как долго он строился, откуда завозились материалы, как заказчик лично контролировал каждую мелочь, как его

хотели надуть подрядчики, да не на того напали, и, наконец, во сколько миллионов это чудо обошлось. Назвав огромную сумму, банкир добавил, что строительство подобного дома где-нибудь в Западной Европе стоило бы вдвое дороже, зато его продажная цена была бы раз в пять выше.

Рассказ произвел огромное впечатление на девиц, которые прониклись глубочайшим уважением к хозяину дома. Уважение это на глазах, с каждым глотком вина, в котором аккумулировалось крымское солнце, перерастало в признаки страстной любви: девицы одаривали Кышеню проникновенными взорами, сексуально ерзали на стульях, старались невзначай пожать ему руку или хотя бы коснуться ее и раз за разом шпыняли его под столом босыми ногами.

После заинтриговавшего подруг рассказа о доме и небольшого перекусона хозяин решил продемонстрировать им свою достопримечательность, предмет своей гордости. (Боюсь, любезный мой читатель, ты не о том подумал. Мужское достоинство господина Кышени ничего достопримечательного собой не представляло, скорее даже наоборот, поэтому предметом гордости являться не могло). Речь идет всё о том же золотом унитазе.

Когда обольстительная Виктория увидела его, то пришла в неописуемый восторг и попросила разрешения немедленно им воспользоваться, ее примеру, нисколько не смущаясь присутствием мужчины, последовала Анжела.

Бесстыдство, замечу к слову, может быть возрастной особенностью, врожденным даром или национальной чертой. В данном случае имело место проявление бесстыдства как профессионального качества, не более.

Когда Анжелика нажала кнопку сливного бачка, то наряду с привычным звуком сливаемой воды из него полилась торжественная музыка. Бачок был совмещен с музыкальным центром, который ежедневно менял мелодию, но всякий раз это был чей-то гимн. В данном случае, никто из присутствующих об этом не имел ни малейшего понятия (но автору-то всё полагается знать), прозвучал государственный гимн Мозамбика.

Под эту патриотическую, но несколько чуждую европейскому слуху музыку, приступили к «красивой любви».

Виктория потянула за пояс и распахнула халат хозяина дома, Анжела легко опустилась на колени и ее маленькая, но сильная ладошка сначала сдавила его колено, а потом заскользила выше, к тому месту, которое не тянуло на звание предмета мужской гордости. Но работа есть работа, и Анжела занялась им с таким энтузиазмом, будто оно принадлежало Аполлону. Тем временем Вика сорвала с Петюнчика китайский халат и прижалась к его спине, ноготки ее пальчиков слегка впились в его грудь, доставляя сладкую боль. Одновременно она целовала и слегка покусывала шею и мочку уха умирающего от блаженства Кышени. Затем, обнимая банкира руками и касаясь его упругими грудями, сползла вниз и присоединилась к подруге. Их пальчики творили чудеса, а язычки и губки воевали за обладание кышенинским пистолетиком и двумя пульками при нем.

После совместных усилий жриц любви пистолетик, который, имея в виду его размеры, можно было бы назвать дамским, обрел, наконец, боевую готовность.

Исходя из соображений морали, опустим дальнейшие порнографические подробности и перенесемся из туалетной комнаты в будуар, описание которого, надеюсь, еще памятно читателю… Коррида любви подошла к концу, банкир лежал на постели, похрюкивая от истомы и наслаждения, Анжела натурально изображала удовлетворение, а Виктория, благодаря своему дару, натурально его переживала. Ничего подобного Петро в жизни своей не испытывал, Виктория, действительно, оказалась самим совершенством, однако он находил, что девочки особенно хороши в сочетании друг с другом и решил в дальнейшем приглашать их только вдвоем.

Благонравие, благочестие, благородство, благотворительность – все эти «благо» – давно забытые, чуждые нам и теперь уже невозродимые доблести. На них еще был способен тянувшийся за дворянством купец, но никак не «новый русский», отличительной чертой которого является жадность. По натуре своей Кышеня являлся принципиальным противником всякой благотворительности. Он считал благотворительность блажью и рассуждал о ней так: во-первых, она есть форма извинения богатых перед бедными, добровольное признание первыми несправедливости распределения богатств, а извиняться пред кем бы то ни было он не собирался; во-вторых, благотворительность опасна ожиданием благодарности, а

так как оно далеко не всегда оправдывается, благотворитель рискует нажить врага. Так что у нашего героя в самую лютую зиму снега нельзя было выпросить. Но тут он расчувствовался, наговорил девочкам массу комплиментов и объявил, что намерен заплатить вдвое против тарифа, чем вызвал неописуемый восторг и еще большую симпатию к собственной персоне…

Человек предполагает, но только Бог располагает. Эту пословицу вспомнил я в связи с тем, что возвышенным порывам Петра Михайловича не суждено было сбыться, более того, вся его жизнь круто изменилась и изменилась, мягко говоря, не в лучшую сторону.

Дело в том, что в спальню, приоткрыв дверь лапкой, откуда только силы взялись, вошел маленький рыжий котенок. Он неслышно прошелся по ковру и также бесшумно запрыгнул на кресло, а потом переместился на его широкую спинку. Котенок был вполне обычный, только взгляд у него был какой-то по-человечьи осмысленный. Заняв удобную позицию, котенок полчаса, а то и больше, с нескрываемым интересом наблюдал за происходящим в кровати; полог ее был полностью открыт, и обозрению ничто не мешало. Всё это время котенок оставался незамеченным, так как банкир и юные обольстительницы увлеклись любовной игрой. Но, наконец, взгляд Анжелы упал на него, и она воскликнула: «Какая прелесть, какой хорошенький!».

Головы остальных повернулись, и их глаза встретились с умными глазами одного из представителей братьев наших меньших.

- Здравствуйте, - вежливо сказала прелесть без всякого кошачьего акцента.

Последовала немая сцена, глаза банкира полезли на лоб, Анжела вытянула шею и присвистнула, а у Виктории в нервном тике задергалось правое веко, и она с головой забралась под одеяло.

- Простите великодушно, - вкрадчиво продолжал котик. – Не учел, что своим видом могу вас испугать. Сейчас я всё устрою.

И устроил… На мгновение он исчез и тут же материализовался в виде симпатичного молодого человека, уже известного нам по предыдущей главе.

Нельзя сказать, что перевоплощение котенка кого-то сильно успокоило. А выглянувшая из-под одеяла Виктория закричала:

- Это он, это он!

- Рад, что вы меня признали, - отозвался оборотень. – Вы не представляете, Вика, как мне приятно вновь с вами встретиться. У меня небольшое дельце к этому господину (оборотень бесцеремонно ткнул пальцем в сторону банкира), мы с ним быстренько разберемся, а потом, если не возражаете, махнем в какой-нибудь парижский ресторанчик, отдохнем, развлечемся. Подружку вашу тоже можем захватить, она очень даже ничего.

Молодой человек многозначительно покрутил свой ус и послал Анжеле воздушный поцелуй. Анжела, поняв, что перед ней тот самый возмутитель спокойствия, о случае с которым была наслышана от подруги, смело заявила:

- А что, я согласна, давно в Париже не была.

- Вот и чудненько, вот и славненько, - приветливо улыбаясь, сказал молодой человек, поднялся с кресла и забавно пошаркал ножкой. - А теперь, дамы, прошу вас быть свидетелями нашего процесса… Слушается дело афериста Кышени Петра Михайловича, - торжественно провозгласил молодой человек. – Обвиняемый, встаньте!

Кышеня вскочил в чем мама родила, но не удержался на пружинистом матрасе и шлепнулся на спину.

- Можете сойти на пол, - милостиво разрешил молодой человек.

Перепуганный Кышеня перелез через Анжелу, спустился на ковер, но не поднялся, а на четвереньках пополз к двери.

- Куда это вы намылились, любезный? - спросил молодой человек. – Немедленно возвращайтесь!

Назад обвиняемый не вернулся, но и дальше не пополз, а замер на месте.

- Хорошо, оставайтесь там, - согласился молодой человек. – Вы готовы выслушать обвинительное заключение?

Кышеня хотел крикнуть охрану, хотел вскочить и убежать, но вместо этого в неестественной позе прилип к полу и, не узнавая свой голос, заикаясь, пролепетал:

- Га-га-готов.

Молодой человек одобрительно кивнул, поднял руку и прямо из воздуха извлек кипу бумаг. Затем он удобнее расположился в кресле, попросил слушателей набраться терпения и предупредил, что во время чтения перебивать его нельзя.

Почти два часа излагал самозваный судья длинный список Кышениных преступлений, начиная с тех самых перекрашенных воробьев. Профигурировали здесь и переправленные за границу с помощью его банка и таинственно исчезнувшие партийные деньги, и организация с подельником Мавроди мошеннической пирамиды, в результате чего были обворованы миллионы людей, а четырнадцать человек, доверившие преступному сообществу последние сбережения, покончили самоубийством, и десятки случаев отмывания очень больших и очень грязных денег, и подделка ценных бумаг, и взяткодательство, и взяткобрательство, и многое другое, и даже мелочи, о которых сам Кышеня давно забыл.

Сначала обвиняемый внимательно слушал, надеясь, что хоть что-нибудь из его бурной деятельности осталось неизвестным, потом с ужасом понял, что этому типу в черном костюме известно решительно всё. От этого стало еще страшнее.

Кышеня перестал следить за происходящим и впал в нечто, подобное медитации, но произошло это непроизвольно и бесконтрольно с его стороны, бессвязные мысли путались в голове, картины одна страшнее другой вставали перед глазами: вот в убогой кухоньке какие-то старики трогательно прощаются друг с другом и включают газ – это жертвы кышенинских афер, вот обманутый и разорившийся компаньен бросается с моста, вот вскрывает себе вены обвиненная в подлоге банковская служащая, ее преследуют за то, что совершил он, Кышеня, и длинная, длинная вереница людей, которых он лично не знал, с изможденными лицами смотрит на него печальными глазами. Глаза эти потухшие, безжизненные, в них нет даже укоризны, но от них невозможно спрятаться, и со дна кышенинской душонки всплывает незнакомое чувство стыда.

Кышеня растерян, подавлен, но чувство самосохранения уберегает его от раскаяния, он не хочет признавать себя виновным, в нем растет раздражение против этого в черном костюме, и в голове после каждой разоблачительной картины звучит

есенинская фраза: «Черт бы взял тебя, скверный гость!» Ах, как бы хотелось, чтобы черный человек исчез, чтобы наваждение это оказалось сном. Кышеня с силой закрывает глаза и так же с силой широко открывает их, до крови прикусывает губу, но черный человек не исчезает, он здесь, он монотонно, с жестоким спокойствием перечисляет его злодеяния… «Черт бы взял тебя, скверный гость!», но черт не торопится внять его заклинаниям.

Кышенинская медитация была прервана гневным криком Анжелы: «Эта сволочь и нашу семью наказала, моя бабка тоже на пирамиде погорела! Только я не знала, что это его затея. Отдавай деньги, мразь!»

Теперь выходило, что подружка Петра выступала не только в роли свидетеля, но и в роли обвинителя. Анжела схватила первое попавшее под руки, а попалась ей всего-навсего подушка, и швырнула ее в Кышеню. Конечно же, подушка ощутимого вреда Петру Михайловичу нанести не могла, но во время полета она превратилась в мешок с цементом и звезданула его весьма ощутимо.

А недавний котик, разыгрывающий справедливого судью, призвал дам сохранять спокойствие, но добавил, что несчастная старушка обижена не будет, что этот фрукт, под благообразной личиной которого скрывается жадный паук, поразительный охмуряло и вор, за всё заплатит.

Мешок с цементом, вернувший Кышеню к реальности, убедительно свидетельствовал, что дальнейшее промедление не сулит ничего хорошего, он собрал волю в кулак, напрягся, как бегун на старте, и рванулся к выходу. Однако попытка эта оказалась неудачной: невидимая пружина удерживала его. Ему удалось немного продвинуться, преодолевая ее сопротивление, но он тут же выдохся, и пружина рванула его назад. Да так рванула, что он перелетел на постель, где обозленная Анжела влепила ему оплеуху.

- Подсудимый, что вы себе позволяете? Вы что же суд решили в комедию превратить? – напустился на него липовый судья. И продолжал, обращаясь к девицам. – А что, девочки, это идея, давайте повеселимся.

Девочки, дряни такие, не возражали.

Молодой человек щелкнул пальцами. Навес с кровати испарился, куда он подевался было непонятно, девиц неведомая сила перенесла на свободное кресло. А матрас на кровати обрел свойства батута, с той только разницей, что на батуте самому нужно напрягаться, а этот все заботы брал на себя.

Благодаря этим «заботам» Петюнчик взлетел в воздух без всяких усилий со своей стороны и с каждым разом взмывал всё выше и выше. Зазвучала (источник звука был непонятен) бравурная песня: «Всё выше, и выше, и выше стремим мы полет наших птиц». В такт этой радостной мелодии матрас выстреливал господина банкира в стеклянный потолок, который после нескольких соприкосновений с его головой не выдержал и дал трещину. Но Кышеня яростно продолжал испытывать его на прочность всеми частями тела, после особенно сильного удара осколки стекла посыпались на пол. Раскрылись внутренности потолка: какие-то хитросплетения проводов и лампочек. Вопли банкира, которому упражнения на батуте явно не доставляли удовольствия, не могла заглушить даже громкая музыка.

Тем временем ожили амурчики, прятавшиеся за тучками. Если бы они только ожили, черт бы с ними, но эти малые поганцы устроили соревнование в стрельбе из лука. Не трудно догадаться, что метили они в нашего героя. Один был особенно расторопен и хорошо еще, что целился не в сердце, а в мягкое место. После нескольких снайперских попаданий упитанный зад Кышени стал напоминать павлиний хвост, только торчали из него не перья, а золоченые стрелы. Амурчики корчили отвратительные рожи и отпускали в адрес финансового магната скабрезные шуточки.

Пока банкир пил горькую чашу физических страданий, приглашенные им девицы умирали со смеху. Виктория корчилась в кресле, держась за живот, а Анжела лежала на полу, припадочно дрыгая ножками. Ни тени уважения и даже жалости к своему недавнему кумиру они не испытывали. Ах, как коротка была ты, продажная любовь!

Грешно, грешно радоваться чужому горю! Хочется верить, что мой читатель не покатывался со смеху, читая о страданиях Петра Михайловича, а если проронил слезу, то это была слеза сочувствия, а не злорадства. Впрочем, я не стал бы укорять

и Анжелу с Викой: зрелище, свидетелями которого они стали, было презабавным. Но всё плохое, равно как и хорошее, рано или поздно заканчивается. Закончились и Кышенины упражнения на матрасе.

Молодой человек вновь щелкнул пальцами. Матрас-батут в последний раз, вероятно уже по инерции, отправил Петюнчика к потолку, там он зацепился золоченым хвостом за провода, произвел короткое замыкание и вместе с дождем из электрических искр рухнул на присмиревший матрас. В этой последней неприятности была своя хорошая сторона, потому что от большинства стрел, составлявших оперенье его хвоста, ему удалось избавиться: они запутались в проводах и остались под потолком. Три оставшиеся стрелы Кышеня мужественно выдернул сам.

- Вот что происходит с теми, - назидательно заявил молодой человек, - кто пытается удрать из зала суда.

Дав подсудимому немного отдышаться и кое-как прийти в себя, судья спросил, признает ли Кышеня свою вину и готов ли понести справедливое наказание. Петр Михайлович в глубине души ничего не признавал и не готов был понести наказание, тем более справедливое. Но видя, что перечить судье со столь обширными полномочиями бессмысленно, Кышеня с дрожью в голосе признал себя виновным.

- Подсудимый, вам предоставляется последнее слово, - объявил желающий соблюсти все процессуальные формальности судья.

Трудно говорить красно и содержательно с побитым телом и простреленным задом, сам Цицерон не справился бы, поэтому речь у банкира получилась бестолковая и малоубедительная, не то, что в былые времена, когда герой наш с высокой трибуны по всем правилам ораторского искусства вешал лапшу на уши комсомольскому активу.

Пожалуй, речью слова Кышени можно называть только с большой натяжкой: он мямлил, канючил, шмыгал носом, пускал пузыри. Единственная связная мысль, которая была в его последнем слове, сводилась к тому, что он такой же, как все, не лучше и не хуже, и будь у любого другого возможность разбогатеть, он бы ею тоже воспользовался.

Однако жалкий вид казанской сироты и попытка выставить себя таким же, как все, не разжалобила судью, да и свидетельницы процесса не переметнулись на его сторону, во всяком случае ни слова в его защиту никто из них не сказал.

Выслушав банкира, иногда кивая, будто соглашаясь с ним, молодой человек объявил:

- Суд… удаляется… на совещание!

Потом он встал и прошел в соседнюю комнату, но прошел не через дверь, а напрямую сквозь стену, как будто ее и не было. Там он пробыл недолго, а потом вернулся тем же макаром.

- Встать, суд идет! – возвестил он.

Кышеня и без того стоял, сидеть в его положении было затруднительно, а вот девицам пришлось подняться с кресла, на котором они до этого сидели спиной друг к другу, перекинув ноги через подлокотники.

Молодой человек прочитал решение суда: банкир обвинялся в мошенничестве, в получении взяток, в доведении до самоубийства и приговаривался… к чистосердечному признанию в содеянных преступлениях. Как понимать последнее судья не объяснил, пожелал Кышене всего хорошего, подошел к Анжеле и Виктории, галантно подхватил их под руки и повел на балкон. Там он взял их за талии, попросил ничего не бояться и ничему не удивляться и тут же исчез, как будто его и не было. Вместе с ним исчезли девушки из «Купидона». Банкир остался один.

Сначала Петро проковылял на балкон и посмотрел вниз, рассчитывая найти исчезнувшую троицу распластанной на брусчатке (третий этаж все-таки), потом огляделся вокруг и даже поискал их в вечернем небе. Безрезультатно.

Кышеня вернулся в разгромленную спальню. На глаза ему попались оставленные судьей-погромщиком листы. Он поднял их и даже не удивился, обнаружив, что они исписаны его собственным почерком, один к одному. Это было послание на имя областного прокурора с описанием не только его, Кышениных мошенничеств, но и всего, что он знал о других, о тех, кто хранил и преумножал свои ворованные денежки в КМСбанке. Здесь фигурировали десятки людей, семейные кланы, вся финансовая и политическая элита Украины, некоторые

российские бизнесмены и политики, причем не только те, с которыми успел разобраться Путин, и даже кое-кто из очень дальнего зарубежья – это была бомба, по сравнению с которой разоблачения майора Мельниченко выглядели детскими погремушками.

Теперь последняя фраза необычайного судьи о чистосердечном признании стала ясна как божий день. Оставалось только подписать этот документ. Но подписать его – значило вынести себе смертный приговор. Кышеня, мертвенно бледный, покачивался над листами, потом взял авторучку, услужливо оставленную молодым человеком на журнальном столике, и размашисто расписался. Затем поднял лист, поднес его к глазам, рассматривая свою подпись и едва веря содеянному. Лист выпал из его трясущихся рук. Банкир истерически расхохотался.

Уже на другой день признание Кышени внимательно читал прокурор, по несколько раз перечитывая отдельные места. Его бросало то в жар, то в холод, на лбу выступила испарина. Не так чтобы близко, но он знал главу КМСбанка. В свое время их лично знакомил сам Петро Лазоренко. Банкир не производил впечатление сумасшедшего, склонного к суициду. «По всей видимости, - рассуждал прокурор, - речь идет о заговоре против правительства каких-то весьма влиятельных сил, вероятно, что-то очень скоро должно произойти, возможно, даже военный переворот». Оставалось понять, зачем Кышеня прислал свой опус именно ему, какая роль была ему заготовлена в этой авантюре и как в данной ситуации правильно себя вести.

Долго ломал голову прокурор над этими вопросами, но вразумительных ответов не находил. Только по вопросу, как себя вести, страж закона принял определенное и, как ему казалось, единственно верное решение. Надо переложить ответственность на Киев. В тот же день спецкурьером признания банкира были отправлены в генеральную прокуратуру. С целью личной страховки прокурор сделал несколько ксерокопий побывавшего в его руках документа. Ксерокопии были переданы надежным людям с подробными инструкциями, что с ними делать в случае его внезапной кончины.

ГЛАВА 3

Палата № 6

Вторую неделю Шельмович находился в психиатрической клинике. Психушка была самая обычная, не супер-пупер как в романе Булгакова, но, слава тебе Господи, и не палата № 6 как у Чехова. Персонал был неплохой, доброжелательный, хотя немного чудаковатый, а у одного доктора с козлиной бородкой, похоже, и вовсе мозги набекрень. Втемяшилось ему в башку, что скоро Украину должно потрясти разрушительное землетрясение. Мало того, что он со своей апокалипсической идеей ко всем приставал, доказывал, что такое возможно, он еще и вел себя соответственно, всё прислушивался, не начинается ли. Задрожат окна от порыва ветра, так он стремглав к выходу бежит, словно его из рогатки выстрелили – думает, сбылось пророчество. «С кем поведешься – от того и наберешься», - заключил по этому поводу Виссарион Иосифович.

После того, как к нему допустили посетителей, скучать Шельмовичу не приходилось, один за другим являлись проректоры, деканы, заведующие кафедрами. И вдруг как отрезало – никого.

Сначала он заподозрил врачей, злокозненно изменивших режим. Но ларчик проще открывался: из министерства пришло известие о снятии Шельмовича с должности.

Новость встретили с большим воодушевлением, сразу выяснилось, что сторонников у ректора не было, что человек он никудышный, а руководитель никакой. В шельмовании Шельмовича особенно усердствовали его вчерашние подпевалы. Один из них на последнем дне рождения славил ректора за принципиальность и требовательность, теперь же говорил, что тот принципиален в своей беспринципности и не требователен, а придирчив, а это, как говорят в Одессе, две большие разницы. «Придирчивость, - разглагольствовал он, - тем отличается от требовательности, что требовательность основательна, конструктивна и справедлива, тогда как придирчивость мелочна, субъективна и далека от справедливости. Почему бабы плохие руководители? Да потому, что склонны требовательность подменять придирчивостью».

Некоторые пессимисты тем не менее говорили, что рано радоваться, неизвестно, кого еще пришлют, не будет ли новый ректор хуже прежнего, но таким единодушно и резонно возражали оптимисты: такого быть не может, потому что хуже не бывает.

Итак, паломничество сотрудников к Виссариону Иосифовичу прекратилось, хотя было еще несколько звонков, люди спешили «обрадовать» его неприятным сообщением. Голоса в трубке делились на два типа: издевательски торжествующие и притворно сочувствующие. Только один звонок смутил бывшего ректора. Звонил престарелый профессор, один из немногих оставшихся в вузе серьезных ученых.

Сам Шельмович в научном отношении был даже не нулем, а величиной отрицательной, но к действительным ученым не только не питал уважения, а наоборот, не упускал возможности поиздеваться над ними, как мог третировал. Так вот, профессора, о котором идет речь, он усердно сживал со свету, не помогал его исследованиям, а изо всех сил мешал.

Особенно задело Шельмовича то, что на семидесятилетие профессора съехались ученые со всего мира, пришлось ректору предоставить для их встречи актовый зал. А когда выяснилось, что на юбилей приглашен и непременно приедет губернатор, тут уж он был вынужден лично включиться в организацию торжества и провести его как положено.

Иностранные гости пожелали посетить лабораторию ученого и высказали удивление, как можно работать в таких условиях, да еще делать замечательные открытия. Один американец даже заявил, что если бы ему удалось сделать половину того, что сделал юбиляр, так ему в Америке институт построили бы и все исследования на десять лет вперед профинансировали. Губернатору эту тираду аккуратненько перевели, и он так посмотрел на ректора, что у того поджилки задрожали.

После этого события к зависти, которую ректор испытывал к профессору, прибавилась еще и ненависть.

А теперь звонит этот гнилой интеллигент, с неподдельным участием интересуется здоровьем и даже спрашивает, не нужны ли какие-то экзотические

лекарства и если нужны, он немедленно свяжется со своими учеными собратьями за рубежом.

- А вы, Николай Иванович, разве не знаете, что меня с ректоров сняли? - спрашивает Шельмович.

- Знаю, но думаю на эту тему вам разговаривать неприятно. Я потому и позвонил, что знаю. Подумал, возможности ваши теперь могут уменьшиться и моя помощь пригодится.

Ни один злорадный звонок недавних подхалимов не произвел на Виссариона Иосифовича такого удручающего впечатления, как этот последний. До того стало тошно, хоть плачь. И он заплакал.

Переживания Шельмовича нарушила медсестра, переступившая порог его палаты с двумя санитарами.

- Извините, Виссарион Иосифович, - сказала она, - мы вас побеспокоим.

- А что такое? - плаксиво отозвался он.

- Переселять вас будем в шестую палату.

- Так ведь она же на шесть человек, - запротестовал бывший ректор, вопросительно глядя на медсестру.

- Да вы не бойтесь, там буйных нет, там почти все выздоравливающие. Вам еще и веселее будет.

- В гробу я видал такое веселье.

- Вы, больной, в гроб не торопитесь, - вмешался один из санитаров и продолжал: – Что вы ее пытаете, наше дело маленькое; нам сказали перевести, мы и переводим.

- Вот правильно, - поддакнула медсестра. – Собирайтесь, не задерживайте нас!

Пришлось Шельмовичу собрать свои пожитки и под конвоем санитаров навсегда покинуть одноместную палату. Вместе с привилегированной палатой лишился он и такого блага современной цивилизации как телефон. Связь с внешним миром резко сократилась. Впрочем, кроме как домой жене, звонить было некуда. К

междугородней связи телефон подключен не был, и попытка Шельмовича связаться с министерством, разузнать о причинах увольнения успеха не имела.

В новой палате, которая была ненамного большей, чем покинутая им, стояло шесть коек и уже обретались четыре человека.

- Ба, никак к нам ректора переводят! - воскликнул один из пациентов.

- Да, хлопчики, принимайте новенького, - подтвердила медсестра. - Сюда проходите, - сказала она Виссариону Иосифовичу и указала на свободную кровать возле двери.

- А он нас тут не перекусает, говорят он кусачий?

- Был такой грех, но теперь он у нас смирненький, - успокоила медсестра.

- Смирненький или не очень - посмотрим. Но хорошо, что возле двери будет лежать. Пусть сторожит, - не унимался всё тот же пациент.

- Да что у вас сторожить, голь перекатная? – насмешливо спросила медсестра.

- Как что, вон у Семеныча тапки увели? Увели! А я вчера пол-яблока в тумбочке сховал. Потом смотрю – нэма! Чего-чего, а жуликов у нас хватает.

- Кончай лясы точить, балаболка, - вмешался в разговор еще один больной. Он лежал на кровати, задрав ноги на спинку:

- Какие там пол-яблока у тебя сперли? У тебя и огрызка от яблока не было.

- Слышь, ректор, а курить у тебя есть? - подал голос еще один обитатель палаты, тот самый Семеныч, у которого украли тапочки.

- Не курю, - коротко ответил Виссарион Иосифович.

- Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрет, - прокомментировал его ответ балаболка.

В общем-то «Балаболка» правильнее будет писать с большой буквы, это не фамилия, а кличка; иначе его не звали не только товарищи по палате, но и медперсонал.

Новенький занялся раскладыванием своего добра по полкам тумбочки. Вся четверка, глотая слюнки, наблюдала за ним.

- Ну, бляха-муха, живут же некоторые, - со вздохом сказал Балаболка, глядя как в тумбочку отправляется очередная банка с черной икрой. – Эй, ректор, ты с громадой поделился бы, а то ведь погниет всё, а в общий холодильник отнесешь, там наверняка скоммуниздят.

- Надо же, - подумал Шельмович, - дурак ненормальный, а логики не лишен.

Со временем Виссарион Иосифович, хоть и держался особняком, всем своим видом демонстрируя, что гусь свинье не товарищ, волей-неволей многое узнал об обитателях шестой палаты. Во-первых, медсестра была права, буйных и социально опасных среди них не было. Во-вторых, все они были, так сказать, рецидивисты, то есть не первый раз лежали в этом заведении: их периодически объявляли излечившимися и выпускали. Они в очередной раз что-нибудь отчубучивали на свободе и вновь попадали в психушку.

К примеру, Васька Чирик (само собой, Чирик – это прозвище) считал, что в голове у него поселился какой-то птах. Как ни убеждали его, что человеческая голова скворечником быть не может, всё было бесполезно. Птах вел себя обычно тихо, пару раз в день немного поворочается, крылышками помашет да и успокоится. Но иногда как расчирикается, хоть голову отрывай. Васька только диву давался: у него от пташиных трелей голова раскалывается, а никто этого не слышит.

Пару лет назад один остряк-санитар решил подшутить над Чириком, поймал птенца и ловко выпустил его из рук над Васькиным ухом. Птенчик спланировал на пол и шустро запрыгал по коридору.

- Глянь, глянь, - закричал санитар, - твой птах из уха вылетел!

Было это как раз в тот момент, когда певчий птах беспокоил Чирика. К неописуемой радости своей Васька обнаружил, что в голове чисто, что он избавился от докучливого жильца.

Целых два года никаких признаков жизни в Васькиной голове пернатый не подавал. Но однажды Васька сильно повздорил с женой, а та в сердцах брякнула: «Дурень ты сумасшедший, думаешь, у тебя из уха птица вылетела?». И рассказала, как было дело…. Тут же птах ожил и усердно зачирикал. Васька схватился за голову… и вернулся в психбольницу.

Каждый из пациентов шестой палаты был по-своему интересен. Взять того же Семеныча. Это был алкоголик с тридцатилетним стажем. Еще в брежневские времена работал он сантехником в ЖЭКе. Каждый день ходил по квартирам, что-нибудь ремонтировал. Там нальют, сям нальют. Быстро, как это обычно бывает у молодых людей, стал к алкоголю привыкать. Пил Семеныч всё больше и больше. Из сантехников его вытурили. На первых порах он еще трепыхался: и бросить пить пытался, и новую работу искать. Случалось, продержится на очередной папакарловке до первой получки… и всё, снова уходит в запой. Потом он рыпаться перестал: работу уже не искал, и попыток завязать не предпринимал. В общем, ударился Семеныч в беспробудное пьянство – один из немногих способов защиты нашей нервной системы от нашей социальной системы, способ, к сожалению, нерадикальный и имеющий много побочных эффектов.

Жителям Днепропетровска он в те времена был хорошо известен. Зимой и летом, весной и осенью, целыми днями его можно было видеть в гастрономе по улице Философской с сизо-красным носом, с синяками под глазами в затрапезной одежде с оттопыренными карманами.

И вот тебе загадка, дорогой читатель. Что у него в этих карманах было? Догадался?… Нет?…

Ладно, не буду тебя томить. Карманы оттопыривались… стаканами. Тогда, знаешь, было такое народное увлечение – выпивка на троих. Соберутся трое распить бутылочку, а стакана нет. Стакан необходим не из гигиенических соображений, а в качестве мерки. Иначе первый, кто к бутылке присосется, может всё выпить и оставить собутыльников с носом. Так что, без стакана никак нельзя! А где его взять? Не бежать же в хозяйственный магазин.

Тут-то и появлялся Семеныч, благодетель рода человеческого, со своими стаканами. Появлялся не совсем бескорыстно. За предоставленную услугу ему тоже наливали, как говорится, пять капель. Тем и жил человек.

Примечательно было и то, что свои пять капель он не только предоставлением стаканов отрабатывал. В детские и юношеские годы имел он одну почти болезненную манию: заядлый был читатель. О нем потом сестра говорила: «Сначала

читал запоем, а теперь запоем пьет». Но он не только поглощал литературу, но и размышлял над ней, и собеседником мог быть преинтереснейшим. Среди любителей выпить на троих случались и нередко люди интеллигентные и образованные, на них Семеныч производил своими познаниями и философскими рассуждениями неизгладимое впечатление. Философ с Философской – называли они его и прочим магазинчикам предпочитали тот, где упражнялся в размышлениях о счастье, о добре и зле, о природе человека и смысле его жизни местный выпивоха Диоген.

Но промысел Семеныча сначала подорвал Андропов со своим «сухим законом», потом и Горбачев приложился. А во времена рыночной экономики бизнес его вовсе сошел на нет. Теперь мало кто коллективно берет бутылочку и тут же за дружеской беседой распивает. Восторжествовал буржуазный индивидуализм.

Раньше как было? Народ совковый был поголовно нищим, бескорыстно добрым и компанейским. Теперь каждый забился в свою нору, тащит туда всё, что удается надыбать. Вражда, нетерпимость кругом, как говаривал один ученый немец – о т ч у ж д е н и е. Вот он – звериный оскал капитализма!

Хотелось бы, чтобы читатель из этой печальной истории вывел какую-то мораль. Могу даже подсказать какую: если выбирать между алкоголизмом и пьянством, лучше быть буридановым ослом.

Еще заметил Виссарион Иосифович, что за рамками каких-нибудь своих пунктиков, от которых их хотели избавить сострадательные эскулапы, больные от здоровых практически ничем не отличались. Тому же Балаболке, кабы не энурез и паническая боязнь темноты, в клинике было бы нечего делать.

Или Студент, щуплый, прыщавый молодой человек в круглых очках с прической, смахивающей на полубокс. Он в год по два раза влюблялся и по три раза топился от несчастной любви. Во всех остальных отношениях был не просто нормален, но даже талантлив: имел первый разряд по шахматам, математические задачки щелкал как семечки, по-немецки и говорил, и читал свободно. Особенно любил Гете. «Страдания юного Вертера», само собой на языке оригинала, была его настольная книга. К нему, как только выкроит свободную минутку, завотделением

бегал в надежде выиграть в шахматы. Но куда там! Раз всего в ничью сыграл, так ликовал как ребенок.

Виссарион Иосифович понемногу освоился в шестой палате, лечение его шло неплохо, и в ближайшем времени он ожидал выписки. Страшные сны с обязательным присутствием ужасного кота, мучившие его недавно, уже не снились, и о скандальном происшествии вспоминал он всё меньше. Вернее сказать, воспоминания эти как-то стушевались и перестали быть болезненными. К тому же он отчаялся в попытках их логического объяснения, его собственное предположение, что он столкнулся со зловредной деятельностью инопланетян, теперь уже казалось сомнительным, хотя другие объяснения выглядели еще абсурднее.

В этот день всё было как обычно: всё те же надоевшие процедуры, с обязательным душем Шарко, всё та же безвкусная пища в столовой, к которой бывший ректор едва прикасался, всё те же остроты Балаболки и попытки Студента почитать кому-нибудь сочиненные им на немецком языке стихи, разумеется, на тему несчастной любви. Как всегда в половине одиннадцатого свет в палате плавно убавился – это был сигнал ко сну. Шельмович полчаса как лежал в постели, дремал. Еще минут через двадцать умолк Балаболка, захрапел Семеныч, перестал ворочаться Чирик, только Студент еще не спал и время от времени тяжко охал от неразделенной любви. Но вздохов его Виссарион Иосифович не слышал, он провалился в небытие спокойного сна.

Часа в два ночи он почему-то проснулся и открыл глаза. Первое, что он увидел, был мирно сидящий перед ним молодой человек, учинивший дебош в его кабинете.

Странное дело, Виссарион Иосифович не только не испугался, но даже не удивился его появлению.

- Это вы? – шепотом произнес он.

- Это я. Как вы себя чувствуете? – незлобиво поинтересовался гость, вглядываясь в лицо бывшего ректора.

Удивительно, но никаких мстительных чувств или раздражения собеседники друг к другу не испытывали.

- Спасибо. Сейчас ничего…, много лучше, чем раньше.

- Да не шепчите вы, говорите нормально. Поверьте, мы никого не обеспокоим, - сказал референт Воланда и через паузу добавил: - Я тоже вижу, вы на поправку пошли, с чем вас и поздравляю.

- Спасибо, - еще раз поблагодарил Виссарион Иосифович и поднялся на кровати. Потом подложил подушку под спину и откинулся на нее. – А вы, вероятно, с какой-то целью ко мне?

- Главным образом просто проведать и поговорить, если не возражаете. Мне кажется, у вас ко мне накопилось немало вопросов?

- Да, много, - утвердительно закивал Шельмович. – И вы могли бы на них ответить?

- Не на все, конечно, на все сам Бог не ответит, но на некоторые, думаю, смогу.

- Как хорошо, что вы о Боге сейчас упомянули! – вскричал больной. – Вот я о главном вас хочу спросить. А Бог есть?!

- За кого же вы меня принимаете, если считаете способным отвечать на такие вопросы? – отозвался ночной посетитель. Он сел, оперев локоть о колено и водрузив голову на ладонь как на постамент.

- О вас я не знаю, что и думать. Но мне кажется, что вы как раз тот, кто может ответить на этот вопрос. Ведь правда? – бывший ректор умоляюще посмотрел на молодого человека.

Тот глубоко вздохнул, достал из внутреннего кармана пиджака пачку сигарет, извлек одну, отправил в рот и распалил ее с помощью массивной золотой зажигалки с алмазными вкраплениями по бокам.

- Вы не ошиблись, я могу ответить на этот вопрос. Но я не уверен, что вы поймете меня. Дело в том, что на этот вопрос нельзя дать однозначный ответ. А кроме того, прежде, чем ответить, я вас сам должен спросить: вы верите в Бога? От того, что

вы скажите, очень многое зависит, - молодой человек пристально посмотрел в глаза Виссариону Иосифовичу.

- Я знаю, вам врать бессмысленно. Я скажу правду: в Бога я никогда не верил. Сами подумайте, как я в него мог верить. Вы знаете, кем был мой отец?

Гость кивнул.

- Вот видите. Как я с таким отцом мог верить в Бога?!

Отец Виссариона Иосифовича умер, когда сыну было двадцать шесть лет. Он был старый большевик, персональный пенсионер. На пенсию он ушел с должности уполномоченного по делам религии и церкви облисполкома. Вся жизнь Иосифа Соломоновича была связана с атеистической пропагандой, борьбой с религией, церковью и верующими. Еще в двадцатые годы он возглавлял уездную организацию Союза безбожников.

Он, можно сказать, с детских лет был проникнут антирелигиозными настроениями и по-своему боролся с религией. Пойдет, например, ночью и наделает кучу прямо перед дверями синагоги. Не жаловал он и православные храмы. Можно представить, какое впечатление производила на верующих сия наглядная агитация.

Когда же Советская власть занялась экспроприацией церковных ценностей, Ёська окончательно понял, что он на ее стороне. Вступил в комсомол, добровольно пошел в отряд экспроприаторов. И скоро на этом поприще стал активно продвигаться, делать карьеру.

Редко кто в юности не пытался писать стихов. Вот и Ёська открыл в себе поэтический дар и не медля использовал его в пропагандистских целях. Скоро в газетах и даже журналах стали появляться забористые стишки. Их автор выступал под псевдонимом Иван Богоборец.

Если читателю интересно, я могу познакомить его с некоторыми плодами ёськиного творчества. Вот что опубликовал Шельмович-старший в журналах «Воинствующий антирелигиозник» и «Красный богохульник»:

Мне надёжа не в молитве,
Мне защита не в попе.

Я – марксист-ленинист,
Кандидат ВКП(б).

Дармоед пузатый поп
С кулаком братается.
Приготовь им пулю в лоб,
Пусть каждому достанется.

Снимай икону,
Бросай в клозет,
Повесь на стену
Вождя портрет.

А как тебе нравится такой поэтический вопрос:

Поп у народа украл добро,
Засунь же мордой его в дерьмо.
Красноармеец! Иль ты не рад
Воткнуть свой штык святоше в зад?

Хотя, лично Ёське Шельмовичу ни в прямом, ни в переносном смысле втыкать свой штык в зады ненавистных святош не приходилось (возможно, потому что красноармейцем он не был), зато от расстрелов служителей церкви он не уклонялся никогда.

Сделав это небольшое, но необходимое отступление, вернемся к нашим ночным собеседникам.

- По-вашему получается, что всё зависит от воспитания, а то и от генетического наследования. А как же сам человек, он-то на что-нибудь годится или нет? Ведь вопрос о Боге - это мировоззренческий вопрос. Такой вопрос каждый

должен решать самостоятельно, - возразил референт Воланда, затянулся и выдохнул в потолок струйку ароматного дыма.

- Так-то оно так, но согласитесь, если тебе с детства, как гвоздь, в голову вбивают: Бога нет, Бога нет – это ж даром не проходит.

- И вы никогда, вообще никогда не сомневались и не ставили перед собой этот вопрос? - настаивал референт.

- Думаю, никогда. Он для меня был закрыт. Я не верил и не сомневался, я знал, что Бог – это вымысел, что он не существует.

Молодой человек сочувственно посмотрел на Шельмовича и сказал:

- Тогда на ваш вопрос я отвечаю так: для вас Бога нет!

Виссарион Иосифович какое-то время сидел молча, размышляя над сказанным, потом заговорил:

- Если я вас правильно понял, то Бог существует или не существует лишь в зависимости от нашего мнения о нем. То есть объективно, реально он не существует.

- Этого я не говорил.

- Тогда как же вас понимать?

- Я же предупреждал: вам будет трудно меня понять.

Бывший ректор насторожился, он боялся, что молодой человек отчается ему что-либо объяснять. Но тот продолжал, подняв чашку с тумбочки возле его кровати:

- Какого цвета эта чашка?

- Розового. До последнего времени я вроде дальтонизмом не страдал.

- Действительно, розового. Но розовое, как и красное, зеленое, голубое, существует само по себе, объективно или только в вашем восприятии, а значит, субъективно?

- Насколько я догадываюсь, на этот вопрос нельзя дать определенный ответ, - то ли утвердительно, то ли вопросительно сказал Виссарион Иосифович.

- И это правильно, - согласился референт. - Вне вашего глаза и вашего сознания никакого цвета нет, следовательно, он существует субъективно, в вашем восприятии. Однако за пределами вашего сознания существуют электромагнитные волны той или иной длины, частоты и амплитуды колебания. Эти объективно

существующие волны, воздействуя на глаз, порождают в вашем сознании ощущение цвета.

Теперь представьте, не дай Бог, конечно, что вы лишились глаз. Электромагнитные волны никуда не делись, они продолжают существовать, но для вас их как бы нет, вы их не воспринимаете… они для вас не существуют.

То, что я сказал – это очень, очень грубая аналогия, чудовищное упрощение, но я упростил, а значит, в какой-то мере исказил существо дела единственно для того, чтобы было ясно.

- Получается, - задумчиво произнес Виссарион Иосифович, - если я в Бога не верю, тогда его и нет, а если верю, тогда он есть.

- Где-то так. Только насчет «верю – не верю» – это как-то по-детски наивно. Я бы вместо «верю» сказал «принимаю». Если я Бога принимаю, тогда он существует, если не принимаю – он не существует.

- Хорошо, кажется, я начинаю понимать. Но еще вопрос: а что же душа, она существует или нет? Она вечна или живет до тех пор, пока живет тело?

- Вы, наверное, думаете, что этот вопрос попроще, чем вопрос о Боге? Ничуть! На него тоже нет однозначного ответа.

Референт Воланда, наконец, докурил свою сигарету, и окурок исчез из его руки.

«Ловко, - подумал заметивший этот фокус Шельмович, - и пепельницы не надо».

Тем временем молодой человек продолжил свои объяснения:

- Если бы я, например, захотел устроить вам свидание с вашим отцом, большее, на что был бы способен – это организовать иллюзию такой встречи. Может быть, вас это огорчит, но душа вашего отца жила ровно столько, сколько жила его плоть, ни мгновением больше. Собственно, всё произошло точно так, как он предполагал, как он верил.

- Значит, если бы он верил в обратное, верил в ад и рай, тогда бы душа его стала вечной? И сейчас она бы находилась, надо думать, в аду?

- Вовсе нет, - возразил ночной посетитель, - бессмертие души еще надо заслужить, а ваш папаша, простите, на бессмертие не тянул ни под каким видом. И

дело тут не в том, верит ли человек в Христа, Магомета, или в Будду, или не верит ни во что, не верит ни в рай, ни в ад, ни в Бога, ни в черта. Дело в том, что он за человек: с какой буквы - большой или маленькой. Ваш отец, по понятным причинам, вечное блаженство обрести не мог, но и до ада он не дорос. Туда попадают злодеи помасштабнее.

Вы главное поймите: не только свою жизнь, но и свою смерть или бессмертие человек определяет сам. В этом его отличие от всех живых существ. Мечтая о вечной жизни, людям следовало бы подумать, а достойны ли они ее, ведь пока мир полон негодяев, идея бессмертия будет противоречить справедливости.

- Но если всё, что вы сейчас сказали, - правда, то, как быть с божественным провидением, ведь относительно каждого человека у Бога существует свой замысел? – допытывался Шельмович, желая раскрутить всезнающего визитера на полную катушку.

Визитер только пренебрежительно хмыкнул.

- Как можно верить в такой абсурд! Мог ли Бог иметь малейшее право на высший суд, если бы люди были марионетками, а сам он кукловодом. Ха-ха, вот уж глупость несусветная, люди черт-те что о Боге нафантазировали. И всеведущий он, и всеблагой, и чудо любое может совершить.

- А разве не может? – уцепился за последние слова любознательный пациент палаты № 6.

- Любое чудо сотворить? Конечно, не может! Он кто, по-вашему? Идиот, который устанавливает незыблемые законы природы, а потом сам из прихоти их нарушает, в этом же сущность так называемых чудес? В понимании людей Бог зол, алогичен, мелочен, придирчив и при всем том требует слепого поклонения собственной персоне. Вы же не глупый, образованный человек, вы должны понимать, что это не Бог, а карикатура на него.

- Должно быть, вы правы, - согласился Виссарион Иосифович и тут же задал новый вопрос: - А кто вы и какова ваша миссия?

- Но я же уже представлялся, - несколько насмешливо отвечал молодой человек, - я референт Воланда.

- А Воланд – это сатана? - испуганным голосом спросил Шельмович.

- У него много имен, в том числе и это.

- Значит, все-таки сатана…. Я догадывался. Я поверить не мог и все-таки догадывался, - обреченно, вновь перейдя на шепот, сказал бывший ректор.

- А почему так трагически? - попытался подбодрить его референт. – О сатане вы имеете столь же превратное представление, как и о Боге, не так черт страшен, как его малюют.

Однако слова референта Воланда не слишком успокоили Шельмовича, на лбу его выступил пот, он стер его рукавом халата.

- И все-таки почему вас послали именно ко мне? Конечно, я не ангел, но ведь и не худший же из людей. Да, я брал взятки, да, воровал, но по сравнению с другими не так уж много. Я что, первое колесо в телеге всеобщего беззакония?

Бывший ректор умоляюще смотрел на ночного гостя. На глазах у него появились слезы, а рот растянулся в жалобной улыбке.

- Согласен, не первое колесо. Но вы одна из спиц этого колеса. Не было бы спиц – не было бы колеса, не было бы и той телеги, о которой вы говорите. Может быть, я потому и пришел к вам, что вы не худший. К тем другим, которые натворили много больше, чем вы, приходить незачем – им уже ничто не поможет.

Из сказанного референтом Шельмович понял, что у него остается какая-то надежда. Он хотел спросить посланца сатаны, что ему теперь делать, как избежать той жестокой участи, которая ожидает проходимцев вроде него. Но молодой человек, впервые проявивший этой ночью свои телепатические возможности, опередил его.

- Как избежать, должны решить вы сами. Вы, надеюсь, не забыли, что я говорил в самом начале нашей беседы: есть вопросы, которые каждый человек должен решать самостоятельно… Однако мы с вами заговорились, а вон и рассвет уже.

Действительно, узкое зарешеченное окно палаты слегка посветлело. Шельмович хотел протянуть на прощание руку посланнику неведомых сил, но не решался. Заметив его колебания, молодой человек сказал:

- Нет уж, увольте, пока вы моей руки не заслужили. Но, возможно, встретимся еще, и тогда как знать, как знать…

Молодой человек кивнул и направился к двери. Бывший ректор хотел крикнуть ему, что она всегда на ночь закрывается снаружи, но в этот момент референт Воланда свободно прошел сквозь нее.

- А говорил, чудес не бывает, а это что – фокус-покус, что ли? – усомнился в правдивости собеседника Виссарион Иосифович.

Но в ответ ему прозвучал голос референта, прозвучал так явственно, как будто он по-прежнему сидел напротив:

- Не фокус и не чудо. Обыкновенная телепортация.

ГЛАВА 4

Круиз над облаками

Анжелика и Виктория, подхваченные фантастическим кавалером, крученой подачей взвились к облакам. За секунду, максимум за две они оказались на такой высоте, с которой дом-дворец Кышени казался не больше спичечного коробка. Девушки во время стремительного набора высоты не успели даже испугаться, тем более что-либо сообразить, причем не только не умерли от перегрузки, но даже не ощутили ее. Воистину, их спутник по-свойски обращался с законами природы, а фундаментальные положения механики напрочь игнорировал.

Но на безумной высоте, без всякой опоры под ногами девиц охватила паника, и они, как бультерьеры, мертвой хваткой вцепились в молодого человека.

- Спокойно, девочки. Без паники. Ну, мне же больно, в конце концов! - запротестовал молодой человек. – Чтобы лететь, не нужно впиваться мне в руки, вы вообще можете за меня не держаться.

Призывы кавалера были напрасны. Две фурии с широко раскрытыми глазами не только не разжимали рук, но и обхватили его ногами, подобно тому, как во время кораблекрушения неумеющие плавать цепляются за обломок мачты, стремясь удержаться на поверхности. Пришлось молодому человеку смириться с временными

неудобствами и продолжать свой полет в жестком контакте с обнимавшими его красавицами.

Вскоре девушки подустали, пальцы их онемели и расслабились сами собой. К тому же они обнаружили, что их тела невесомы, а значит, падение им не грозит. Первоначальный ужас немного прошел. Поняв, что в сознании спутниц наметились позитивные перемены, молодой человек вновь прибегнул к силе убеждения, которая иногда, редко правда, действует и на женщин:

- Милые дамы! Вы впадаете в типичную для людей ошибку. Вы думаете, что летать можно только на чем-то: на аэроплане, на космическом корабле, наконец, в ступе или на метле. Нет, я не буду спорить - всё это неплохие средства передвижения. Но вы должны признать, что не единственные. К тому же, где вы видели в современной Украине эти летательные аппараты? Разве что в коем-то веке президентский самолет пролетит.

С другой стороны, несмотря на экологический кризис, вы не могли не замечать птиц, бабочек, мошек и комариков. Все они (надеюсь, вы следите за моей мыслью) летают самостоятельно. Так вот, уверяю, вам незачем пользоваться мною как ковром-самолетом, вы можете летать не хуже бабочек, да что там не хуже, лучше, много лучше.

Молодой человек пошевелил тренированными мышцами, давая понять, что «бабочкам» нужно успокоиться и не держаться за него как за писаную торбу. К этому моменту девушки немного пришли в себя, стали робко поглядывать по сторонам. Смелее была Анжела. Она первая решила экспериментировать, на мгновение отрывая от молодого человека то одну, то другую руку. Она же первая осмелилась спросить:

- А куда это мы?

- Вот те раз! Как куда? В Париж, как договаривались, - отвечал молодой человек.

- Правда, что ли? Нет, я в шоке! С ума сойти можно, - переполненная чувствами восклицала Анжела.

Тем временем Виктория озиралась кругом и делала некоторые умозаключения. Однажды в детстве она летала на самолете. Сравнивая тот полет с теперешним, наблюдая, как стремительно ползло под ними лоскутное одеяло фермерских полей, как мимо проносились легкие облака, она приходила к выводу, что летят они с немыслимой скоростью. Ей приходилось по телеку видеть парашютистов в свободном полете, когда парашюты еще не раскрыты: комбинезоны яростно полощут на ветру, щеки раздуваются как у мопсов и лезут на затылок. Ничего подобного с их троицей не происходило, лишь легкий ветерок развевал волосы девушек и чуть колыхал костюм их спутника: вероятно, они летели в сердцевине какого-то мощного воздушного потока.

Молодой человек пояснил, что такое быстрое передвижение возможно потому, что вокруг них образована невидимая эфирная оболочка; он начал было рассказывать, что она собою представляет, но его объяснения до неподготовленных и неискушенных в науке слушательниц не доходили.

- А с какой это скоростью мы летим? – поинтересовалась Вика.

Молодой человек отвечал:

- Пустячок. Миль сто, не больше.
- В час?
- Зачем в час, в минуту. Скоро будем в Париже.
- А сейчас мы где? – продолжала допытываться Виктория.
- Сейчас как раз пересекаем Румыно-Венгерскую границу.
- Боже, так это мы уже за кордоном! - всплеснула руками Анжелика, которая не то, что во Франции, но ни в какой загранице в жизни не была, если не считать заграницей Москву, куда она ученицей младших классов ездила на экскурсию. – А где, где она? - продолжала живо интересоваться Анжела, наивно полагая, будто границы между государствами должны быть резко обозначены.
- Ну ты и дура, Анжелка, - прокомментировала вопрос Вика. – Как ее отсюда увидишь, это ж не атлас.
- Да, - подтвердил молодой человек, – напридумывали люди всяких границ, только себе и нам, летающим котам, морока. Хорошо, если граница по реке или

другому какому водоему, а иначе заметить трудно. Приспичило границы иметь, так надо их как-нибудь раскрашивать.

Только теперь Анжелика врубилась, что летит самостоятельно, не держась за «летающего кота». После эмоционального всплеска, связанного с перемещением за границу, она забыла вновь ухватиться за молодого человека.

Кстати, словечко «врубилась» автор употребил для характеристики лексикона персонажа. Так что, если у кого возникают претензии к стилю, прошу обращать их не ко мне.

- Я лечу, сама лечу! – завопила Анжелика.
- Мадам, пощадите наши уши, - вежливо попросил молодой человек.
- А куда мы так торопимся, нельзя ли лететь помедленнее? - попросила Виктория.
- Желание дамы для меня – закон, - напыщенно произнес молодой человек. И в то же мгновение полет необыкновенного трио вопреки силам инерции резко замедлился. При этом девочки не ощутили практически ничего, разве что сосание под ложечкой.
- Такая скорость вас устраивает? - спросил провожатый своих спутниц.
- Устраивает, - в один голос отвечали те.
- Но хочу обратить ваше внимание, красавицы, что на такой скорости мы до Парижа нескоро доберемся.
- Зато окрестностями полюбуемся. А потом, не знаю как Анжелке, а мне летать очень понравилось, - задорно сказала Виктория.
- И мне понравилось, - откликнулась подруга. – А может, мы по дороге еще куда-нибудь заглянем? - тут же попросила она.
- Куда, например? – спросил ее предупредительный молодой человек.
- Например…, в Стамбул.
- Нет, ну ты точно с приветом, - вновь возмутилась необразованностью подруги Виктория. – Ты хоть представляешь, где Стамбул, а где мы.

Анжела скривила гримасу обиженного ребенка:

- Значит нельзя?

- Отчего же нельзя, кто сказал, что нельзя! - вскричал волшебный котик, явно обрадованный возможностью продемонстрировать свои уникальные способности.

На сей раз честная компания плавно развернулась и устремилась в юго-восточном направлении.

Обе девушки перестали испытывать страх, уже не цеплялись за своего спутника и даже стали приноравливаться к необычному способу передвижения. Во-первых, они обнаружили, что могут передвигаться автономно и по своей воле. То есть, «куда хотишь - туда летишь». Такими словами определила Анжела сделанное подругами открытие. Во-вторых, выяснилось, что лететь можно в любой позе и в любом положении, а сначала они думали, что только вытянувшись в струнку и вперед головой. Можно, например, представить, что ты в кресле или на диване, удобно расположиться на них и, тем не менее, продолжать свой полет. Наконец, опыт показал, что и скорость движения они могут регулировать усилием мысли. Впрочем, о каком таком усилии идет речь, достаточно было просто подумать, просто захотеть лететь быстрее или медленнее.

Однако молодой человек попросил их никуда не отлучаться, держаться вместе. Не потому, что в этом таилась какая-то опасность, но просто достижение цели требовало согласованных действий.

Но сам молодой человек галантно попросил разрешения их на минуточку покинуть.

- Куда это он отчалил? – недоуменно спросила Анжела.
- По малой нужде, наверное, - предположила подруга.
- А-а, - протянула Анжела, - ну хорошо, если по малой.

И тут же рассмеялась, представив себе плоды большой нужды, падающие на чью-то голову.

- Как тебе наш новый приятель? - осведомилась Виктория.
- Спрашиваешь! Супер! Я от него просто балдею.
- Ага, помнится, когда я тебе о нем рассказывала, так ты еще не верила.
- Чему это я не верила? Брось наговаривать.

- Вовсе я не наговариваю. Говорила я тебе, что он симпатичный? А ты не верила.

- Так и правильно не верила. Какой же он симпатичный? Он потрясный, вот он какой! И хочу тебя, подруга, предупредить, он мне ужас как понравился.

- Мне, между прочим, тоже. И заруби себе на носу, я первая с ним познакомилась, - с раздражением сказала Виктория.

- Ну ладно. Не будем ссориться. Давай-ка, лучше будем заодно и постараемся его не упустить.

- Хорошо! Но знаешь что забавно?

- Что?

- Да то, что мы делим шкуру неубитого медведя, а сами даже не знаем, как его зовут.

Тут появился виновник небольшой разборки наших очаровательных «бабочек».

- А не проголодались ли мои прекрасные леди? – весьма кстати спросил молодой человек.

Девушки сказали, что не прочь перекусить, если это возможно, и стали высматривать, куда бы лучше приземлиться.

- Нет, нет, садиться не будем. Незачем время терять, - заявил любезный котик и по обыкновению щелкнул пальцами.

Прямо из воздуха материализовались столик и три плетеных стула. Широким жестом молодой человек пригласил девиц к столу. Те рассаживались, не очень понимая, зачем нужны стулья. Но как только их мягкие места соприкоснулись с сиденьями, тела вновь обрели вес. Поняв недоумение девушек, молодой человек пояснил, что так удобнее.

Тут же на тарелочке перед ним появился жареный цыпленок, кусочек ржаного хлеба, солонка и перечница. Посолив и поперчив отломанный кусочек, молодой человек отправил его в рот.

Девушки сидели слегка ошарашенные, так как перед ними никаких блюд не было.

- Чего вы ждете? У нас здесь самообслуживание, - пояснил спутник и отправил в рот следующий кусочек.

Анжела потянулась к его тарелке, но молодой человек по-кошачьи ловко шлепнул ее по руке. Анжела недоумевающе уставилась на него.

Молодой человек рассмеялся.

- Чтобы кушать, не нужно лезть в мою тарелку. Согласитесь, наши вкусы могут не совпасть. Надо самим сделать заказы.

- Кому сделать? – спросила Виктория.

- Да никому. Просто надо загадать желаемое. Вот и вся хитрость.

В тот же момент перед Викторией появился внушительных размеров атлантический лангуст, и она принялась разламывать его панцирную оболочку.

- Вам доставляет удовольствие сражаться с панцирем или лучше заказать чистое мясо? – спросил молодой человек.

Виктория догадалась мысленно исправить ошибку и тут же стала обладательницей целой тарелки очаровательных розовых кусочков, приправленных белым соусом, на которые она жадно набросилась.

А у Анжелы картина менялась как в детском калейдоскопе: не успевала она отведать одного блюда, как появлялось новое.

Глядя на ее мучения, молодой человек изрек:

- Перед нами поучительный пример того, как губительна бывает женская переменчивость и непоследовательность. Губительна не только для нашего брата, мужчин, но и для самих женщин.

Изрекши эту сентенцию, молодой человек подтвердил ее отрывочком из «Риголетто»: «Сердце красавицы склонно к изменам и переменам, как ветер мая». Наши девицы в оперном искусстве искушены не были, но бурно зааплодировали. Еще бы было не аплодировать, ведь молодой человек с абсолютной точностью имитировал голос **Сергея** Лемешева.

Компания перекусывала, но как ни хороши были заказываемые ими деликатесы, сосредоточиться исключительно на них было невозможно. Вернее сказать, невозможно для спутниц Бегемота, поскольку наблюдать за тем, как

меняются одна за другой картины под ногами, было жутко занимательно. Особенно привлекали внимание густые облака; ослепительно белые, они образовывали сказочные горы и долины, поднимались причудливыми скалами, созерцать их было интереснее, чем земные ландшафты. Небесная Антарктида восхищала девушек, они то и дело обращали внимание друг друга на какой-нибудь новый белоснежный утес, проносящийся под ними. Кот на все эти красоты не обращал никакого внимания, чувствовалось, что они были для него привычны и обыденны.

Вкусив любимого блюда, Виктория откинулась на спинку стула, мечтательно закатив глаза. Она подумала, что сейчас самое время поближе познакомиться с молодым человеком:

- Позвольте поблагодарить вас за прекрасный ужин.

Молодой человек кивнул.

- Стоит ли говорить, что вы произвели на нас с Анжелой неизгладимое впечатление, - нежно-бархатным голоском продолжала она. – Но мы ровным счетом ничего о вас не знаем, мы даже не знаем, как вас звать.

- Бегемот! - ответил молодой человек, - кот Бегемот.

- Какое странное имя, - протянула Анжела, - но я что-то такое слышала.

- Слышала она, - свысока сказала Виктория. - Кот Бегемот – это один из героев знаменитого романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»…

Наконец, наконец, свершилось! У меня, дорогой читатель, можно сказать камень с души упал. Я уже замучился всем известного Бегемота молодым человеком называть. А теперь – полная свобода, будем называть вещи своими именами и, если кот – Бегемот, а не Барсик или Мурзик, так и будем о нем говорить: Бегемот, и всё тут. Впрочем, я оставляю за собой право изредка называть его иначе.

- Так вы тот самый, значит, булгаковский Бегемот? - поинтересовалась Анжела.

- Не совсем, знаете ли. Как говорится, Федот – да не тот, - манерно отвечал Бегемот. – Михаил Афанасьевич прямым участником событий своего романа не был, приходилось пользоваться не всегда достоверными свидетельствами. А потом пресловутое право на авторский вымысел… Сейчас, между прочим, обо мне некий

Лев Николаевич пишет, не Толстой, конечно, но тоже интересный писатель, к тому же философ. Наверняка, приврет чего-нибудь, нафилософствует.

- Как интересно, - нараспев сказала Анжела. – А мы тоже в его книгу попадем?

- Почему нет. Я могу даже словечко за вас замолвить. Мы с ним совершенно на дружеской ноге: он Лев, я кот, оба, значит, из семейства кошачьих. Так что договоримся.

А вот и Стамбул! Как заказывали, - вскричал Бегемот. – Шустренько доедайте, пока пару кружочков над городом сделаем.

«Доедайте» относилось единственно к Анжеле, которая потеряла время из-за собственной переборчивости.

Вся компания вместе со столом и стульями значительно снизилась и на сравнительно небольшой высоте на манер самолета, идущего на посадку, закружила над городом, соединявшим Европу и Азию, Восток и Запад, и о котором для начала скажу одно: Стамбул – это не Турция, а Турция – это не Стамбул.

Они пролетели вдоль той части города, что выходила на Мраморное море, а потом понеслись над Босфором, по берегам которого раскинулся город. Один берег пролива своим рельефом в точности повторял другой. Как на ладони, видны были многочисленные речушки и ручейки, изрезавшие берег. На узкой полоске земли лепились друг к другу дома и гостиницы, мечети и полуразрушенные крепости. Создавалось впечатление, что дворцы и живописные виллы выходили прямо из вод Босфора.

За береговой полосой круто поднимались холмы, густо засаженные кипарисами.

Бегемот в качестве гида тыкал пальцем то в одно, то в другое грандиозное сооружение и называл его иногда с комментариями:

- Голубая мечеть. Построена за семь лет, ни одна современная строительная организация не сможет построить чего-то равноценного и за семьдесят лет.

А это храм святой Софии, а рядом мечеть султана Ахмеда.

А вот дворец Топкапы, в нем собрана редчайшая коллекция восточных рукописных книг.

Немного покружив над городом, едва не зацепив фуникулер, поднимавший пассажиров из Каракёя в Бейоглу, решили искать место для посадки.

- Девочки, давайте обсудим, с каких культурных ценностей начнем осмотр городка, - предложил Бегемот.

- А что тут обсуждать, с базара, конечно, - отозвалась Анжела.

- Это с какого базара, - уточнил котик, - с вещевого или продуктового?

- На кой нам продуктовый, мы уже сыты, давайте начинать с вещевого.

Вика сделала вид, что примитивизм подруги ее утомляет, но противиться предложению не стала.

- Прекрасный выбор, прекрасный выбор, - затараторил Бегемот. – Что мы не видали в этих музеях, соборах и дворцах? Сверху посмотрели и будя. Я тоже страсть как люблю бывать на базарах, там живая жизнь кипит, бушуют чувства. Там люди на выживание проверяются, лопухам каким-нибудь там не место: обберут до нитки. На базаре все струны души натянуты, только и смотри, как бы чего не украли, не обвесили, не обжулили. А умение торговаться – это целое искусство. Иной всю жизнь проживет, а научиться ему не может. А какую выдержку нужно иметь, если тебя пошлют вверх по околотку. А если выдержки нет, необходимо знание ненормативной лексики. А если нет выдержки и в лексике не силен, тогда неплохо владеть приемами рукопашного боя… Человеческую жизнь лучше всего наблюдать на рынках, это я вам говорю. Базар – великая школа жизни!

Не знаю, сколько еще намеревался Бегемот разглагольствовать на тему базара, но был прерван Викторией:

- А мы что по базару голяком ходить будем? - забеспокоилась она, видя, что стол со стульями исчезли, а они приближаются к Капалы Чаршы, то есть к крытому рынку.

- А кого вам стесняться, меня что ли? - уточнил Бегемот.

- Да там кроме тебя тьма народу, - разделила тревогу Виктории Анжела, перейдя в общении с котом на «ты».

- О народе не извольте беспокоиться, народ вас в таком виде не увидит, совсем даже наоборот, - заверил девушек Бегемот, - зато мне будет приятнее.

После этих обнадеживающих слов единственно, что появилось на наших обворожительных дамах – это легкие изящные сандалии. В таком виде они и появились перед воротами рынка.

Сказать, что их появление осталось незамеченным нельзя: на них смотрели во все глаза, пред ними почтительно расступались, оглядывались им вслед. Несколько мальчишек пристроились за ними, изредка забегая вперед, приветливо скалясь и пожирая их восхищенными глазами. Девушки догадались, что Бегемот их не обманул, будь они обнаженными, то в окружении горячих восточных мужчин не ступили бы и шагу без самых серьезных последствий для себя. Однако чем-то они были необычны, раз привлекли всеобщий интерес.

Быть в центре внимания им даже нравилось, тем более что это не мешало рассматривать витрины многочисленных лавчонок, лепившихся по обеим сторонам центральной линии базара.

Кот важно шествовал меж двух девиц, держа их под руки. Вдруг одновременно они потянули его в один из боковых проходов, где их внимание привлекли ряды ювелирных лавок.

Заметив их приближение, хозяин одной из них с радостной улыбкой бросился навстречу:

- Руский, лублу руский. Иди к меня.
- Он что, по-русски говорит? – удивилась Вика.
- На социально достаточном уровне, - учено отвечал Бегемот, - здешние торгаши на всех языках говорят. - Вообще-то, - продолжил он, обращаясь уже к хозяину ларька, - мы не русские, мы украинцы.

Хозяин оказался интернационалистом и украинофилом:

- Лублу Укруина, очен Укруина лублу.

Глаза девиц разбегались перед сверкающими золотом застекленными стеллажами витрины. Девушки наперебой стали просить показать то одну, то другую вещицу. Конечно же, бросились всё примерять: кольца, браслеты, ожерелья

– и вертеться перед зеркалом. Замечу, что хозяин наблюдал за ними, разинув рот, а когда Анжела вдела в ухо серьгу, у него вовсе отвисла челюсть.

Понавешав на себя изрядное количество низкопробного золота, девицы умоляюще уставились на своего провожатого. Бегемот скривил кислую физиономию, хотел было возразить, но, не желая показаться скупердяем, махнул рукой и выложил перед продавцом новенькие лиры. Откуда взялись у него турецкие деньги, оставалось только догадываться, но утруждать себя догадками девушки не хотели.

Владелец другого киоска встречал их так же радушно, с той лишь разницей, что челюсть у него отвисла при первом взгляде на великолепное трио. Здесь девицы примерили дубленки с вышивкой и аппликацией. Хозяин почему-то с ужасом в глазах наблюдал за процедурой примерки и облегченно вздохнул, когда она была завершена. Увлеченные рассматриванием себя в зеркале, девушки на более чем странную реакцию хозяина внимания не обратили и так посмотрели на Бегемота, что он, ни слова не говоря, сразу же рассчитался с продавцом. Кот настоял, чтобы все покупки, в том числе золотые украшения, были упакованы в одну большую сумку с лямкой для удобства ношения через плечо.

Уже на выходе с рынка бойкий торговец, знавший русский лучше остальных, так как учился в Москве, пытался всучить им ковер, на котором, якобы, султан Мехмед II убил своего сына. Торгаш даже демонстрировал следы крови убиенного. Пришлось Бегемоту прочесть ему целую лекцию о том, что Мехмед детей своих не убивал, хотя печально известен указом 1478 года: «Тот из моих сыновей, говорилось в указе, который вступит на престол, вправе убить своих братьев, чтобы был порядок на земле». Так пали жертвой этого чудовищного указа шестьдесят принцев династии Османов.

После похода по базару немного прошлись по улицам. Некоторые из них были очень узкими и балконы двух- и трехэтажных домов нависали прямо над головами прохожих. Почти на всех улицах работали так называемые кыраатане, этакие симбиозы чайной и читальни, где можно перекусить и почитать газету или журнал.

По улицам слонялось множество бродячих собак и кошек, подкармливаемых владельцами кыраатане.

- У мусульман, - пояснил Бегемот, - подкармливать животных - благой поступок, а вот обижать – большой грех. Поэтому в городе свободно живут благородные коты, но, к сожалению, развелось море собак. Это оборотная сторона медали!

Странное дело, коты в присутствии Бегемота к Виктории не приставали, то ли это была особенность стамбульских котов, то ли собака была зарыта в чем-то другом.

Бегемот тормознул такси, украшенное изречениями из Корана и изображениями слегка одетых кинозвезд. Отправились в караван-сарай. В старину такие заведения подобно европейским постоялым дворам давали путникам приют и пищу. Теперь это был, по крайней мере изнутри, современный вместительный ресторан с большой сценой и ложами, образующими второй этаж. В одну из таких лож поднялся Бегемот в сопровождении девиц. Сели за небольшой столик. Тут же появился молоденький официант, обряженный в костюм янычара. Кот легко объяснился с ним, продемонстрировав знание языка.

- А вы турецкий язык знаете? – заискивающим голоском спросила Анжела, хотя ответ был очевиден.

- Знаю, - коротко ответил Бегемот.

- А какие еще языки вы знаете? – также на вы, из чувства уважения, обратилась к нему Виктория.

- Все, - также коротко, но с чувством собственного достоинства сказал Бегемот.

- Не фига себе! - выразила свое восхищение Анжела.

А Вика тут же придумала подходящую к случаю рифмовочку: «Бегемот – первый в мире полиглот».

Официант еще стоял рядом, переминаясь с ноги на ногу. Кот сказал девушкам, что заказал легкие закуски и спросил, что они будут пить. Девушки попросили чего-

нибудь национального. Бегемот перевел их просьбу, официант черкнул что-то в своем блокнотике и поспешно ушел.

На сцене играл оркестр, перемежая восточные мелодии европейскими. Бегемот пояснил, что это ненадолго, скоро начнется программа варьете.

Официант принес красиво оформленные салатики и графинчик с водкой. От национального турецкого напитка у дам перехватило дыхание: гадость редчайшая, градусов пятьдесят, а то и больше, да еще с привкусом анисовых капель. Официант назвал этот чудодейственный напиток - ракы. Больше дамы к напитку не притронулись, но кот хряпнул-таки пару рюмок, всякий раз вытирая салфеткой роскошные усы и приговаривая: «Хорошо пошла!».

Замечу, что вокруг гостей с Украины продолжался немалый ажиотаж, апофеозом которого явилось появление немца-туриста, испросившего разрешения сфотографировать их на память. Кот выяснил, не возражают ли девушки. Те не возражали, и счастливый немец дважды щелкнул поляроидом, получив практически одинаковые снимки. Один он вручил нашим путешественникам, а на другом просил девиц поставить свои автографы.

Представьте степень удивления Анжелы и Вики, когда на фотографиях они увидели Бегемота в компании… братьев Клычко. Удивление сменилось хохотом. Теперь внимание к их персонам стало понятным. По наущению кота, тыкая в фотографию пальцем, продолжая безудержно смеяться, они расписались на ней; расписались так ловко, что ни одна экспертиза не установила бы подлога. Фотограф недоумевал, что смешного нашли в сделанном им снимке. Тем не менее, немец ушел довольный, что командировка удалась: стоило поехать в Турцию, чтобы встретить знаменитых боксеров, живущих в Германии.

Оркестр ушел со сцены, и началось варьете. Гвоздем программы был всеми ожидаемый и желанный танец живота. Наконец, появилась исполнительница. На вид ей было лет тридцать - тридцать пять, ее блондинистые волосы и не первой свежести вид не очень вязались с представлениями о женщинах гарема, услаждавших своими прелестями восточных властелинов. К тому же комплекция у нее была несколько больших, чем следовало бы, габаритов. Впрочем, ей нельзя было отказать в

пластичности и подвижности одного весьма важного места. Конечно, этим местом мог бы быть живот, но он был виден сравнительно редко, так как исполнительница почему-то предпочитала пребывать спиной к зрителям. Так что ее танец по справедливости должен был называться несколько иначе.

В общем, танец так называемого живота особого впечатления на зрителей не произвел. Но вот вышел конферансье и объявил, что специально для гостей с Украины исполняется их национальный танец. Национальным украинским танцем оказалась грузинская лезгинка. На сцену выбежала дюжина стройных, бравых ребят в белых черкесках и лихо сбацала прекрасный танец. Но этим дело не ограничилось: один из танцующих улегся на дощатый пол, а остальные кружили рядом, схода вонзая в дюйме от него свои кинжалы. В конце номера они высоко подняли лежавшего на вытянутых руках, а на сцене остался его силуэт из кинжалов. Это было действительно от души, танец вызвал бурю оваций.

- А не попить ли нам пивка? - спросил кот.
- Только не национальное, - предусмотрительно сказала Виктория.
- Конечно, конечно. А если не возражаете, мы и пить его будем в более романтичном месте.
- В каком? – хором спросили спутницы кота.
- Сейчас увидите.

Они вышли из караван-сарая. Виктория отметила про себя, что день с Бегемотом тянулся очень долго, как в «Мастере и Маргарите» бал у Сатаны. Ночь всё еще не наступила, хотя начинались сумерки и на небе уже был виден серп Луны и горевшая рядом с ним вечерняя звезда.

Не буду утомлять читателя описанием нового полета наших друзей, поскольку он ничем не отличался от предыдущего, разве что был совсем короток и девицы на сей раз ничего не боялись. И еще одна деталь: рядом с ними транзитным рейсом летел баул с приобретенным на стамбульском базаре добром.

- Где это мы? - спросила Анжела, когда они зависли над ущельем, на склоне которого амфитеатром раскинулся небольшой, но сказочно красивый город.

- Это Болгария, - тоном гида, будто повторял это изо дня в день, стал рассказывать Бегемот. - Средневековая столица Велико-Тырново – едва ли не лучший уголок Европы. Еще в XIV веке один францисканский монах, мой приятель, когда впервые побывал здесь, восхищенно воскликнул: «Нельзя выразить!» И, знаете, я с ним согласен, совершенно согласен. Действительно, нельзя выразить: редчайшее сочетание восхитительной природы с изысканной архитектурой.

Посмотрите, с трех сторон город окружен зелеными вершинами, которые было бы преувеличением назвать горами и преуменьшением – холмами. С Орлиной вершины, над которой мы сейчас находимся, видна длинная горная цепь Стара-Планины…

Приземление великолепной троицы состоялось на площади рядом с церковью святого Димитрия.

Компания по мощеной гранитом улице подошла к пивному бару, расположенному на открытой площадке под общим навесом. Столик, который заняли кот с подружками, стоял вплотную к перилам. Разместившись рядом с ними, девушки увидели, что находятся у самого края ущелья. Глубоко внизу протекала река Янтра – приток Дуная, похожая в это время года и с этой высоты на ручей, змеилась лента дороги, а прямо напротив возвышалась гора, на вершине которой что-то белело.

Официант принес пиво и к нему вяленую рыбку. Пиво было свежим, а рыбешка просто таяла во рту. Незадолго до посадки Бегемот слегка приодел девиц: теперь на каждой были белые шорты и маечка-безрукавка, поэтому произвести впечатление на окружающих они могли разве что своей красотой… и производили, это особенно чувствовалось во взглядах мужчин за соседними столиками, которые устраивались таким образом, чтобы было сподручнее наблюдать за украинскими красавицами.

Понять мужиков можно: во всей Европе такая красота – редкость. Во всяком случае ваш покорный слуга ничего подобного ни в Италии, ни в Англии, ни в Испании, ни даже в хваленой Франции не встречал. Конечно, нельзя не признать страстность итальянок, шарм француженок. Но безупречную красоту да еще в таком

почти расточительном обилии вы найдете только на Украине даже скорее, чем в России. А всем этим англичанам, немцам, датчанам, прибалтам можно только посочувствовать, на их женщин без слез взглянуть невозможно, тогда как мужчины по-своему красивы. Я однажды в Лондоне еще в достопамятные советские времена увидел жутко красивую бабу, чуть не поменял свое суждение об англичанках. Так она оказалась русской: вышла замуж и сделала Советской родине ручкой. Сейчас, разумеется, дела на Западе пошли на поправку за счет наших эмигранток и проституток, выполняющих в странах Европы интернациональный долг.

Мужчина, сидевший один за столиком на двоих, оторвался от пива и подошел к нашей компании, он был не молод, но и не стар и чем-то похож на Михаила Боярского, у него даже шляпа была такая, в какой любит появляться российский киноактер. Мужчина приподнял шляпу и мягким, приятным голосом по-русски, практически без акцента спросил:

- Вы, должно быть, из России?

- Нет, мы с Украины, - ответил Бегемот, присматриваясь к подошедшему мужчине.

- Не вижу особой разницы. Бывал и в Москве, и в Киеве… Вы позволите присесть?

Бегемот кивнул, и гость сел на свободный стул.

- Стефан, - представился гость, вновь приподняв шляпу, на мгновение задержав руку над головой. Но на этот раз он не возвратил головной убор на законное место, а положил на колени. – Извините меня за вторжение, очень хочется поупражняться в русском языке и посидеть рядом с такими красавицами.

В глазах болгарина светилось откровенное восхищение.

- Сразу видно, наш человек, - одобрительно сказал кот, - что думает, то и говорит; как чувствует, так и поступает! Вот за что люблю болгар: славяне-то они – славяне, но у них сердца южным солнцем согреты. Выпей с нами, дорогой. Официант, кружечку сюда!

Официант стремглав прибежал с кружкой, и Бегемот наполнил ее до краев.

Завязался непринужденный разговор, выяснилось, что Стефан еще в советские времена учился в Москве в пединституте имени Ленина.

- Знаете, - рассказывал он, - корпус, в котором у меня обычно были занятия, в двух шагах от Новодевичьего кладбища. Я после лекций, если погода позволяла, любил по нему гулять, сяду где-нибудь на скамью и размышляю о чем-нибудь или читаю. Так хорошо, уютно.

Однажды я познакомился там с очень красивой русской девушкой. Оказывается, я сидел на могиле ее дедушки – генерала. Я в нее с первого взгляда влюбился. Какое-то время мы с ней встречались, до самого моего возвращения в Болгарию. Я жениться на ней хотел, думал даже в России остаться.

- А почему же не остался? – поинтересовалась Анжела.

- Да потому что у вас умереть, конечно, не дадут, но ведь и жить не дадут.

- Ну, что вы, - откликнулся Бегемот, - у нас, особенно на Украине, теперь большие перемены. Жить, как и раньше, правда, не дадут, зато умереть – пожалуйста. Это запросто!

- Только с похоронами, у кого денег нет, могут возникнуть проблемы, - вступила в разговор Виктория. - Я в институте раньше работала секретарем ректора. Столько людей приходило, просили помочь прежних работников захоронить. Так ректор распорядился по таким поводам никого не принимать. У нас, говорит, вуз, а не похоронное бюро. Не знаю, как они из положения выходили.

Разговор со Стефаном был прерван приходом дамы, которую он ожидал. Не без сожаления он вынужден был откланяться и вернуться за свой столик.

Ночь уже вступила в свои права, к тому же место, где они сидели, было неплохо освещено, поэтому всё вокруг оставалось почти невидимым, погруженным во мрак.

Уплетая рыбку и запивая ее пивом, а может быть наоборот, попивая пиво и заедая рыбкой, кот непринужденно рассказал девицам, что отвесная скала, на площадке, где они трапезничают, называется «Лобной скалой», потому что в старину с нее сбрасывали всякую нечисть: предателей, бунтовщиков и неверных жен.

Заметив испуг на лицах девчат, Бегемот признался, что соврал для красного словца и «Лобная скала» находится не здесь. Но девицы, похоже, больше поверили именно в то, что они находятся на страшном месте и с опаской поглядывали вокруг, не примут ли и их за неверных жен и не захотят ли возродить варварские обычаи прошлого.

И в этот момент мощные прожекторы осветили гору напротив, не всю ее, а вершину. В лучах прожекторов и подсветки открылось великолепное зрелище: белокаменное строение, похожее на средневековый замок, и крепостная стена, опоясавшая вершину. Девушки, потрясенные волшебной картиной, тут же забыли о страстях-мордастях, рассказанных котом. «Нельзя выразить!» - вслед за францисканским монахом прошептала растроганная Виктория. Анжела бросилась Бегемоту на шею, обняла и поцеловала.

В тот же миг всё переменилось, как будто в диапроектор вставили новый слайд. Они стояли на Елисейских полях в Париже, примерно на одинаковом расстоянии от Триумфальной арки, с одной стороны, и площадью Согласия – с другой…

И вновь был вечер, и солнце только садилось. Наш молодой человек, давненько мы так его не называли, оказывается, был способен в одно мгновение перемещаться на громадные расстояния и возвращать время вспять. И этот кудесник уверял ректора Шельмовича в том, что не бывает никаких чудес. Впрочем, он и девицам заявил, что путешествия в пространстве и во времени возможны, в них нет ничего удивительного, но необходимы знания и огромная энергия, которыми люди, слава Богу, пока не располагают.

Анжела и Виктория стояли посреди самой роскошной улицы самого великолепного города мира примерно с тем же чувством, которое испытывали античные герои, перенесенные богами в Элизий, страну блаженного счастья.

Опомнившись от небольшого шока после внезапного перемещения в пространстве и сообразив, что они в городе, жить и умереть в котором мечтали и мечтают многие их соотечественники, девушки, не теряя времени, потянули Бегемота в шикарный магазин одежды, находившийся как раз за их спиной.

Стеклянные двери разъехались перед ними, как бы приглашая путешественников в мир современной моды.

Возможных покупателей обступили галантные продавцы. Кот, несколько нелепо смотревшийся с баулом через плечо, объяснил им, что желает одеть дам так, чтобы не стыдно было прогуляться по вечернему Парижу, зайти в приличные места. Его желание было исполнено незамедлительно и ко всеобщему удовлетворению. Кроме того, во что с головы до ног оделись Анжела и Вика, были взяты еще несколько платьев на смену. Когда была названа итоговая сумма, девушки пришли в некоторое замешательство, ее им хватило бы, чтобы безбедно прожить на ридной Украине года три-четыре. Но их кавалер отсчитал названную сумму, что называется, не моргнув глазом. И даже сказал:

- Это я понимаю – товар, это европейское качество, не то, что турецкое барахло!

Купленные вещи заодно с баулом кот попросил доставить в отель.

Выйдя из магазина, Виктория, глядя на свой элегантный костюм цвета кофе с молоком, полушутя-полусерьезно спросила:

- А с меня, как после сеанса Воланда в московском варьете, этот шикарный костюмчик часом не исчезнет… в самый неподходящий момент?

- Мерси вам, мадам. Как же не стыдно оскорблять благородного кота такими подозрениями. Впрочем, я вас не виню, вы просто жертва дезинформации. На самом деле после того сеанса никакие платья с дамочек не исчезали. Ну сами посудите: Воланд – и вдруг какое-то мелкое жульничество. На такое даже я не способен. Просто всю одежду или почти всю собрала милиция в качестве вещественных, так сказать, свидетельств, а уж потом она исчезла. Только мы с мессиром к этому прискорбному факту никакого отношения не имели.

Успокоив Викторию, Бегемот предложил посетить знаменитый квартал художников на Монмартре…

И вот они уже там. Вокруг снуют любопытные туристы, рассматривающие картины пока безвестных художников. Едва ли среди сотен живописцев, пристроившихся здесь со своими мольбертами, можно найти хоть одного, кто не

верил бы в свой талант и грядущую известность. Мы, простые обыватели, не будем осуждать их за это. Пусть они творят и надеются, ведь без надежды немыслимо никакое творчество.

Многие из них не только выставляли свои картины, но и готовы были за умеренную плату тут же написать ваш портрет.

- Не хотите ли запечатлеть себя для истории, дамы? – высокопарно обратился кот к своим спутницам.

Спутницы с радостью согласились. Относительно них хочу еще сообщить, что они вдруг стали понимать французскую речь. Надеюсь, читателю не нужно объяснять природу и источник этого дара. Однако способностью свободно изъясняться по-французски Бегемот по каким-то причинам их не наделил. Но, как говорится, и на том спасибо.

Кот остановился возле картин художника в сером видавшем виды замшевом жилете и потертых джинсах. Художник был не так молод, и надежда на грядущую славу в нем едва тлела, хотя пейзажи его отличались каким-то особым теплом и грустной человечностью. Сегодня Морис, так звали художника, не продал ни одной картины, за весь день ему не заказали ни одного портрета, и он, понурый, уже думал свертывать свои манатки и отправляться домой. Ему было до слез больно и обидно. Не потому, что народ вокруг разгребал бездарные и бездушные работы. А потому, что у него давно и тяжело болела единственная дочь; все средства, в том числе те, что удалось занять, шли на лечение ребенка. Больше денег не было. Надвигалась катастрофа.

- Можно сделать небольшие портреты этих дам? – обратился к художнику Бегемот.

- Конечно, месье! – оживился бедный художник, - только, боюсь, два уже не успеть.

- А вы попробуйте, - сказал кот и сунул художнику три сотни евро.

Аргумент произвел впечатление и художник, усадив первой Викторию, принялся за портрет. Никогда в жизни ему не работалось так, как в этот вечер: он мнил себя то Рембрантом, то Гойя, то Пикассо, он писал фантастически быстро и

страшно талантливо. Виктория ахнула, увидев результаты его труда. Конечно, она была узнаваема, но красота ее на портрете была неземной, глаза, зеркало души человеческой, излучали добро и спокойную уверенность. От портрета невозможно было оторвать взгляда, полюбоваться на него, а заодно на оригинал, собралась целая толпа.

Так же быстро и с тем же невиданным мастерством и вдохновением было выписано лицо Анжелы. Художник угадал и перенес на полотно и озорство, и бесшабашность, и неизменную веселость девушки из далекой и незнакомой ему страны.

Взглянув на портрет, Бегемот причмокнул и одобрительно заключил:

- Недурственно, канальство! А теперь, девушки, выбирайте по одной картинке в подарок.

Думаю, читателю интересно знать наперед, что в рекордно короткий срок художник стал жутко знаменитым и популярным. Подаренные котом картины оценивались в несколько сот тысяч, а портреты стоили целое состояние, цена их перевалила за миллион и с каждым годом всё росла, опережая самый высокий банковский процент. Друзья говорили художнику, что ему нужно не продавать свои картины, а писать для себя, так как это самое надежное помещение капитала.

Дочку художника положили в лучшую клинику, сделали дорогостоящую операцию, и ребенок понемногу пошел на поправку, а потом и думать забыл о своей почти неизлечимой болезни.

А в тот вечер все до единой картины Мориса были раскуплены, люди, которым не посчастливилось что-либо приобрести, выясняли, как с ним можно связаться, что он может предложить на продажу и как заказать ему свой портрет. Тут оказался владелец одной модной галереи, он умудрился перекупить несколько картин, заплатив за них вдвое и втрое дороже, а потом отправился в мастерскую художника договариваться о выставке его работ…

Покинув квартал художников, наши герои спустились чуть вниз по Монмартру и оказались напротив знаменитой Moulin Rouge, что означает «красная мельница». Если Эйфелеву башню парижане называют гранд-дамой Парижа, то

Moulin Rouge – его визитной карточкой. Это не просто кабаре – это одна из вершин парижского шика, это фирменное блюдо в меню столичных угощений, это озорной, задорный, слегка фривольный и в то же время стильный канкан. Выступать в Moulin Rouge – честь для актера. Здесь пели Шарль Азнавур и Фрэнк Синатра, танцевал Михаил Барышников, с собственным шоу выступала Лайза Минелли.

Moulin Rouge возник в конце XIX века на месте танцевального зала, в котором местные прачки устраивали свои цеховые балы. Атмосфера на них царила более чем непринужденная, наработавшись за неделю, девицы старались отдохнуть на всю катушку, в ходу были вызывающие телодвижения, из которых и родился знаменитый на весь мир канкан. Расцвет заведения запечатлен на полотнах Тулуз-Лотрека, которого обожали танцовщицы, и которым он подарил не одну свою зарисовку.

Согласитесь, противоестественно быть в Париже и не побывать в Moulin Rouge. Кот даже не задавал вопроса, хотят ли Вика и Анжела пойти в кабаре.

Каждый вечер в Moulin Rouge идут два трехчасовых представления. Билет стоит сто евро и приобретать его надо заранее, месяца за два. Но предусмотрительный Бегемот не только каким-то образом достал три билета на последний сеанс, но и умудрился забронировать столик в очень удобном месте.

Наша компания, опоздав почти на час, все же успела как раз к канкану. Десятка полтора танцовщиц на высоких каблуках, в платьях с оборками крутили колесо, садились на шпагат, на мгновение задирали юбки (невозможно было рассмотреть, что же у них под ними), задорно визжали, в общем, работали по полной программе.

Бегемот потчевал девиц шампанским, сам потягивал коньяк и курил сигару.

Анжелу почему-то волновал вопрос, есть у танцовщиц под юбками что-нибудь или нет.

Слегка охмелевший кот сказал: «Щас, проверим!».

Как по мановению волшебной палочки танцовщицы замерли в самой откровенной позе, на всех к разочарованию Анжелы и Бегемота были натянуты розовые панталончики.

- Тьфу, пошлость какая, - сказал кот и прервал затянувшуюся паузу. Канкан понесся с новой силой, но то, что он прерывался, остальными зрителями замечено не было.

После канкана на сцене появились четырнадцать танцовщиц-топлес в нарядах из бижутерии, скорее подчеркивающих, чем скрывающих наготу. Это были девушки с обнаженными красивыми грудями. Их головы увенчивали огромные шляпы весом до двадцати пяти килограмм с шикарными перьями, крепящиеся металлическим каркасом к поясу. Стройные и очень высокие девушки величественно расхаживали по сцене, демонстрируя себя и одаривая зрителей лучезарными улыбками. И не утаю от читателя, там было, что демонстрировать. Кстати, ни одной француженки среди танцующих не было, зато было несколько русских и украинок. Вот вам и ответ на вопрос, чьи женщины красивее.

Анжела и Вика восхищенно смотрели на танцовщиц, каждое их па они встречали по-детски восторженно, им казалось, что перед ними не просто актрисы, а какие-то небожительницы. Мысли о том, как здорово выступать в таком шоу, носились в их головках. Каждая представляла себя на сцене, каждая думала, что за шквал аплодисментов, за миг триумфа на подмостках Moulin Rouge можно отдать всё на свете. Какая жалость, какая трагедия, что для них это неосуществимо.

Мечты девушек не остались незамеченными Бегемотом. Он сказал:

- Блистать на сцене, ясный перец, хорошо. Но за этим – тяжелый труд. А случаются травмы и такая профессиональная болячка, как смещение позвоночных дисков. Да и другие бывают казусы.

- Какие там еще казусы?! – отмахнулись от Бегемота девицы.

После коньячка кота потянуло на пакости. Расхаживание по сцене топлес-красавиц показалось ему скучноватым, поэтому, когда на сцене появился арабский скакун, который должен был унести за кулисы приму-балерину, он что-то наколдовал, и началась потеха. Жеребец не только, как бы это поделикатнее выразиться, испортил сцену, но и умудрился поскользнуться на следах собственного конфуза. Вместе с ним рухнула на пол прима. Во время падения она зацепилась крюками своей тяжеленной шляпы за шляпу другой танцовщицы, обе оказались на

полу и долго и очень забавно пытались подняться, а потом стали мыкаться по сцене на манер сиамских близнецов, внеся полную неразбериху во всё представление.

Потеха завершилась тем, что «сиамские близнецы» свалились в зрительный зал. Остается только порадоваться, что зал от сцены не был отделен оркестровой ямой: согласитесь, упасть на головы зрителей предпочтительнее, чем провалиться в яму.

- Вот какие могут быть казусы, - назидательно сказал кот, и девушки поняли, что это его работа. Но укорять Бегемота они не стали, так как никто не пострадал, а всеобщее веселье достигло степени хохота до слез и колик в животе.

Насыщенный событиями и перелетами фантастический день завершился не менее фантастической ночью в гостиничном номере люкс, который кот снял под титулом барона де Бегемота. Можно было бы попробовать описать подвиги кота и его спутниц, совершённые этой ночью, однако боюсь, что такое описание поменяет жанр повести: из трагикомической она превратится в эротическую.

От греха подальше начну лучше следующую главу.

ГЛАВА 5

Смертельный сон

После того, как Шельмовича покинул под утро референт Воланда, ему на удивление удалось почти сразу заснуть. Несмотря на то, что половину ночи он провел в разговорах на метафизические темы, проснулся он как никогда бодрым. Говорят, что если тебе за пятьдесят, ты проснулся утром, и у тебя ничего не болит – проверь, не умер ли ты. Виссариону Иосифовичу было далеко за шестьдесят, но таким свежим и полным сил он просыпался разве что в детстве. К тому же его состояние чем-то напоминало пробуждение после операции, когда под действием наркоза человек не чувствует своего тела.

Он проснулся, когда Балоболка рассказывал остальным чудесный сон, героями которого были ректор и посланник сатаны. Этот, якобы, сон в точности воспроизводил все события минувшей ночи.

Балаболку перебил Студент, заявив, что он видел точь-в-точь такой же сон и может рассказать, что было дальше. Тут же выяснилось, что Студент не одинок, что Чирик с Семенычем ничем не отличаются от остальных. Они тоже видели, что к ректору приходил молодой человек, который то ли был послан дьяволом, то ли сам был дьяволом, и они с ректором всю дорогу «трепались» о Боге и о душе, а потом этот странный тип исчез, прямо так взял и прошел сквозь дверь. Но каждый из них считал, что это был всего лишь сон. Однако с таким они раньше не сталкивались: чтобы, значит, всем одновременно смотреть одинаковые сны.

Бросились будить ректора. Собственно, Шельмович уже проснулся, но притворялся спящим: лежал, слушал и думал, что и как объяснять соседям по палате.

На вопросы набросившейся на него четверки он отвечал, что мирно спал, во всяком случае, ничего не помнит. Шельмович как мог натуральнее изображал удивление и внимательно выслушивал рассказы других об этом загадочном «сне». Он даже посоветовал остальным никому не рассказывать не только содержание сна, но и то, что они коллективно его смотрели.

Вроде бы все согласились, что так лучше. Но разве у Балаболки что удержится. В тот же день вся клиника, все способные что-то соображать больные, все врачи и сотрудники знали о сеансе коллективного сна в шестой палате и даже начали приукрашивать происшествие собственными выдумками.

Особенно заинтересовался событием тот самый чудаковатый доктор, который ожидал катастрофического землетрясения. Он каким-то образом увязал сон со своим пророчеством. Проявил к нему огромный профессиональный интерес и завотделением. На время он оставил честолюбивые мечты одержать победу над Студентом, вместо игры в шахматы подолгу расспрашивал каждого из четверых, видевших одинаковый сон, и всё, что они говорили, аккуратно записывал.

Само собой, местные психиатры разгадки странного сна не нашли, но раструбили об этом случае. Скоро он стал широко известен в узких кругах украинских психопатологов. Из Киева прикатило какое-то светило психиатрической науки: старичок лет восьмидесяти, но шустрый как электровеник (просто, можно сказать, на боку дыру вертел). Две недели всей больнице места было мало, такую

бурную деятельность развил корифей науки. Однако светило случай этот осветить не смогло и уехало себе в столицу; может насовсем, а может за подмогой других звезд отечественной психиатрии. Всё же нельзя сказать, что приезд заезжего ученого был абсолютно бесплодным. После него остался термин, по-научному обозначавший происшествие в шестой палате: квадросновиденческий синдром телепатического происхождения.

Не ускользнул чудесный сон и от внимания следователя Стёпина. Он время от времени наведывался в психбольницу, встречался с Шельмовичем, задавал ему одни и те же вопросы, пытался поймать на противоречиях. В какой-то мере ему это удавалось, но как только Шельмович чувствовал, что дело складывается не в его пользу, тут же ссылался на забывчивость. А что возьмешь с человека, тронувшегося умом?!

Степашка нутром чувствовал, что ректор врет, будто не имеет никакого отношения к коллективному сну. Но Шельмович стоял на своем: дескать, я - не я и лошадь не моя. Был бы на дворе тридцать седьмой год, Степашка его живо на чистую воду вывел, он бы всё в самом лучшем виде изложил. А так как год был далеко не тридцать седьмой, хуже того, даже век не двадцатый, приходилось Степашке толочь воду в ступе и переливать из пустого в порожнее.

- Итак, - пытался запугать ректора Степашка, - со следствием вы сотрудничать не желаете. А вам известно, что последствия могут быть для вас плачевными?

- Нет, неизвестно, вы не могли бы уточнить? – с иронической усмешкой вопрошал экс-ректор.

- Вы недооцениваете наши возможности.

- Весьма вероятно, но что, собственно, вы намереваетесь мне инкриминировать? Я что должен отвечать за сны?! Ладно бы за свои, а то – за чужие.

«А он не дурак, - подумал Степашка, - надо признать, что среди интеллигентов тоже попадаются на редкость умные. Ну да ничего, и не таких обламывали».

- Я бы на вашем месте вел себя осмотрительнее, - говорил Степашка, глядя на Шельмовича как удав на кролика. - С ректоров вас сняли. Почему? Наверное, министерству известны какие-то ваши грешки. Можем и мы до чего-нибудь докопаться. Не боитесь больничную палату поменять на камеру в СИЗО? Удобно очень, и переезжать никуда не надо (Степашка намекал на то, что здание психбольницы соседствовало со следственным изолятором). Стоит ли с нами ссориться?

- Помилуй Бог, я и не ссорюсь. Просто вы задаете вопросы, на которые я не знаю ответов, - без тени страха отвечал бывший ректор.

Не добившись результата, Степашка решил сделать паузу, на какое-то время оставить его в покое, усыпить бдительность, а потом неожиданно напомнить о своем существовании. Решил он также инициировать разного рода проверки и инспекции в вузе, до недавнего времени возглавляемом Шельмовичем, накопать какой-нибудь компромат: глядишь, клиент станет сговорчивее…

Со времени ночного разговора с референтом Воланда в Шельмовиче стали происходить значительные, даже разительные перемены не физического, а морально-психологического свойства.

Виссарион Иосифович стал меньше обращать внимания на житейские неурядицы. Еще недавно известие о снятии с должности воспринималось им как трагедия вселенского масштаба, и он целыми днями ломал голову над тем, как вернуть утраченное положение. Теперь же он думал, что пора воспользоваться правом на заслуженный отдых. Ему даже становилось не по себе от мысли, что всё может начаться сначала: с утра до вечера придется решать хозяйственные вопросы, заниматься в условиях мизерного финансирования бесконечным латанием дыр, угождать зажравшемуся и хамоватому начальству, интриговать внутри собственного коллектива, надувать щеки и строить из себя серьезного руководителя и ученого, не будучи ни тем, ни другим.

Его начала беспокоить совесть, которую он раньше считал химерой. Он раз за разом возвращался к неблаговидным поступкам своей жизни и мучился

переживаниями. Более того, его подмывало кому-нибудь об этих поступках рассказать, излить душу:

- Знаешь, Семеныч, правильно говорят, что власть портит человека. Я о себе вспоминаю: до того, как ректором стал, вроде нормальным был человеком. Иногда подличать-таки приходилось, но не по собственной воле, а вынужденно, в угоду начальству. А уж как ректором стал, сразу обнаглел до крайности, человеческий облик потерял.

- А ты часом не наговариваешь на себя? – вопрошал Семеныч, удивленный приступами ректорского покаяния.

- Наговариваю, говоришь. Да если я тебе половину того, что вытворял расскажу, ты мне первый в морду плюнешь.

- Что ж ты, мил человек, такого вытворял? Рассказывай, не плюну.

И бывший ректор рассказывал истории вроде следующей:

- Помнишь последние выборы в Верховну Раду? Тогда по указке сверху всем руки выкручивали за ЕДУ голосовать?

- За единую Украину?

- За нее… Мне выкручивали, а я своим подчиненным еще больше выкручивал. Сам ни в какую ЕДУ не верил, чихать на нее был рад, но из кожи лез, чтобы все студенты пришли и как велено проголосовали… Чтобы они во время выборов по домам не разъехались, я даже занятия перенес. А один хлопец все-таки уехал. А на Симферопольской трассе его автобус с другим автобусом лоб в лоб столкнулся. Авария была страшная, и хлопец - насмерть! А после приходят ко мне студенты из его группы и отпрашиваются на похороны. Я с ними разговаривать не стал, выгнал. А они всё равно поехали и два дня пропустили. Так я издал приказ об их отчислении.

- Выгнал, получается, из института? – уточнил Семеныч.

- Вот именно, выгнал.

- Так может и правильно, зачем дисциплину разлагать?

- Да не о дисциплине я думал. Меня зло разбирало, что меня сначала один ослушался…

- Правильно, - вставил Семеныч, - не ослушался – жив бы был.

- Так-то оно так, только не о нем я думал, а о себе. Я ж боялся, что мне губернатор скажет, что мои студенты вместо того, чтобы за ЕДУ голосовать, домой поразъехались. И на друзей его по той же причине обозлился… А теперь думаю, какое же я право имел не разрешать людям с товарищем попрощаться.

И после этого ты не хочешь мне в рожу плюнуть?

- Уволь, знаешь, не хочу.
- И зря!…

Виссарион Иосифович стал критичнее по отношению к собственной персоне и терпимее к окружающим, он начал замечать вокруг себя людей. Надменный вид его пропал, он стал держаться проще. Совсем недавно он делил людей всего на два разряда: нужных и ненужных, и относился к ним соответственно. К нужным – проявлял внимательность и предупредительность, стремился завязать с ними приятельские отношения. Ненужных – просто не замечал. Но стоило человеку из разряда нужных попасть в ненужные, такой человек переставал для него существовать.

Теперь же Шельмович не только снизошел до бесед с товарищами по несчастью, но даже стал стремиться к общению с ними и находить в нем интерес. Он нашел, что Семеныч, несмотря на алкоголизм, по-своему умен и глубок, что Балаболка остер на язык, но в целом незлобив, что Студент, если не гений, то необычайно талантлив (Шельмович, кстати, стал единственным в палате, кто согласился выслушивать его стихи). Он даже выяснил, что Чирика зовут Василием Ильичем и с тех пор обращался к нему по имени и отчеству, хотя был много старше.

И еще одно. По отношению к другим обитателям шестой палаты он стал испытывать что-то вроде мук совести. Он задавал себе вопрос, почему в разговоре с посланником Воланда не вспомнил про них, почему не попросил излечить несчастных людей. Он отгонял от себя эту мысль, пытался успокоить себя тем, что тот либо не захотел бы, либо не смог помочь им, но легче от этого не становилось, и чувство вины не проходило.

- Что это вы всё время пишите, Виссарион Иосифович? – спросил Студент, наблюдая за тем, как ректор раз за разом вытаскивал из-под подушки записную книжку в черном кожаном переплете и делал в ней какие-то пометки.

Неделю назад Шельмович не удостоил бы Студента ответом или заявил, что это его не касается. А сейчас он доброжелательно сказал:

- Ты, Леша, не поверишь, но строю планы на будущее.

- Ну, почему не поверю, Висарион Иосифович?

- Да потому, что ты молодой; смотришь на меня и думаешь: какое там будущее у этого старика?

- Вовсе я так не думаю, - запротестовал Студент.

- Думаешь, Леша, думаешь. Ну, да ладно… Может это и смешно, раньше жизнь планировать надо было, но, как говорится, лучше поздно, чем никогда. То, что я пишу – не совсем планы, скорее – принципы. Я по принципам никогда не жил, если только приспособленчество принципом не называть. А теперь хочу попробовать.

- А что ж это за принципы такие? – поинтересовался Балаболка, который стоял у окна и насвистывал Чижика-пыжика.

- Принципы самые обычные: не ври, не кради, не обижай никого. Только по ним жить надо, а не рассказывать о них. А то ведь очередное вранье и болтовня получится, а этого добра у меня и раньше хватало.

- Ты меня, ректор, извини, похоже, ошибся я в тебе, - заявил Балаболка. - Я на тебя как поначалу посмотрел? Вижу прохиндей, натуральный прохиндей. А теперь вижу, ошибся.

- Не за что тебе извиняться. Как ты обо мне сказал, так оно и есть, и я сам еще не знаю, смогу ли от прохиндейства этого избавиться. Хочу очень, но не знаю. Одно только могу, мужики, сказать: это по поводу вашего сна, не сон это вовсе, а всем нам знамение. Сон ваш – правда, мужики. Так и знайте! А какие выводы из него делать – вам самим решать.

- Решать хорошо. Еще б я понял в нем что-нибудь, - встрял в разговор Чирик.

- А что там понимать-то, - откликнулся с кровати Семеныч. - Живи по совести, если душу сохранить хочешь. Вот и всё! А по-научному хочешь чтоб объяснили, так вот тебе ректор со Студентом.

Поскольку ни признаков агрессии, ни желания бегать в чем мать родила Шельмович больше не выказывал, ему объявили, что уже в пятницу, послезавтра, он может отправляться домой. А и действительно, что было держать под замком пациента, который не лаял, не кусался, голышом не бегал и даже в коллективных снах не участвовал.

В пятницу утром за Виссарионом Иосифовичем приехала жена. Приехала с большим опозданием. Причину задержки она объясняла так:

- Я, Вися, позвонила в твой институт, просила прислать машину. Они обещали. Я ждала, ждала, а машины всё нет. Пришлось заказать такси.

- Напрасно ты, Маша, туда звонила, - с досадой сказал бывший ректор супруге, - я теперь для них – никто.

Неприятно, конечно, что в такой мелочи ему отказали, думал Шельмович, но разве не поступал он точно так же. Разве, когда умер бывший ректор, его предшественник, не обещал публично, что сыну его ни в чем отказа не будет, а потом сделал всё возможное, чтобы выжить того из института… «Бумеранг это, бумеранг, принцип бумеранга. Последыши мои – копия меня самого, от них помощи не дождешься. Сам подбирал, старался», - эти мысли витали в голове Виссариона Иосифовича по дороге домой. Раньше склонности к самокопанию он за собой не замечал. Это еще одно свидетельство произошедших в нем перемен.

Такси надолго застряло в пробке, тянувшейся от проспекта Пушкина. На углу Серова и Комсомольской по обыкновению стоял регулировщик и изо всех сил мешал движению. Наконец, проехали чертов перекресток и выбрались на проспект Маркса, по которому движение столь же быстро, как путь к коммунизму.

Когда подъехали к ЦУМу и машина застряла в очередной пробке, взор Шельмовича упал на купола кафедрального собора. Сам собор виден не был: его заслоняло помпезное административное здание. Сотни раз бывал он здесь, случалось, проходил мимо собора, но никогда не обращал на него внимания –

сооружение это для него как бы не существовало. Тем более не возникало у него мысли войти внутрь собора. Сейчас же он не только внимательно разглядывал зеленые купола, но даже подумал: «Надо пойти в церковь, поставить свечку за мое возвращение». Слово «возвращение» прозвучало в его сознании так торжественно, что не умещалось в рамки обыкновенного смысла.

Такси свернуло на Дзержинского, миновало медицинскую академию, повернуло направо и въехало во двор дома, в котором на втором этаже в трехкомнатной полнометражной квартире проживал наш герой. Полчаса потребовалось для того, чтобы проехать каких-нибудь семь километров, не больше. Дом, в котором жил Шельмович, был не самым престижным в Днепропетровске, но одним из таких, о которых абсолютное большинство может только мечтать.

Шельмович не сразу вошел в подъезд, попросил жену постоять во дворе минут пять. Раньше он никогда не задерживался во дворе и всех этих пенсионеров, готовых часами сидеть на лавочках, убивавших драгоценное время в разговорах ни о чем, высокомерно презирал. Сегодня он стоял возле подъезда, просто дышал полной грудью и смотрел. Двор казался ему необычным, такое бывает после долгого отсутствия. Вместе с тем всё было родным и милым. Даже соседний ветхий трехэтажный дом, два верхних этажа которого были обшиты полугнилыми досками, не вызывал досады и раздражения. Во дворе, если не считать толстенной трубы из оцинкованной жести, ползущей по стене из подвала на самую крышу, ничего нового не было. Но отчего-то на всё вокруг, виденное тысячи раз, смотрел он новыми глазами.

Поднялись на второй этаж, жена как обычно долго рылась в сумочке в поиске ключей, наконец, переступили порог квартиры. Квартира досталась Виссариону Иосифовичу от отца. Шельмович-старший получил ее как ответственный советский работник. Раньше в ней проживало довольно большое семейство, но потом вышла замуж дочь, уехал в Киев сын. Теперь Шельмович жил здесь вдвоем с женой.

Виссариону Иосифовичу нравилась его квартира с высокими потолками, с возможностью уединиться и отдохнуть. Он слонялся по квартире, от которой тоже успел отвыкнуть за месяц пребывания в дурдоме. Жена суетилась на кухне, пытаясь

организовать ему праздничный обед. На столе уже стояли приборы самого лучшего столового сервиза, хрустальные рюмки и бутылка любимой ректором водки «Абсолют».

Супруга Шельмовича была противницей выпивки, знала, что на работе ее Висику приходится по разным поводам употреблять, а то и злоупотреблять. Кстати, позорную историю с водворением в психушку она объясняла именно злоупотреблением спиртным. Однако лечащий врач пояснил ей, что болезнь ее мужа никакого отношения к белой горячке не имеет, хотя к чему она имеет отношение он толком не знал.

Супруги сели за стол. Налили по рюмочке. Виссарион Иосифович поднял свою рюмку.

- Маша, я хочу сначала выпить за нас и нашу новую жизнь. А потом прошу тебя набраться терпения и выслушать, что я тебе расскажу. Только не перебивай, ради Бога.

Виссарион Иосифович одним глотком выпил свою рюмку, отправил в рот маринованный огурчик и начал свой рассказ с момента появления странного гостя в его кабинете. По ходу повествования еще дважды до краев наполнялась рюмка и выпивалась тем же способом и тем же способом закусывалась.

После того, как Шельмович всё без утайки выложил супруге, он жадно набросился на приготовленные яства. Пока он ел, Мария Яковлевна переваривала сказанное мужем. Она не была заядлой атеисткой, как он. Ее можно было бы назвать пассивной верующей: она не являлась ни православной, ни католичкой, ни протестанткой, не посещала никакую церковь, но верила в Христа и знала то немногое, что знает из Библии практически любой культурный человек.

Еще в отличие от мужа ее в детстве крестили, и несколько раз в жизни она ходила в церковь по разным поводам. Муж об этом даже не знал. Естественно, она не венчалась и своих детей не крестила.

Рассказ супруга она выслушала, разинув рот, и теперь сидела, глядя на него и не зная, что думать: можно ли принять сказанное за истину или всё это бред больного сознания, и мужа напрасно выпустили оттуда, где ему самое место.

- Я знаю, что в это трудно поверить. Я сам до последнего времени не верил. Думал это какая-нибудь мистификация или немыслимая галлюцинация. Но потом я сопоставил все факты, а факты, Маша, - упрямая вещь, и пришел к выводу, что никакой я не сумасшедший. Просто я один из немногих людей, которые столкнулись с потусторонним миром. Да, сомнений нет ни малейших, есть потусторонний мир. Может быть, собранные мною факты еще не свидетельствуют о существовании Бога. Но что есть Дьявол, что его посланец являлся ко мне – это точно.

Вот! Вот здесь записаны все факты, - Шельмович достал записную книжку и положил ее на стол перед женой. - Ты всё спокойно прочитай и постарайся понять, что к чему. А еще, Маша, я из этих фактов сделал выводы, вывел принципы, по которым мы с тобой жить должны теперь. Ты их тоже прочитай.

Виссарион Иосифович продолжал уплетать за обе щеки приготовленную вкуснятину (жена, надо отдать ей должное, любила и умела готовить), а Марья Яковлевна тем временем углубилась в чтение записей, которые тайком от врачей делал Шельмович. Попадись им эти записки, он бы сейчас за домашним столом, надо думать, не сидел.

Прочитав всё до конца, супруга растерянно посмотрела на своего Висю и, покачивая головой, спросила:

- Дорогой, а ты меня не разыгрываешь?

- Да нет же, Маша, нет! Причем тут розыгрыш. Я что, сам себе кабинет разгромил, сам стенку самосвалом проломил. Между прочим, следователь говорил, что он у них куда-то исчез, найти не могут. Ну это ладно, положим, украли. А то, что еще четверо в палате видели то же, что и я, только думали, что это сон - это как? Тоже скажешь – розыгрыш?!

Что же это я тебя убеждать вынужден. Кто из нас в Бога верит: ты или я? Я вижу, ты такая же, как те маловерные, для которых Иисус чудеса творил, а они всё никак в него не верили.

Последний аргумент и упрек произвели на Марию Яковлевну должное впечатление.

- Хорошо, Вися, я тебе верю. Но скажи, пожалуйста, что ты теперь со своим открытием делать собираешься.

- Пока точно не знаю, знаю только, что жить так, как до сих пор жил, я не буду. Так жить нельзя! И для начала сегодня же мы с тобой пойдем в церковь, согласна?

Глаза Марии Яковлевны потеплели, неожиданное предложение мужа ей очень понравилось.

- А куда пойдем? – спросила она.

- Особой разницы нет. Но когда мы сегодня мимо собора проезжали, я подумал пойти туда. Ты, кстати, не помнишь, как он называется?

- Помню, конечно, Свято-Троицкий.

- Теперь и я вспомнил, точно – Свято-Троицкий.

Через час они собрались и мирненько, взявшись под руки, впервые в жизни вдвоем отправились в храм Христов.

Во дворе величественного здания, построенного архитектором Висконти в русско-византийском стиле, стояла лавка с предметами культа и религиозной литературой. Они купили свечи и небольшую брошюрку с информацией о храме. Из нее они узнали, что Свято-Троицкий собор был основан в 1845 году, что на месте, где он ныне возвышается, раньше стояла небольшая деревянная церковь, построенная в честь Казанской иконы Божьей Матери. В сороковых годах XIX столетия церковь эта обветшала, и было принято решение ее снести и построить новый храм в честь Пресвятой Троицы. Говорилось в брошюре и о том, что вскоре после революции собор по решению местных властей был закрыт и превращен в складские помещения. Во времена фашистской оккупации собор изнутри сгорел, но после освобождения города собор был возвращен верующим, отреставрирован и открыт для посещения.

В брошюре об этом не говорилось, но, думаю, читателю небезразлично узнать, что Свято-Троицкий собор был превращен в складские помещения в результате требований той самой организации Союза безбожников, которую возглавлял Шельмович-старший. Шельмович, правда, настаивал на более радикальном

решении: «взорвать источник религиозной заразы к чертовой матери». Потом он же, будучи уполномоченным по делам религии и церкви, вынужден был, после неоднократных обращений верующих в высокие инстанции и прямого указания сверху, дать разрешение на открытие храма. После войны авторитет православной церкви возрос, и у Шельмовича не хватило сил противиться возвращению собора верующим. Но он долго брызгал слюной и поминал тех, кто не дал ему в двадцатые годы разрушить Свято-Троицкий собор.

Неловко разжигая и пристраивая свечу перед иконой Казанской Богоматери (разумеется, копией), Виссарион Иосифович всё время повторял про себя: «Матерь Божия, молю тебя заступись за меня перед сыном твоим и помоги несчастным обитателям палаты номер шесть». Так повторил он несколько раз. Но вдруг ему почудилось, что со спины к нему кто-то подошел и голосом референта Воланда сказал: «Просить надо о чем-то одном, тогда сбудется». Шельмович обернулся – никого не было. Он вновь обратил лицо к иконе, какое-то время стоял в оцепенении и, наконец, шепотом выдавил из себя: «Прошу, помоги товарищам моим из шестой палаты». Тут же страх сжал его сердце, ведь он только что отказался от самого себя в пользу других, почти чужих ему людей. Но он решительно выпрямился, расправил плечи и уверенно, хоть и беззвучно, повторил: «Помоги товарищам моим».

Потом Виссарион Иосифович обернулся кругом, увидел жену и подошел к ней.

Стоя рядом с супругом перед образом святого Николая, Мария Яковлевна всё вопрошала, правда ли то, что рассказал ей муж. И вдруг услышала голос, который явственно произнес: «Правда, всё – правда». Ей даже почудилось, что это тихо сказал старец, изображенный на иконе: когда звучали эти слова, его губы слегка двигались и шевелилась борода.

Когда супруги шли домой, Виссарион Иосифович спросил у жены:

- Тебе не показалось, что тот святой, которому мы поставили свечу, что-то сказал?

Марья Яковлевна рассказала мужу, о чем она спрашивала святого и что он ей ответил… Они обнялись и поцеловались, и было так хорошо обоим, как давно уже не было.

В первые недели новой жизни Шельмович сделал для себя важное открытие. Оказывается, можно спокойно и чисто жить без всякой борьбы за выживание, на которую он был обречен в годы своего продвижения по служебной лестнице. Раньше ему казалось, что жизнь пенсионеров – не жизнь вовсе, а форма существования белковых тел. Теперь же он понял, что обрел свободу, что может самостоятельно распоряжаться своим временем и, если не хандрить, не ныть, то воспользоваться им можно с пользой и с удовольствием для себя и близких.

Раньше на чтение художественной литературы у него не было ни минуты, а, главное, читать ничего не хотелось, не до того было, домой он обычно возвращался как выжатый лимон. Всё, на что его хватало – тупо посидеть часок-другой перед телевизором. Теперь он вынимал из книжных шкафов то одну, то другую книгу, открывал на первой попавшейся странице, пробегал глазами несколько абзацев и решал для себя, стоит ли ее читать. Книги, которые привлекали его внимание, он отправлял на специально освобожденную полку.

Львиная доля довольно большой библиотеки семейства Шельмовичей была собрана еще в те времена, когда простые смертные ночами стояли в очередях, чтобы подписаться на какое-нибудь собрание сочинений, а номенклатура могла приобретать, что душе угодно. Своим номенклатурным правом пользовался и Шельмович-старший, который хотя и не был страстным библиофилом, но почитать на досуге любил.

В результате просмотра значительной части домашней библиотеки на полке первоочередного чтения появились: Библия, «Письма Луцилию» Сенеки, «Исповедь» Августина, «Рубаи» Хайяма, «Опыты» Монтеня, «Мысли» Паскаля, «Афоризмы» Лихтенберга, «Шагреневая кожа» Бальзака, «Отверженные» Гюго, «По ту сторону добра и зла» Ницше, «Война богов» Парни, «Фауст» Гете, «Идиот» Достоевского, «Круг чтения» Льва Толстого, «Буранный полустанок» Айтматова и «Мастер и Маргарита» Булгакова.

Роман «Мастер и Маргарита» упомянут последним, но именно с него начал чтение Виссарион Иосифович. Жаль, что он не прочел его раньше, хотя был

наслышан о нем. Теперь его интересовало, есть ли какая-то связь между реальными событиями, участником которых он стал, и повествованием Булгакова.

Кроме чтения, коротания вечеров за телевизором нашлось много других занятий, до которых недавно не доходили руки. Из Киева на каникулы приехал погостить внук. Ему исполнилось двенадцать, он учился в престижном лицее «Гранд». Каждый день пообщаться со столичным братцем забегала внучка. Только вечером, часов в девять, ее забирала дочь. Виссариону Иосифовичу безумно нравилось не только наблюдать за играми детей, но участвовать в них.

Смешно было смотреть, как внук, не столько потому, что был старше на три года, сколько по причине столичного снобизма, менторским тоном пытался наставлять и поучать сестру. Он и к деду с бабкой по той же причине относился несколько свысока, что, дескать, с вас взять, провинциалов, вы и трех слов по-японски связать не умеете, а я не только японский, но еще три языка изучаю.

С утра старшие Шельмовичи с обоими внуками отправлялись на прогулку, обычно в парк Шевченко и на остров Монастырский, бывший Комсомольский. Впрочем, и сейчас большинство горожан называло его прежним именем. С собою Шельмовичи брали нехитрый провиант. Когда дети, вдосталь набегавшись, успевали проголодаться, на травке устраивался пикник. К обеду семейство возвращалось домой. И тут уж бабушка старалась напичкать детей поплотнее. Худенькими их назвать было нельзя, но ей казалось, что они недостаточно кругленькие.

Полагаю, читателю приходилось наблюдать, как старшее поколение, детство которого пришлось на годы войны, трепетно относится к пище. Люди, наголодавшись, на всю жизнь сохраняют страх перед голодом, боятся, что такое может повториться. Они сами усердствуют в поглощении пищи и принуждают к этому младших с той, вероятно, мыслью, что пока толстый сохнет – тонкий сдохнет.

И еще одно приятное мероприятие ожидало стариков и внуков: на две недели они отправлялись на Солнчев Бряг в Болгарию, уже были куплены путевки, и до отъезда оставалось три дня. Последние годы Виссарион Иосифович отправлял своих домочадцев на принадлежавшую институту базу отдыха в Алуште. Теперь же о бесплатном отдыхе в Крыму не могло быть и речи, во всяком случае Шельмович

наотрез отказался разговаривать по этому вопросу с председателем профкома своего вуза.

Идиллическая картина была бы полной, если бы Виссариону Иосифовичу не продолжали сниться страшные сны, хотя уже без участия референта Воланда. Этой ночью ему приснился один из таких снов.

Вроде он, еще маленький ребенок, идет по лесу, он заблудился, и потому ему страшно, он наугад идет то в одну, то в другую сторону, но не находит дороги. Вдруг впереди сквозь деревья ему мерещится что-то синее. Он догадывается, что это озеро, понимает, что там может быть жилье и бежит в этом направлении.

Лес перед ним расступается, и он видит ставок с неестественно чистой голубой водой. За ставком на пригорке стоит небольшая деревянная церковь, и перед ней толпятся люди. Он направляется к ним. Люди сгрудились вокруг телеги, на которой стоит человек в черной кожанке. Человек размахивает руками и что-то эмоционально говорит, нет, скорее надрывно кричит, собравшимся. На боку кричащего висит деревянная кобура, а из нее торчит рукоятка нагана. Вокруг него тоже стоят вооруженные люди, только у них не наганы, а винтовки.

Вися проталкивается между людей, подходит ближе к оратору и теперь отчетливо слышит, что он говорит:

- Граждане сознательные крестьяне! Костлявая рука голода держит за горло ваших братьев-пролетариев. Рабочие в городах голодают, их жены голодают, у них нет корки хлеба, чтобы накормить своих детей.

Они взывают к вам, они молят вас о помощи. А что же вы?! Чем вы им помогли?! Вы спокойно смотрите, как кулаки-кровопийцы прячут от народной власти хлеб, хлеб, который они украли у трудового народа.

Этим мерзавцам пособничают попы. Церковники с давних времен накопили огромные богатства. Эти богатства принадлежат не им, они тоже украдены у народа.

И теперь, когда народ голодает, они не хотят вернуть ему то, что награбили, они не хотят спасти его от голодной смерти.

Граждане сознательные крестьяне! Товарищ Ленин издал приказ об изъятии церковных ценностей. Мы приехали выполнить приказ вождя. Нам известно, что

ваш священник и церковный староста где-то прячут золото и серебро. Помогите найти и экспроприировать эти ценности!

(Глядя на захудалую церквушку, трудно было поверить, что в ней могли храниться хоть какие-то ценности).

Тут только Виссарион разглядел двух человек, один из которых был в поповской рясе. Они сидели на земле, привязанные к телеге, под охраной вооруженных красноармейцев. Ясно, что это те самые староста и священник, о которых говорил комиссар. Оба были сильно избиты: у священника из разбитой губы сочилась кровь, левый глаз заплыл, староста сидел скорчась, держась за грудь, и стонал, он закашлялся и выплюнул на землю красный сгусток, вся земля вокруг него была в этих алых и коричневых плевках.

Комиссар повернулся, ища в толпе желающих помочь. Несколько человек с отвратительными рожами вызвались помогать экспроприаторам и повели их в сарай неподалеку. Сарай принадлежал старосте. Вися припал к одной из многочисленных щелей сарая, он хорошо видел, что происходило в нем. Внутри сарая, кроме груды соломы в одном из углов, ничего не было. Люди стали разгребать сено. Никаких сундуков или хотя бы ларцов с серебром и золотом не было.

Но из-под сена выволокли девчонку лет пятнадцати.

- Кто это? – спросил комиссар сопровождавших его крестьян.
- Це ж Ганка, донька старосты, - объяснил один из них.

Комиссар схватил девочку за руку, выкрутил ее и зловещим голосом спросил:

- Говори, где батька сховал церковное добро?!

Девочка широко раскрытыми глазами смотрела на него, силилась что-то сказать, уголок рта ее нервно подергивался, но ни слова от испугу произнести она не могла.

- Что молчишь, кулацкое отродье?! – кричал комиссар. Но ответа не было, а по ногам девчонки потекли струйки.

- Уссалась, сучка! Сейчас посмотрим, где там у тебя прохудилось, - со злобной усмешкой сказал комиссар и приказал подручным сорвать с нее одежду.

Ничего кроме ситцевого платьица на девочке не было, его разодрали почти мгновенно, а комиссар в это время торопливо стягивал с себя брюки.

Виссарион зажмурил глаза, а когда раскрыл их через минуту, картина изменилась. В сарае были только трое: комиссар, сельский священник и староста. Последние стояли со связанными за спиной руками у противоположной стены сарая, стояли лицом к комиссару. Самого комиссара Вися мог видеть только со спины. Тот достал из кобуры наган и направил его в сторону связанных людей. Комиссар прицелился, но медлил с выстрелом.

- Стреляй, стреляй, гад! - хриплым голосом закричал староста.

Последнее слово потонуло в звуке выстрела. Виссарион увидел, как пуля расколола голову расстрелянного, и мозги его брызнули на доски сарая.

- Господи, прости им, ибо не ведают, что творят, - повторил священник слова распятого Христа и тут же упал, сраженной комиссарской пулей.

Палач воровато обернулся, на лице его застыла садистская улыбка. Впервые лицо комиссара Виссарион разглядел вполне отчетливо. Он узнал его… Это был отец, только молодой, каким он знал его по старым фотографиям.

Стена сарая, которая до сих пор скрывала мальчика, исчезла, и он оказался один на один со своим отцом. Тот поманил его пальцем и ласковым голосом сказал:

- Иди сюда, сынок, поможешь закопать наших врагов.

- Убийца, ненавижу тебя! – прокричал сын в ответ.

Комиссар поднял наган. Грянул выстрел. Пуля попала в грудь…

Утром врач скорой помощи констатировал смерть Виссариона Иосифовича предположительно от разрыва сердца. Позднее патологоанатом подтвердил этот диагноз – обширный инфаркт.

ГЛАВА 6

Ухо на паркете

- Леонид Владимирович! Там к вам рвется этот ненормальный академик, я опять забыла его фамилию, Клизмин, кажется.

- Клязьмин, что ли?

- Ну, конечно, как это я всё забываю – Клязьмин.
- А чего ему нужно - сказал?
- Нет! Сказал только, по важному делу.
- У него все дела важные.
- Скажи, я пока занят. Если хочет, пусть подождет: минут через тридцать – сорок освобожусь.

Этот разговор происходил в кабинете заместителя министра здравоохранения, Леонида Владимировича Хрюкало.

Мы с тобой, дорогой читатель, вслед за нашим героем Бегемотом переносимся из страны в страну, из города в город. Стоит ли пояснять, что сейчас мы в Киеве, столице суверенной и независимой Украины.

Дверь за секретаршей закрылась, а через минуту она уже по телефону сообщила шефу, что академик будет ждать.

«Вот, старый крокодил, любит министерские пороги обивать, от дел отрывает», - не без досады подумал замминистра. На самом деле никаких дел, как и у большинства министерских чиновников, у него не было. Это был общепринятый номенклатурный стиль – убеждать всех, включая самого себя, что страшно занят.

Сорок с лишним минут ответственный работник читал газету, раскачиваясь в кресле; звонил домой, сообщил, что, возможно, задержится на работе; разминался, сделав по десять приседаний и наклонов вперед и в сторону – в общем, активно боролся с бездельем и скукой.

Три четверти часа вместили не только чтение, физзарядку и звонок домой, но и напряженную умственную работу. Он думал: «До чего Галя растолстела. Когда пять лет назад брал ее секретаршей, была как былиночка. А теперь стала дородная украинская баба, о таких говорят: начнешь обходить, так и устанешь. Надо ведь, что сидячая работа с людьми делает. И секс с ней стал какой-то нудный, примитивный. Зачем только перетащил ее за собой из облздрава… Пора тебя, Галочка, менять. Как только где-нибудь место главврача освободится, надо будет ее туда спровадить. Высшее медицинское образование у нее есть, опыта врачебной работы, конечно,

никакого, но разве это главное. Как говорится: не умеешь работать сам – учи других, не умеешь ни того, ни другого – тогда руководи!».

Для характеристики нового персонажа познакомлю читателя с основными вехами его биографии.

Он, как почти все наши крупные руководители, вышел из народа, то есть из глухой деревеньки Днепропетровской области. Деревенька, правда, имела звонкое и воинственное название «Партизаны». Семейство Хрюкало состояло из людей рисковых и нахрапистых. Первым проявил себя дед, который во время войны подался в полицаи, а потом, когда фашистов погнали, ушел с ними, и с тех пор никаких известий о нем не было.

Отец Леонида во время войны вместе со своей матерью обирал убитых солдат. Оружие их не интересовало, а личные вещи можно на что-нибудь обменять. Бои шли жестокие, и незахороненных трупов с той и с другой стороны было много.

К Хрюкало односельчане относились враждебно. Не раз в школе однокашники мутузили Леню, поминали деда – предателя. А заступиться за него было некому, потому что отец семью бросил и уехал куда-то сначала в Сибирь, а потом на Дальний Восток. Много лет спустя отец объявился. Нет, не приехал в родную глубинку, а написал письмо, пригласил сына погостить и вовсе не на Дальнем Востоке, а в столичном Киеве.

За годы своих странствий Хрюкало-старший умудрился круто перекроить свою биографию. Из малолетнего мародера и отпрыска предателя превратился в сына одного из руководителей подполья и юного партизана. Когда каратели, окружили отряд партизан, который до этого вошел в деревню, чтобы пополнить продовольственные запасы, начался неравный бой. Все партизаны погибли, один только Вовочка огородами ушел в лес… А когда он вышел из леса, то подумал, что неплохо ему будет получить высшее образование. И получил. Во всяком случае корочки соответствующие заимел, хотя ни одного дня в вузе не учился.

Потом умудрился накропать диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук по теме: «Коммунистическая партия Советского Союза – организатор партизанского движения на Украине». И со свойственной всем Хрюкало

напористостью, отправился защищать ее в столицу тогда еще Советской Украины. С такой героической биографией, как у него, и с таким количеством презентационной икры диссертация пошла на «ура» и была утверждена единогласно. Можно сказать, что Владимир Иванович Хрюкало, отец Леонида Владимировича, являл собой прямое олицетворение шутки-прибаутки – «ученым можешь ты не быть, а кандидатом быть обязан».

Окрыленный успехом Владимир Иванович решил сосредоточиться на научно-педагогической деятельности. Перебрался в Киев, определился на работу в университет и, не откладывая дело в долгий ящик, занялся докторской диссертацией. Не успел он толком определить направление нового труда, как заварилась каша ГКЧП, которой воспользовались шустрые лидеры трех славянских республик и между делом и парой рюмок добили тысячелетнюю империю.

Я говорю, «добили», потому что развал начался задолго до них, еще в октябре семнадцатого года. И колосс, казавшийся несокрушимым, столетия приводивший в ужас если не весь мир, то, по крайней мере, всю Европу, в одночасье развалился. Однако подточившим его жучкам не стоит слишком мнить о себе и гордиться победой. Такое бывает: могучего льва могут загрызть ничтожные блохи.

Эта социальная катастрофа Владимира Ивановича не смутила, даже наоборот: он быстро перестроился и из апологета советской власти превратился в активиста Народного руха и трубадура национально-патриотической идеи. Однако любовь к матинке Украине сочеталась у него с еще большей любовью к богатому дядюшке Сэму и, если приходилось выбирать между гривной и долларом, то предпочтение он неизменно отдавал доллару.

В духе новых веяний и конъюнктуры зазвучала тема докторской диссертации: «Этнические корни украинской нации, ее менталитет и историческая миссия». В ней он доказывал, что украинцы произошли от неких укров, укры в достопамятные времена дали начало двум этническим ветвям: арийцам и украинцам. Выходило, что арийцы и украинцы близнецы и братья, украинцы даже важнее, поскольку ближе к украм по названию, а к славянам украинцы прямого отношения не имеют.

Не знаю, как отнесется читатель к этой генеалогии, но лично я считаю, что она великолепна и жалею только о том, что изыскания ученого Хрюкало не могли быть известны Адольфу Гитлеру, который братьев-украинцев ошибочно принял за славян и за людей не считал.

Стоит ли говорить, что с такой степенью новизны докторская Хрюкало, которую он на сей раз защищал во Львове, была обречена на успех. Икрой, разумеется, дело не ограничилось: пришлось подкрепить великую национальную идею столь же основательной материальной базой. Диалектическое соединение идеального с материальным произвело неизгладимое впечатление на членов специализированного совета, все остались довольны и единодушно проголосовали «за».

Я подробно рассказываю об отце нашего персонажа не для красного словца. Между отцами и детьми существует тонкая духовная связь, даже тогда, когда они далеки друг от друга, или не знают друг друга вовсе. Чем обеспечивается эта связь – генами, рассказами об отцах, чем-то другим – не знаю, но она существует. Это связь поколений, это связь времен. И прошлое никогда не исчезает бесследно, оно влияет на настоящее, оно одаривает его цветами или расстреливает свинцовыми пулями.

Леня Хрюкало отца практически не помнил, но, глядя на сына, мать часто говаривала: «Вылитый отец, тот еще нахалюга!». Скажет так и покачает головой: «Ох, чует мое сердце – наплачусь я еще с тобой, Ленька». Хотя внешне на отца сын был не очень похож, зато все ужимки, жесты, повадки, а главное, жизненная хватка были отцовскими.

Хрюкало-младший вынужден был идти по жизни самостоятельно, но пройдошливое отцовское начало мощно выталкивало его из грязи в князи. Как и отец, он понял, что плавать на поверхности нашего общественного бытия без высшего образования затруднительно. Решил поступать в медицинский институт, причем, чем дальше от дома, тем лучше. Хоть мать с бабкой опекать не будут. Выбор пал на Одессу.

Летом семьдесят восьмого года в приемную Одесского медицинского института на имя ректора пришла телеграмма: «Встречайте 17 поезд Запорожье

Одесса вагон 9 Хрюкало». Сообразили, что какая-то шишка, вероятно, с инспекцией разъезжает по Украине, была в Запорожье, а теперь направляется в Одессу. Звонили в Минздрав, в ЦК, в Москву, в Киев, даже в Запорожье. Но, кто такой Хрюкало и что он забыл в Одесском меде выяснить не удалось. Но мало ли разных управленческих контор, все не обзвонишь. Решили встречать на уровне проректора.

Проректор, здоровенный мужик с окладистой бородой, взял ректорскую «Волгу», купил букет цветов и рано утром отправился встречать «товарища Хрюкало». Первое, что его насторожило, это то, что вагон оказался плацкартным. Он впивался взглядом в каждого выходившего пассажира, но начальственной персоны ни в ком не угадывал. Но вот из вагона вышел низкорослый, плюгавенький юнец, одно ухо которого крепилось к голове заметно выше другого, и оба имели особенность автономно следить за источником звука, подобно локаторам.

Маленький, плюгавенький с приветливой улыбкой подошел к проректору:

- Вы не меня ждете?
- А вы кто? – изумленно спросил проректор, глядя на юнца сверху вниз.
- Я – абитуриент! – не без гордости ответил тот.

Проректор позеленел, заскрежетал зубами, смял купленный букет и бросил его тут же на платформе.

Когда в великом гневе проректор рассказал ректору, что за гусь приехал по телеграмме, тот со смеху залез под стол и из-под стола, вытирая рукавом пиджака слезы, изрек: «Принять, принять этого хохмача».

Так Леня по личному распоряжению ректора, истинного одессита, умевшего ценить чувство юмора, был зачислен в институт. Учился он не шатко - не валко, перебивался с двойки на тройку, но зато был активным участником художественной самодеятельности, заядлым стэмщиком и квнщиком. В значительной мере благодаря его уморительным ужимкам и уникальной способности управлять ушами команда КВН Одесского медицинского института не раз добивалась блистательных побед. В компании Леня был первоклассным массовиком-затейником и к тому же играл на гармошке. Он потом эти свои таланты не раз использовал в карьере, как-то даже перед самим президентом сумел отличиться и нашел в нем родственную душу.

Веселые студенческие годы пробежали быстро. На комиссии по распределению Леонид услышал примерно следующее: «Что ж, выпускник Хрюкало, учились вы очень слабо, поэтому претендовать на хорошее распределение не можете. Посылаем вас, куда Макар телят не гонял, в самую что ни на есть Тьму-таракань».

На эти горькие, но справедливые слова председателя комиссии Леонид отвечал:

- Не имею ничего против Тьмы-таракани, сознаю справедливость вашего решения, но прошу удовлетворить последнюю просьбу.

- Какую? – милостиво спросили его.

- Пошлите меня в эту самую Тьму-таракань или куда подальше, но только главным врачом.

- Как это, как это! - всполошились члены комиссии по распределению. - Вы же студентом были посредственным, как же вам не ай-я-яй такие просьбы высказывать.

- Как раз поэтому высказываю! Сами знаете, учился я так, что меня к больному подпускать – это грех на душу брать и преступление совершать. А вот хозяйственная сметка и управленческая хватка, я чувствую, во мне есть.

Посовещалась комиссия, посовещалась и решила просьбу удовлетворить. Объявив выпускнику благоприятное для него решение, председатель попросил его продемонстрировать свой замечательный дар. В знак признательности и уважения Леня подергал и повращал ушами и даже помахал ими на прощание. Комиссия покатилась со смеху.

Кто ж из членов комиссии мог предположить, что пройдет не так уж много лет и бывший горе-студент станет командовать всей медициной страны. Вот такой одесский анекдот. А анекдоты наши, как известно, взяты из жизни, сочинять ничего не нужно…

- Милости прошу, милости прошу, присаживайтесь, дорогой Илья Павлович! – радушно встречал замминистра битый час околачивавшегося в приемной академика. - Давненько вас не видно было. Как жизнь молодая?

Клязьмин был вдвое старше заместителя министра, но держался молодцом. Это он навел шорох в психиатрической клинике Днепропетровска, так что мельком читатель с ним уже знаком.

Академик, оставив без внимания вопрос о молодой жизни, вихрем налетел на Леонида Владимировича. Он рассказал, что столкнулся в Днепропетровске с уникальным явлением коллективного сна, полагает, что дело не в гипнозе, что явление носит паранормальный характер и требует проведения глубокого изучения, на которые нужны деньги.

При упоминании о деньгах замминистра погрустнел и как-то даже понурил уши, но все-таки спросил, сколько академику и его команде нужно.

- Тысяч сто - сто пятьдесят, - не моргнув глазом, заявил академик.

- Побойтесь Бога, Илья Павлович! Сами знаете, что у нас на науку практически ничего не дают, – с обидой в голосе ответил замминистра. И прочел академику лекцию о тяготах бюджета, о том, что несчастные врачи чуть ли не на собственную зарплату приобретают медикаменты, что санитарки в больницах стирают бинты и помногу раз их используют, что в такой обстановке требовать деньги на какие-то научные исследования почти безнравственно.

Но не тут-то было, блестящая речь чиновника от медицины не произвела на престарелого эскулапа должного впечатления, он упрямился:

- Я понимаю, положение тяжелое, медицина доведена до последней крайности. Но, думаете, в советские времена много лучше было, тоже бинты по десять раз стирали, но на науку деньги находились. И психиатрическая наука в загоне не была.

- Конечно, - парировал замминистра, - психиатрия ваша вообще не нашим ведомством курировалась, вы по большей части на госбезопасность работали, а у них деньги куры не клевали.

- Будет вам страшилки вспоминать, о настоящем пора подумать. Всё развалили, осталось добить образование и науку. Я вижу: наши ура-патриоты о том только и пекутся.

- Про что это вы, о чем патриоты пекутся?

- Не патриоты, а горлопанящие о своей любви к нэньке Украине националисты. Они, по-моему, спят и видят, как подороже дяде Сэму эту нэньку продать.

- Эва, куда вас понесло! Может, вы и во мне ура-патриота видите?

- Нет, в вас не вижу, потому с вами об этом говорю, потому и денег прошу на научные исследования.

- Так это еще надо доказать, какие они у вас научные.

- А если докажу, дадите? – пытливо спросил академик.

- Даст он, даст, без всяких доказательств даст, - уверенно сказал кто-то третий, кого до сих пор в кабинете не было.

Академик и чиновник дружно завертели головами, натурально желая обнаружить того, кто внезапно вмешался в их разговор… Но в наличии никого не имелось. Академик уставился на замминистра, замминистра – на академика.

Воцарилось напряженное молчание.

- Ну, вы даете! С такими способностями я на вашем месте в цирке бы выступал, - качая головой и презрительно усмехаясь, изрек замминистра, заподозривший академика в чревовещательстве.

Не успел академик, на бронзовой лысине которого выступила испарина, раскрыть рот, чтобы оправдаться, как тот же голос сказал:

- Папаша тут ни причем, это я говорю.

В тот же момент голос обрел осязаемую форму. На длинном столе появился молодой человек, который вызывающе расселся на нем, болтая ногами. Конечно же, это был Бегемот собственной персоной. На этот раз он был не в костюме, а в белых брюках и белоснежной рубашке с длинными рукавами, на манжетах которых красовались золотые запонки с точно таким же изображением костей и черепа, как на перстне, с которым он никогда не расставался.

- Кто вы такой?! – пролепетал Леонид Владимирович, пришедший в большое замешательство.

- Я, видите ли, то самое паранормальное явление, о котором вам рассказал академик… Кстати, здравствуйте, Илья Палыч! (Бегемот кивнул в сторону

академика, который вытаращил на него глаза с не меньшим удивлением, чем замминистра). И меня, знаете ли, обижает и где-то даже нервирует ваш отказ от изучения феномена меня.

Ровным счетом ничего не понимая, думая только, что странное явление молодого человека есть следствие не только чревовещательных, но и гипнотических возможностей академика, Хрюкало неосмотрительно ляпнул, глядя не на Бегемота, а на академика:

- Вы что ж это, Илья Павлович, дешевыми фокусами решили меня взять.

В ответ академик только невнятно промычал.

Зато Бегемот рассерчал не на шутку:

- Какие-такие фокусы да еще дешевые?! Вы меня за фокусника принимаете?!

- А ты, Фантомас, помолчи, - отмахнулся от него замминистра. – Думаешь, не знаю, что тебя вообще не существует?

И продолжал, обращаясь к академику, не грубо, но строго:

- Будет вам комедию разыгрывать. Не знаю, как у вас это получается, но не на того напали! Отправляйтесь-ка в цирк со своим иллюзионом. Заодно и деньжата на свои парапсихологические эксперименты заработаете.

В этот самый момент несуществующий «Фантомас» больно вцепился в левое, более оттопыренное, чем правое, ухо руководителя и потащил его из-за стола.

Конечно, уши, делавшие и без того забавную физиономию замминистра еще забавнее, не отличались совершенством форм. Он даже подумывал о пластической операции, но не решался довериться отечественным хирургам, опасаясь вообще остаться без ушей. Однако согласитесь, любое, пусть даже самое неказистое ухо на месте, где ему следует быть, все-таки лучше уха, от этого места оторванного. Поэтому замминистра не сопротивлялся, а покорно следовал туда, куда тащил его Бегемот. А тащил он его к массивному сейфу.

Продолжая выкручивать начальственное ухо, Бегемот потребовал открыть сейф. От нестерпимой боли Леонид Владимирович готов был подчиниться. Но из головы с перепугу выпал номер шифра, который он только сегодня поменял.

- Забыл, - простонал он.
- Что забыл?
- Код забыл. Отпустите меня, пожалуйста, я, может быть, вспомню.
- Ну, это дудки, - воспротивился Бегемот. – Ишь, какой хитрюган нашелся. Я его отпущу, а он - деру, гоняйся потом за ним. Уж лучше я тебе код твой подскажу. Набирай: М – 43 – 29 – 7.

Тут только Хрюкало вспомнил, что цифры кода совпадали с его собственным возрастом, а также возрастом жены и дочери. А вот буква «М» означала «магарыч». Магарычом Леонид Владимирович называл взятки, которые ему время от времени приносили за разного рода услуги.

Пусть извинит меня читатель, но не могу удержаться от небольшого замечания по поводу взяточничества. Думаю, не существуют такие фискальные меры, которые были бы эффективны в борьбе с ним. Пока в обществе есть огромная армия полуголодных чиновников, устанавливающих свои законы и правила и нарушающих их по своему усмотрению, до тех пор взяточничество будет неискоренимо. Голодную свинью трудно отогнать от кормушки.

Сегодня утром заместителю министра принесли очередной магарыч за то, что он посодействовал в лицензировании одного сомнительного американского препарата. Дорогостоящее лекарство в лучшем случае помогало больному как мертвому припарка, а в худшем – могло даже навредить. Но сам Хрюкало употреблять его не собирался, а двадцать тысяч долларов семейному бюджету повредить не могли.

К слову скажу, что отцом и мужем Леонид Владимирович был заботливым и материальные потребности семьи стояли у него на первом месте. Он даже на любовниц практически ничего не тратил, предпочитал использовать зависимых от него особ нежного пола, а таких вокруг было достаточно.

Дрожащими руками набирал Хрюкало код замка. И только когда дверца сейфа открылась и жестокий «Фантомас» отпустил его ухо, он поразился невероятной осведомленностьи человека, в существование которого минуту назад отказывался верить. Но Леонид Владимирович был закоренелым материалистом и атеистом и

будь у него время спокойно поразмыслить над происходящим, то, конечно, нашел бы естественное истолкование этого странного факта (думаю, даже не одно). Вот только времени на научно-материалистическое объяснение у него не было. События развивались со стремительной быстротой.

- А вот и денежки на ваши исследования, дорогой Илья Павлович! – радостно возвестил Бегемот, выгребая из сейфа стодолларовые купюры. – Надеюсь, на первое время хватит?

Обалдевший ученый сидел с таким выражением, что для полноты картины не хватало только волос на его макушке: они стояли бы дыбом. Но когда смысл вопроса дошел до него, рот расплылся в счастливой улыбке и академик закивал головой.

- А если хватать не будет, то милости просим, не стесняйтесь, прямо сюда. Товарищ Хрюкало вам поможет, - продолжал Бегемот, проявляя чудеса щедрости за чужой счет.

Однако товарищ Хрюкало, ухо которого горело, как запрещающий сигнал светофора, не разделял точки зрения Бегемота. За здорово живешь расстаться с кровно заработанным магарычом он не хотел, это было не в его характере. Заместитель министра решительно запротестовал:

- Почему я этому лысому должен свои деньги отдавать?!

- А разве это ваши деньги? – закручивая левый ус и сверля чиновника глазами, вопрошал Бегемот.

- Конечно, мои, не казенные же!

- А почему вы свои деньги в казенном сейфе храните? – продолжал допытываться Бегемот.

- Хочу и храню, не ваше дело!

- А откуда у вас двадцать тысяч зеленых, с зарплаты что ли отложили? – не унимался наш герой.

- Да вот отложил. По-вашему, заместитель министра не может двадцати тысяч на черный день отложить?

- Может, где угодно может, только не в Украине. Вы в качестве замминистра всего два года. Простой подсчет показывает: если бы вы с семейством

не ели, не пили, не одевались, вообще ни на что не тратили, то и тогда у вас не могло скопиться и половины этой суммы.

- А я, а я… в прошлом году премию пять тысяч получил, - нашелся что ответить лопоухий чиновник.

- Так ведь не долларов, а гривен, - ехидно уточнил Бегемот. - К тому же в прошлом году вы с супружницей двадцать дней на Ривьере, на Лазурном берегу отдыхали. Между прочим, номер в отеле за триста баксов снимали. Не так ли? Так что тех пяти тысяч вам на три дня хватило.

После новой порции достоверной информации, выданной «Фантомасом», в коре головного мозга заместителя министра отчетливо прозвучал вопрос: откуда взялся этот тип? И ответ на него был только один: из «органов».

«Органы» Хрюкало называл правосхоронительными, но относился к ним уважительно. Не оттого, что питал какие-то иллюзии на их счет, а потому что знал, какими возможностями личного обогащения обладают эти самые «органы», причем безо всякого опасения быть пойманными и наказанными.

Общая сумма прилипшего к его рукам магарыча была столь велика, что «органов» можно было особенно не бояться. Милицию у нас кто боится? Нищий работяга да мелкий служащий. Особенно любят блюстители закона прижучить какого-нибудь проштрафившегося интеллигента, директора школы или дворца культуры, и раструбить с помощью продажных СМИ о грандиозных победах в борьбе с коррупцией.

Конечно, делиться своими кровными с какими-то «органами» Хрюкало было жаль, но что поделаешь – таковы правила игры, такова система. В системе этой он даже усматривал некую высшую справедливость: воруешь сам – будь готов, что украдут у тебя, берешь взятки – не скупись давать взятки, делись с теми, кто выше и сильнее тебя.

Одно только смущало Леонида Владимировича: не натравил ли на него «органы» какой-нибудь влиятельный недоброжелатель, не следствие ли это каких-то политических интриг. Тогда он и ухом дернуть не успеет, как чертов «Фантомас» разденет его до трусов, а то и хуже – и разденет и посадит. Надо было защищаться.

- Простите, товарищ, а вы, собственно, откуда? - для начала осведомился Хрюкало.

- Тамбовский волк тебе товарищ, - последовал сухой, не сулящий радужных перспектив отклик.

- Извините, но это не ответ, хотелось бы знать, с кем имею честь? - несколько высокопарно и вместе с тем дипломатично продолжал гнуть свою линию Леонид Владимирович.

- Какая-такая честь, это у тебя-то честь, да у тебя ее отродясь не было! – отрезал Бегемот, протянув, однако, собеседнику уже знакомое нам удостоверение референта депутата Воланда.

Пурпурные корочки оказались перед глазами Хрюкало на долю секунды и тут же захлопнулись, так что он не успел в них ничего прочесть.

Тем же деликатным тоном он спросил:

- Простите великодушно, не разглядел вашего имени.

- Котовский Григорий Иванович!

«Так я и знал, бандит какой-то из правосхоронительной системы», - подумал Хрюкало.

Стремясь установить с незваным гостем доверительные отношения, он поинтересовался, не родственник ли он того самого легендарного Котовского. На что получил короткий отрицательный ответ, однако с добавлением, что с героем гражданской войны гость знаком и даже считает, что чем-то на него похож.

Заявлению о знакомстве с давно умершим человеком Леонид Владимирович значения не придал, понял его как знакомство каждого из нас с Александром Македонским или Наполеоном. А вот слова о похожести теперешнего Котовского на тогдашнего обратили на себя его внимание.

«Дело швах! Такой не успокоится, пока всё до последней нитки не экспроприирует», - умозаключил чиновник от медицины. Но всё же предпринял еще одну попытку объяснить происхождение долларов:

- А я наследство получил от тети. У меня тетя в Бразилии умерла.

- В Бразилии, где много диких обезьян, - вставил дурацкую репризу до сих пор молчавший академик.

«Старый баран, он еще издевается, дать бы тебе по лысому черепу», - Хрюкало смерил академика презрительным взглядом, но вслух процедил:

- Вот именно, где много диких обезьян.

Не думайте, что чиновник был столь глуп, что козырял бразильской тетей без всяких на то оснований. Он действительно имел документы о получении крупного наследства от родственницы из Бразилии и даже уплатил с этого наследства налог.

- Хватит Ваньку валять. Никакой тети в Бразилии у тебя не было. Старушка, которая тебя будто бы осчастливила, умерла в доме для престарелых, а всё ее наследство состояло из старого платья, альбома с фотографиями и ночного горшка, - компетентно заявил Григорий Иванович.

«Докопались, докопались сволочи, вляпался в говно по самые уши». Только такой печальный вывод и можно было сделать из сказанного Котовским. План обороны номер один бесславно провалился, но в запасе у Леонида Владимировича был план номер два.

- Нельзя ли нам поговорить с вами наедине? – заискивающе спросил он Котовского.

- Почему нельзя, очень даже можно, - откликнулся Бегемот. – Я и сам думаю, чего нам папашу ученого задерживать. Берите деньги, Илья Павлович, и отправляйтесь исследовать ваш, как его, квадросновиденческий синдром.

Хрюкало чуть кандрашка не хватила, когда он наблюдал, как в потертый портфель академика одна за другой отправились пачки его денег. Зрелище это было, прямо скажем, не для слабонервных. Когда потрясенный академик закрыл за собой дверь, Хрюкало подошел к Котовскому, который по-прежнему сидел на столе, только ногами уже не болтал, а забросил ногу на ногу и выжидательно смотрел на хозяина кабинета.

- У меня есть к вам деловое предложение.

- Какое?

- Мы с вами умные люди, - тихим проникновенным голосом заговорил Леонид Владимирович. - Стоит ли двум умным людям отдавать деньги старому чудаку на какие-то сомнительные исследования. Деньги эти он профукает и толку от них никакого не будет… Никому. Я предлагаю, - переходя на шепот, продолжал Хрюкало, - поделить деньги по-братски.

- Как поделить?

- Между нами двумя. Пять тысяч вам и пятнадцать мне.

- Не пойдет.

- Тогда пополам, десять вам и десять мне.

- Не пойдет.

- Почему не пойдет? По-моему, это более, чем справедливо. Ведь, в конце концов, деньги эти заработал я, а не вы.

- Заработал?! Не смешите меня!

- Черт возьми! Сколько же вы хотите!

- Я хочу всё! И эти двадцать тысяч и те триста восемьдесят шесть, которые вы еще не успели истратить из своего «магарыча».

Последнее слово «магарыча» Котовский проорал на ухо Хрюкало. Вопль оглушил замминистра. И в это мгновение громадный кот, оказавшийся на месте Котовского, щелкнул зубами и как бритвой срезал ухо Леонида Ильича. Не то, за которое его недавно таскали, которое распухло и пылало красным пожаром, а другое, здоровое.

Леонид Ильич истошно завопил. В кабинет влетела секретарша. Шеф сидел один на полу, а рядом с ним на затертом сотнями ног паркете валялось откушенное ухо…

Позднее, когда заместителя министра увезли вместе с ухом в больницу, Галочка рассказывала взбудораженным сослуживцам, что ухо начальника, вероятно, откусил академик Клязьмин, которой за минуту до крика в возбужденном состоянии покинул кабинет.

На вопрос, почему шеф кричал не тогда, когда ученый откусывал ему ухо, а позднее, Галочка отвечала:

- Не знаю. Наверное, не сразу дошло.

ГЛАВА 7

Как бы не так.

В тот самый час, когда Леонид Владимирович Хрюкало под общим наркозом лежал на операционном столе и лучшие хирурги столицы колдовали над его многострадальным ухом, от Киевского вокзала отходил поезд. В одном из купе вагона СВ раскладывали свои вещи респектабельные господа похожей комплекции. Пассажиров роднили не только округлые животы, но и упитанные, лоснящиеся физиономии. Щеки того и другого были видны даже со спины, что выдавало их принадлежность к номенклатурному племени.

Оба господина согласно билетам следовали до станции Днепропетровск. Было уже поздно, но пассажиры намеревались перекусить перед сном и из сумок на столик перекладывали небольшие свертки с нарезанным хлебом, ломтиками ветчины, сыром, вареными яйцами и прочей дорожной снедью. На свет Божий извлечены были также пол-литровая баночка с маленькими аккуратненькими помидорчиками, если не ошибаюсь, они называются «дамские пальчики», и бутылка водки «Смирнов».

Один из пассажиров выглянул в коридор, чтобы позвать проводника, но тот уже шел к их купе с постельным бельем. Положив белье на полку, проводник предупредительно осведомился, не нужно ли чего. Пассажир попросил пару чистых стаканов, сделав ударение на слове «чистые».

Приверженец чистых стаканов раскрыл складной набор, состоящий из небольшого ножика, вилки и ложки, и разместил их на бумажной салфетке на столике, потом тщательно вымыл руки.

Когда стаканы были доставлены, господин, не проявлявший особой заботы о чистоте, откупорил бутылку и плеснул в стаканы водки, плеснул немного, так как вагон раскачивало из стороны в сторону. Пассажиры подняли стаканы перед собой. Тот, что выглядел несколько старше и не был особенно чистоплотен, провозгласил: «За наш добробут!», самодовольно улыбнулся, поднес стакан ко рту и опрокинул внутрь его содержимое. Раздался характерный кряк. Другой господин незамедлительно последовал

примеру старшего товарища и также смачно крякнул. «Добрэ пишла», - сказал старший, тут же налил и употребил еще немного водки, а потом принялся с аппетитом уплетать разложенную на столе еду. На кусочек черного хлеба он положил сразу три ломтика ветчины. Бутерброд был съеден в два укуса.

Понятно было, что пассажиры принадлежат к высшему классу украинского общества. Социологи мудрят над определением, кто к какому классу относится в нашей вильной Украине, так мы им поможем, сформулируем надежный критерий. Представителем высшего класса является тот, кто может позволить себе ветчину, средний класс составляют те, кто вынужден довольствоваться салом, ну а низшие – это те, у кого не то, что на сало, на кусок хлеба денег не хватает.

Господа общались между собой только на державной мове, что отличало их от основной массы бюрократов, усилиями которых прекрасный украинский язык превратился в номенклатурный жаргон и которые практикуют его исключительно в служебных кабинетах и на разного рода заседаниях и совещаниях. Но чтобы не заставлять русскоязычного читателя искать словарь, я буду передавать их разговор на русском языке, разве что раз-другой, а, может быть, и третий вверну украинское словцо, чтоб не был потерян национальный колорит.

Нетрудно было заметить, что господин помоложе находился в приподнятом настроении, в ожидании какого-то счастливого и значительного события.

- Так вы думаете, Владимир Иванович, ниякых неожиданностей при голосуванни нэ будэ? – спросил он своего спутника.

- Ниякых – цэ нэможлыво, - откликнулся тот. - Учора министр прийняв всих прорэкторив вашего вуза и сказал им, що других кандидатов не потерпит. Так что людишки на месте должны расстараться, колы мисцем дорожать. Да и правыла выборов тэж у вашу пользу. Скорише нэбо упадэ на зэмлю, чим рэктором будэ хтось инший.

Речь шла о предстоящем конкурсе претендентов на место ректора того самого института, который до недавнего времени возглавлял покойный Шельмович. Правила выборов, упомянутые старшим из господ, действительно были по-бюрократически либеральными и определенно обеспечивали победу нужному кандидату: если кто-нибудь из претендентов набирал хотя бы тридцать процентов голосов, министерство

по своей воле могло утвердить именно его, а не того, кто набрал остальные семьдесят. В правилах было оговорено и непременное владение государственным, то есть украинским языком.

А вот на мою думку, для руководителя важнее профессиональные и человеческие качества. Если бы нашелся японец, готовый вытащить какое-нибудь отечественное предприятие из болота, стоило бы к нему прикрепить дюжину переводчиков, и пусть он себе на японском лопочет – лишь бы дело ладилось. Но составители наших законов думают иначе, если они вообще о чем-нибудь думают.

Старшему пассажиру на вид было лет шестьдесят – на самом деле шестьдесят девять. Фамилия господина была Хрюкало… Совершенно верно, дорогой читатель, пассажиром поезда Киев – Днепропетровск был отец заместителя министра, который остался без уха вследствие неделикатного обращения с ним некоего Григория Ивановича Котовского, а проще говоря, нашего разудалого Бегемота. Хрюкало занимал должность помощника министра и ехал в Днепропетровск, чтобы проконтролировать процесс «демократических» выборов ректора. Немаловажно отметить, что Владимир Иванович являлся членом политсовета недавно созданного Украинского национально-патриотического фронта. Под этим громким названием объединились несколько партий националистического толка, поддерживаемые тремя процентами населения.

Претендент, которого Владимир Иванович должен был представить собранию трудового коллектива вуза, тоже был одним из активистов Фронта, и политсовет стремился привести пусть к небольшой, но реальной власти своего человека. Собственно, именно Хрюкало навязал министру его кандидатуру.

А чем плохая кандидатура?! Бывший аспирант Хрюкало, теперь сам доктор наук, чистокровный украинец, преданный национальной идее, характер упертый, заносчивый, привык добиваться поставленных целей, не гнушаясь никакими средствами. Владимиру Ивановичу импонировало то, что чистоплотность Тараса Богдановича имела исключительно гигиеническую природу и никоим образом не распространялась на область морали и политики.

- Нэ бийся , хлопче, мы с тобой ще богато чого провэрнэмо на благо соби и Батькивщины, - успокаивал патрон своего протеже. – Ты головнэ - мэнэ дэржись. Нэ

пропадэш. Хлопэц ты ушлый, за що и люблю. Но предупреждаю, если що…, я тэбэ як Бульба, власнымы рукамы.

Хрюкало по-отечески ткнул увесистым кулаком в подбородок своего любимца.

- Да что вы, Владимир Иванович, чтоб я проты вас. Да я всим по гроб жизни вам забовьязан. Вы ж знаетэ, вы для мэнэ як батько, даже бильше, чим батько.

- Ну, добрэ, добрэ, не оправдуйся, но…, но у ч и т ы в а й, - многозначительно растянул последнее слово помощник министра.

Тема возможного предательства, традиционная для украинской истории, народного творчества и менталитета в целом, была прервана предложением Хрюкало выйти в коридор, перекурить. Тарас Богданович, правда, не курил, но послушно последовал за своим наставником. В коридоре никого не было, кроме симпатичного молодого человека, стоявшего у окна напротив соседнего купе. При появлении наших новых знакомых молодой человек обернулся и с радушной улыбкой поприветствовал их.

С той же располагающей улыбкой молодой человек задал вопрос:

- А кто из вас зеркало грохнул?

- Якэ дзеркало?! - в один голос спросили наши знакомые.

- Да я не знаю, может в том, а может в другом туалете, - молодой человек показал пальцем в начало и конец вагона.

- Я зовсим до туалэту нэ ходыв, - оградил себя от подозрений старший пассажир и вопросительно посмотрел на младшего.

- Не знаю, не знаю, но проводник возмущается, - пожал плечами молодой человек.

- Що, що! – воскликнул Тарас Богданович, понявший, что под подозрением остался он один. - А з чого вы взялы, що цэ я ёго розбыв?

- Это не я взял, а проводник.

Претендент в ректоры развернулся и свирепо направился к купе проводника. Он резко рванул дверь купе и с порога закричал:

- Цэ нэ я розбыв дзеркало!

Опешивший проводник, который впервые услышал о разбитом зеркале, принял неприятное известие на веру и строго спросил:

- А кто ж его тогда разбил?
- Звидкы мэни знаты, хто ёго розбыв?! Можэ ты сам и разбил.
- Как это я? Я за него отвечаю и его буду бить?! Я что с дуба упал? - резонно парировал проводник.
- Нэ знаю, откуда ты там упал, алэ я тут ни до чого! Хто ты такый вообще, щоб на чесных людэй наговорюваты?
- Смотри, какой честный выискался. Честные люди в СВ не ездят!
- Ах, так! Тоди давай сюды свою жалобну книгу!
- Вы сначала за зеркало заплатите, а потом жалобную книгу требуйте.
- Да?! Можэт тоби ще й за рукомыйнык заплатыты?!
- А вы что и его умудрились разбить, он же железный?
- Издеваеся, сволочь!

Тарас Богданович ухватил проводника за лацканы фирменного, недавно полученного, еще совсем новенького кителя. Проводник резко рванулся прочь, китель затрещал и разорвался по шву.

Простому, неизбалованному прелестями приватизации работяге легче перенести побои, чем стерпеть материальный ущерб. Проводник издал боевой клич и бросился на обидчика. Это был смелый поступок с его стороны, так как силы не были равны: железнодорожник был на голову меньше и почти вдвое легче своего противника. Но смелость города берет, и в завязавшейся драке малыш-проводник выглядел ничуть не слабее. Он наклонил голову и отчаянно заработал кулаками. В узком пространстве купе и тамбура он получил преимущество боя на короткой дистанции, и пока Тарас Богданович разворачивался, успевал наносить ему несколько ударов, стараясь дотянуться до физиономии. Раза два ему это удалось. Но окончательно сразил Тараса Богдановича удар головой в живот, после которого он грузно опустился на пол.

В довершении своего триумфа победитель вылил на поверженного соперника стакан кефира, шмыгнул в свое купе и заперся в нем, разумно рассудив, что соперник

может скоро очухаться или получить поддержку приятеля, который выглядел еще массивнее.

Владимир Иванович действительно поспешил к своему ученику, но тот уже поднялся и со зверской рожей вцепился в ручку двери, за которой спрятался проводник. Несмотря на все его старания, дверь не поддавалась, и Тарас Богданович завыл от обиды и бессильной злобы.

Вместе с Бегемотом (не сомневаюсь, что читатель догадался, кем был молодой человек, розыгрыш которого обернулся дракой) Владимиру Ивановичу удалось водворить разбушевавшегося претендента в ректоры в свое купе.

Проводник долго отсиживался за запертой дверью, размышляя, стоит ли поднимать шум, но ограничился сообщением об инциденте бригадиру поезда. Бригадир принял сообщение к сведению и посоветовал инициативы не проявлять.

- В СВ, - назидательно сказал он, - простой народ не ездит. В милицию тебе их сдать не удастся, хоть ты и прав. Смотри, как бы они тебя самого за задницу не взяли. Так что сиди молча, глядишь, всё обойдется.

Правда, Тарас Богданович еще долго не мог уняться, требовал милицейского разбирательства, призывал Бегемота в свидетели, но, отмывшись от кефира, несколько успокоился и внял доводам Владимира Ивановича.

- Чи стое на быдло внимание звэртать, а головнэ случай нэпидходящий, - говорил Владимир Иванович. – Тоби завтра на конкурси надо буты, а нэ в милиции розбыратыся. А сморчка цёго, якщо захочешь, и писля прижучить можна.

Утром, когда пассажиры покидали поезд, только наспех пришитый воротник проводника и фингал под левым глазом Тараса Богдановича напоминали о ночной потасовке.

После того, как проводник закрыл дверь за последним пассажиром, а сошло их, включая наших знакомых, всего пять человек, он внимательно осмотрел оба туалета и пришел в немалое замешательство, найдя зеркала целыми и невредимыми. Стоит ли говорить, что и рукомойники тоже не были повреждены. «Вот ублюдки, зальют глаза коньячищем и мерещится им херня всякая, - с досадой бормотал проводник. – А я этому борову еще стаканы протирал, салфетку пачкал».

На перроне ученых мужей встречала камарилья проректоров в полном составе. Среди встречающих были также замначальника управления образования и науки областной администрации и председатель регионального отделения Национально-патриотического фронта. Последний был почему-то в форме казачьего полковника, голову его можно было бы признать полностью бритой, если бы с макушки не свисал пучок волос, похожий на конский хвост, усы опускались ниже подбородка и закручивались в стороны. С утра председатель был добряче навеселе, и пока ожидали прихода поезда приставал к проректорам с вопросом, кто они такие и зачем нужны. Председатель успокоился, только получив разъяснение, что проректор – это что-то вроде полковника. Замначальника управления недоумевал, откуда взялся этот ряженый и что ему нужно от ожидаемых киевлян.

Синяк кандидата в ректоры не мог не броситься в глаза встречающим, но они как интеллигентные люди промолчали. Только полковник после того, как облобызался с Владимиром Ивановичем и раскрыл руки для объятий с Тарасом Богдановичем, тут же ляпнул:

- Ба, кто ж тоби так морду разукрасил?

Владимир Иванович пояснил, что вагон дернуло и Тарас Богданович ударился о полку.

- А я думал, - усомнился полковник, - что в СВ полки мягкие.

Однако неприятную тему Владимир Иванович ловко замял, задав председателю вопрос о партийных делах.

Тот отвечал, что дела идут добрэ, но хотелось бы, чтоб они шли набагато краще.

Хрюкало тут же заподозрил, что за этой противоречивой формулировочкой скрывается отсутствие всяких дел.

Надо отдать должное его проницательности, он, можно сказать, как в воду глядел. Кроме собраний, на которых главным образом решались вопросы о том, как распределить средства, поступавшие от зарубежных «благотворительных» фондов, днепропетровское отделение Фронта ничем занято не было. Зато собрания проходили бурно, с непременной бранью, а то и рукоприкладством. Одни предлагали заложить

памятник Грушевскому, другие – Винниченко, третьи – Петлюре, четвертые – Бандере, пятые – гетману Скоропадскому, шестые – Мазепе. Кое-кто требовал обессмертить монументом в полный рост или хотя бы бюстом своего отца или дедушку, имевших отношение к Центральной Раде или к ОУН-УПА, или к дивизии СС «Галичина».

Не сойдясь по вопросу персоналий, достойных изваяния, переходили к вопросу издания газеты или журнала. Но тут дело упиралось в название. Одни настаивали на названии «Патриот Украины», другие – «Украинский националист», третьи – вообще предлагали выпускать боевой листок с призывом «Бей москалей». Последних было немного и их радикализм и смелость большинство не разделяло: уж если выпускать боевой листок, то с менее кровожадным лозунгом, например, «Украина – для украинцев». Не получив большинства голосов по причине неопределенности названия, вопрос о печатном издании отпадал сам собой.

Думали поощрить премией автора какого-нибудь выдающегося художественного произведения или композитора, или актера, или певца, в творчестве которого возрождается самобытная украинская культура, но никак не могли решить какого. Планировали построить музей, но не могли договориться чему.

Вопросы, не требующие материальных затрат, решались несколько спокойнее, но неизменно с тем же результатом. Хотели обратиться в городской Совет с требованием переименовать проспект Маркса, но не могли сойтись во мнении, как он должен по-новому именоваться. Обсуждали вопрос о выходе на демонстрацию, но не удалось договориться о том, что именно следует демонстрировать.

Читатель, однако, ошибается, если думает, что средства, приходившие на счет регионального отделения, мертвым грузом оставались на нем. Вовсе нет, они таинственным образом исчезали с него, но не пропадали бесследно. Следы их при желании можно было бы обнаружить в солидном доме, построенном председателем, в автомобиле, отнюдь не отечественного производства, купленном секретарем, в многочисленных командировках в курортные места Украины и не только, в банкетах для активистов Фронта. Не были обделены вниманием и рядовые члены: раз в месяц всем выдавали паек с одной банкой тушенки, одной банкой кильки, плиткой шоколада и пачкой печенья. При этом, обратите внимание, никаких членских взносов. Я, конечно,

мог бы назвать адресок этой замечательной организации, но боюсь нанести урон национально-патриотическому движению: хлынет в него народ, мечтающий пожрать на дармовщинку, и опошлит великую идею.

Председатель сообщил Хрюкало, что собрание общества назначено на три часа. На этом собрании Владимир Иванович должен был выступить с докладом «Национальное возрождение и уроки истории».

Владимир Иванович запротестовал, так как на то же время был назначен конкурс претендентов на должность ректора, но ничего изменить уже было нельзя. Поэтому договорились, что он представит Тараса Богдановича и, не теряя времени, поедет на собрание. Тарас Богданович огорчился, но Хрюкало уверил, что всё сладится и без него, и обратился за подтверждением к проректорам. Те дружно закивали.

Первый проректор со странной фамилией Капец изложил план дальнейшего движения.

- Сейчас едем в кафе, позавтракаем, потом, если не возражаете, сразу в институт. Пройдемся по вузу, познакомимся с людьми, с нашими, так сказать, достижениями и заслугами. В час пообедаем уже в нашей столовой, там есть одно уютное местечко, ну а потом, сами понимаете, на, так сказать, конкурс.

Проректорское выражение «так сказать, конкурс» несколько покоробило Владимира Ивановича, но тут же он оценил его как по существу верное и даже сказал об этом вслух, чем вызвал оживление сопровождавшей компании.

Отправились к автомобилям. Когда проходили здание вокзала, у буфетной стойки Тарас Богданович заметил Бегемота, мирно жевавшего сосиску и запивавшего ее томатным соком. Бегемот приветливо помахал и даже крикнул:

- Желаю успеха!

Бегемот тоже намеревался побывать в институте на выборах и на собрании патриотов, но времени у него было предостаточно, и он решил прогуляться по городу. На привокзальной площади он увидел старинный трамвай. Нет, не такой трехвагонный, на дуге которого он проехался, вцепившись в какую-то кишку, само собой бесплатно, в романе Булгакова. Этот трамвай состоял из одного вагона, был ярко раскрашен, был

полностью открыт, то есть не имел ни дверей, ни окон со стеклами, и выглядел куда стариннее. Подобные трамваи ходили еще на конской тяге.

Если читатель полагает, что трамвай этот появился благодаря авторской фантазии или магии Бегемота, то ошибается. Он может сам поехать в славный город Днепропетровск и лично убедиться, что это ретро, уж не знаю, кого за него благодарить, действительно бегает по рельсам города, разумеется, не зимой, а в теплое время года.

Никаких препирательств с кондуктором у Бегемота на этот раз не было, он как нормальный законопослушный гражданин оплатил проезд: сунул кондуктору две гривны, получил сдачу и уселся на деревянную скамью у самого борта вагона. Часа за полтора он проехал до последней остановки и отправился в обратный путь. Бегемот притомился, разглядывая людей, дома и машины на улицах, по которым проезжал. Он скрестил руки на краю борта, опустил на них голову и задремал, пригреваемый ласковыми лучами сентябрьского солнышка.

Вообще Бегемот любил часок-другой поспать средь бела дня. Ничего удивительного в этом не было, на него, как и на прочих котов, часто нападала дневная сонливость, зато ночью он был преисполнен сил и как пионер в стране Советов «Всегда готов!». Впрочем, дневные сны нашего героя были исполнены высшим смыслом, часто имели пророческое значение, душа его свободно носилась в пространстве и времени, вступала в контакт с потусторонними силами, выходила на связь лично с Воландом. Таким образом, Бегемотовы сны не идут ни в какое сравнение не то что с банальной спячкой обыкновенных котов, но и с нашими людскими снами, в которых без помощи Зигмунда Фрейда понять ничего невозможно.

Многие люди терпеть не могут что-то загадывать наперед. Моя жена, например, всегда протестует против каких-либо планов на будущее, кроме разве что самых банальных: когда пойти на рынок и что там купить. Я же люблю пофантазировать в пределах разумного, и если не на все сто, то процентов на восемьдесят фантазии эти осуществляются. Мне даже кажется, что у меня есть некий дар предвидения, основывающийся, правда, не на сверхъестественном наитии, а на элементарном здравом смысле. А здравый смысл, скажу я вам, штука куда как более

надежная, чем какая-нибудь астрология. Вот, помню, году в девяносто втором смотрел я по телевидению передачу с участием Павла Глобы. Ведущая попросила его предсказать будущность Украины. Тот заявил, что следующий, то есть девяносто третий год, будет годом стабилизации, а с девяносто четвертого начнется экономический подъем. Я же сказал, что следующий год будет хуже настоящего, девяносто четвертый, в свою очередь, будет гаже девяносто третьего и так минимум лет десять. А что потом – не знаю, столь далеко здравый смысл не заглядывает.

Судите сами, чей прогноз был ближе к истине.

Так вот, забегая вперед, скажу: неплохо будет посвятить пару глав, а то и больше снам нашего героя. Посмотрим, сбудется ли и на этот раз мое предсказание…

Во время сна трамвай в третий раз прокатил Бегемота по тому же маршруту.

- Молодой человек, молодой человек! Вам выходить не пора? Вы еще долго кататься намерены?! - разбудил Бегемота строгий голос кондуктора.

Бегемот сладко зевнул и потянулся, сгоняя с себя сонливую истому. Он взглянул на часы – было ровно двенадцать. Съеденная утром сосиска полностью переварилась, и желудок нашего героя посылал в мозг сигналы, что не мешает подумать об обеде. Бегемот сошел с трамвая и направился в первое попавшуюся забегаловку. Думаю, нет нужды описывать ничем не примечательный обед референта Воланда. Поэтому оставим его ненадолго и переместимся в институт, с которым в это время знакомились прибывшие из столичного Киева господа.

Трехэтажный дом, на первом этаже которого размещался ректорат, был много старше примыкавшего к нему четырнадцатиэтажного здания, построенного в восьмидесятые годы. Однако сравнительно новое здание из стекла и бетона выглядело не менее обшарпанным, чем здание постарше. Оба здания по всем трем этажам соединялись переходами, один или даже два из которых обычно были закрыты.

Тарас Богданович изъявил желание пройтись по всем этажам, от первого – до последнего. Он бодро шагал по коридорам, рядом с ним, показывая дорогу и услужливо разъясняя, что где находится, шел Капец; другие проректоры и несколько деканов семенили следом. Тарас Богданович по-хозяйски присматривался к новому месту работы. Не осталось незамеченным им, что из четырех лифтов работает только один,

что все туалеты высотного здания заперты на ключ и воспользоваться ими могут только сотрудники, заказавшие личные ключи. Студенты же во время перерывов осаждали оставшиеся туалетные комнаты. Обратил внимание Тарас Богданович и на то, что музыкальный звонок, извещавший о перемене, исполнял мелодию веселой песенки «Я играю на гармошке у соседей на виду», зато мелодия, призывавшая на занятия, звучала обреченно трагически. Все недостатки и нелепости, которые бросились в глаза новому ректору, а именно так и не иначе он всеми воспринимался, сопровождавшие его руководители объясняли тяжелым наследием Шельмовича, которое они еще не успели изжить.

Пока претендент знакомился с вузом, Хрюкало, отказавшийся шляться по этажам, прохлаждался в кабинете ректора на том самом диване, на котором ровно четыре месяца назад встретил своего рокового визитера покойный Шельмович. Владимир Иванович курил, осматривался кругом и пытался представить, что же на самом деле произошло здесь с бывшим ректором. С загадочной этой историей Хрюкало был знаком, правда, не из первых уст. Ее рассказал ему следователь прокуратуры, который приезжал в министерство, собирал информацию о Шельмовиче и выяснял причины его увольнения.

С тех пор кабинет ректора преобразился, проломленную стену восстановили, рояль убрали, заменили всю мебель, сотворили в кабинете евроремонт, а вот комнату ректорского отдыха оставили без изменений. Как ни напрягал Хрюкало свою фантазию, но никакого разумного объяснения разыгравшимся здесь событиям не находил. Поэтому он лишь утвердился в мысли, к которой пришел давно, что история эта не что иное, как хитрая провокация с целью сместить Шельмовича. Видимо, внушили ему с помощью гипноза весь этот бред или как-то запугали, заставили нести ахинею.

- Как бы не так! – отчетливо услышал он чей-то голос. От неожиданности Владимир Иванович вскочил с дивана, глаза его забегали в поисках источника звука. Но никого, кто мог бы сказать эти слова, обнаружить не удалось. Хрюкало пожал плечами и, по-прежнему озираясь и прислушиваясь, осторожно присел на диван. За дверью послышались шаги. В комнату отдыха, предварительно деликатно постучав, заглянул один из проректоров.

- Владимир Иванович, позвольте сопроводить вас в нашу столовую, остальные товарищи уже туда пошли.

К студенческой столовой примыкал небольшой зал, где изредка устраивались банкеты для «нужных людей». Гостей ждал накрытый стол, который если не по сервировке, то по качеству блюд не уступал приличному ресторану. Конечно же, Тараса Богдановича усадили во главе стола. Рядом с ним разместились заместитель начальника управления образования и Хрюкало. Недоразумение вышло с председателем днепропетровских национал-патриотов, на которого не рассчитывали, но возникший было конфуз удалось исправить, пожертвовав одним деканом. Проще говоря, бедолагу декана турнули, послали харчеваться за свой счет.

Во всем остальном встреча нового ректора прошла, как планировалась: в теплой и дружеской обстановке.

Слово взял первый проректор.

- К сожалению, - сказал он, - я раньше не был знаком с Тарасом Богдановичем, однако много слышал о нем и исключительно самое хорошее. Сейчас я несказанно счастлив личному знакомству и благодарен ответственным товарищам наверху, которые посылают нам такого руководителя. Наконец-то во главе нашего вуза будет стоять действительно компетентный человек. А что он компетентный – мы с вами, коллеги, имели возможность убедиться уже сегодня по тем вопросам, которые он задавал, по тому, как зорко увидел сразу все наши недостатки. Я хочу поднять тост за нового ректора, за наше с ним плодотворное сотрудничество.

Несмотря на то, что тост не поднимают, а провозглашают, добрые слова Капца были приняты с нескрываемым воодушевлением.

После того, как первая рюмка была выпита, и радостное волнение подчиненных несколько улеглось, новый ректор взял ответное слово. Окружающие ловили каждую мысль, старались не упустить ее оттенки, почувствовать возможный подтекст. Казалось, что они испытывают чувство, близкое к религиозному экстазу, во всяком случае, они смотрели на нового начальника примерно так, как верующие смотрят на чудотворную икону.

Видимо, учитывая особенности региона, желая казаться своим, родным и близким, будущий шеф обращался к собравшимся на русском языке.

- Друзья!… Я не оговорился, я хочу видеть в вас прежде всего не подчиненных, готовых слепо исполнять наказы, а хороших, преданных друзей. Я очень надеюсь на вашу дружескую поддержку и помощь. Только вместе, идя рука об руку, мы сможем добиться успеха и выполнить те задачи, которые ставит перед нами наше родное министерство. (Тарас Богданович выразительно посмотрел на Владимира Ивановича. Тот согласно кивнул).

Вы, наверное, наслышаны, - проникновенно вещал Тарас Богданович, - что город Днепропетровск мне не чужой. Здесь прошла моя комсомольская юность. Многие мои товарищи по горкому комсомола сейчас занимают высокие посты в вашем городе, на их помощь и поддержку мы смело можем рассчитывать. (По залу прокатились возгласы восхищения).

Без преувеличения могу сказать, что лучшие воспоминания моей жизни связаны с Днепром, и вот судьба распорядилась так, что я возвращаюсь сюда. Как будто возвращаюсь в свою молодость. И, верите, меня переполняет молодой задор и энергия. А, значит, всё у нас получится!

(В ушах Владимира Ивановича вновь прозвучало «Как бы не так!», но по выражению лиц окружающих он заподозрил, что это «послышалось» не ему одному, а всем, кроме разве что Тараса Богдановича, который бодро продолжал).

Мне остается только в вашем присутствии в лице Владимира Ивановича Хрюкало поблагодарить министерство за оказанное доверие и заверить, что с вашей помощью это высокое доверие будет оправдано! За это и поднимем бокалы!

Присутствующие разразились бурными аплодисментами, выпили, закусили и забыли невесть откуда прозвучавшую фразу: «Как бы не так».

Никому не хотелось выходить из-за стола, тем более что далеко не всё было выпито и съедено, но дело близилось к трем часам, и первый проректор объявил, что пора идти на конкурс. Он же приободрил присутствующих словами:

- Господа! Прошу учесть – сразу после нашего мероприятия возвращаемся сюда на праздничный ужин.

Золотые эти слова вызвали приступ нескрываемой радости.

В актовом зале административного корпуса собрались представители трудового коллектива, их тайное голосование должно было определить победителя конкурса на вакантную должность ректора. Имелось всего два претендента: кроме уже известного нам Тараса Богдановича документы на конкурс, несмотря на все посулы и уговоры этого не делать, подал профессор Макарчук, еще сравнительно молодой, но пользовавшийся авторитетом ученый, заведующий одной из кафедр.

Впрочем, по вузу ходили упорные слухи, что всё уже предрешено, что представителям трудового коллектива уже объяснили, как надо голосовать, и что даже на случай их неповиновения заготовлены липовые бюллетени в пользу «варяга».

Надо сказать, что и сам профессор Макарчук не питал никаких иллюзий, но считал выше своего достоинства поддаваться на уговоры и даже угрозы.

«Я вам не мальчик, я принял решение и не намерен от него отступать!» – твердо отвечал он всем пытавшимся выкрутить ему руки или побеседовать «по-товарищески».

Компания руководителей, значительная часть которых была слегка навеселе, торжественно вошла в зал. Четверо: первый проректор, зам начальника образования и науки, претендент на должность ректора и Хрюкало как представитель министерства поднялись на сцену в президиум. Капец рассадил гостей за столом президиума, любезно подставив каждому стул, и обратился к залу:

- Повод, по которому мы с вами собрались, всем известен: собрание трудового коллектива должно избрать ректора, поскольку должность ректора в настоящее время вакантна. Прежде всего, нам необходимо избрать счетную комиссию. Есть предложение избрать счетную комиссию в количестве семи человек. Есть ли возражения против количественного состава комиссии?… Нет?… Принято единогласно.

Какие будут предложения по персональному составу счетной комиссии?

(Поднялась рука с заранее заготовленным списком).

Прошу вас, Илья Корнеич!

Поднялся румяный старичок и, приблизив листок к глазам, провозгласил:

- Предлагаю избрать в счетную комиссию следующих товарищей. (Старичок озвучил список сотрудников из семи человек).

- Достойные кандидатуры! – коротко прокомментировал предложение Ильи Корнеевича первый проректор. – Предлагаю голосовать списком. Кто за данные кандидатуры – прошу поднять мандаты. Прошу опустить. Кто против?… Против нет. Кто воздержался?… Нет. Прошу занести в протокол: кандидатуры членов счетной комиссии утверждены единогласно.

На участие в конкурсе поступило два заявления от профессоров, докторов наук Тараса Богдановича Брехло и Виктора Петровича Макарчука. Последнего мы с вами знаем, а вот с первым нам предстоит сегодня познакомиться и, возможно, в будущем работать. (Последние слова Капец произнес столь многозначительно, что если у кого-то еще теплились иллюзии относительно честности предстоящих выборов, то они испарились совершенно, можно сказать, исчезли как дым, как утренний туман).

Предоставляю слово помощнику министра, профессору Хрюкало Владимиру Ивановичу.

Представителя министерства зал встретил жидкими аплодисментами.

Владимир Иванович тепло поприветствовал коллектив, коротко остановился на биографии Тараса Богдановича, сказал о том, что лично знаком с ним не первый год, всячески расхвалил его деловые и человеческие качества и заявил, что при всем уважении к другому кандидату министерство и лично министр хотели бы видеть в кресле ректора именно Тараса Богдановича.

- Выбир на корысть профэсора Брехло, - с отеческой улыбкой сказал Хрюкало, - будэ також выбором в пользу вашего института, поскилькы, согласитесь, ваше процветання во многом зависит вид нашей поддержки.

Владимир Иванович выразил надежду, что представители трудового коллектива сделают правильный выбор, засим резко откланялся и отбыл на собрание национально-патриотического фронта.

Прощался он как-то странно: поперхнулся, закашлялся и еле выдавил из себя «до побачення». Дело в том, что когда он заикнулся о правильном выборе, то вновь

услышал, в третий уже раз, «как бы не так!». Мало того, тот же голос грубо прикрикнул: «Закругляйся, козел!».

После того, как Хрюкало с таким видом, будто ему приспичило, срочно покинул зал, проректор Капец предоставил слово Тарасу Богдановичу.

Претендент построил свою речь на жесткой критике положения дел в институте; оперируя данными статистики, он показал, что в системе других вузов, подчиненных министерству, институт, который он собирается возглавлять, едва ли не самый худший. «Всего нашему министерству подчинены двадцать четыре вуза. Пусть вас не вводит в заблуждение восьмое место в общем зачете, - разъяснял Брехло, - оно заработано за счет успехов в самодеятельности, спорте и по другим, не самым главным для высшей школы, показателям. Что же касается показателей учебного процесса, то вы на третьем месте, а по показателям научной работы на втором… от конца. Так что бегаете, прыгаете и играете вы хорошо, а вот учитесь и двигаете науку плохо».

Вместе с тем, претендент отметил, что видит в институте большой потенциал, который до сих пор не был реализован из-за никудышного руководства, и дал понять, что при его руководстве вуз расцветет и станет если не самым лучшим, то одним из лучших.

Речь Брехло не раз прерывалась аплодисментами, инициатором которых неизменно был первый проректор. А когда претендент закончил и поблагодарил за внимание, проректор встал и долго-долго бил в ладоши. Зал покорно, хотя и без особого энтузиазма, следовал его примеру.

Когда верноподданническое рукоплескание, наконец, прекратилось, проректор льстиво поблагодарил Брехло за содержательное выступление, «которое открыло перед коллективом горизонты будущего». Затем, обращаясь к залу, спросил, есть ли вопросы к Тарасу Богдановичу, и был весьма удивлен, когда поднялась чья-то рука. Вопросы претенденту не планировались, и поднятая рука воспринималась почти как возмущение спокойствия. Однако проигнорировать эту руку Капец не решился.

- Что у вас за вопрос? – с едва скрываемым раздражением спросил проректор.

Поднялся недавний попутчик Тараса Богдановича и Владимира Ивановича, то есть наш замечательный Бегемот. Всё это время он скромно сидел в зале и даже принимал участие в голосовании, размахивая точно таким мандатом, как и все остальные.

Так как трибуна, за которой стоял Брехло, была ярко освещена, а Бегемот оставался в тени, претендент не мог рассмотреть задававшего вопрос и узнать в нем своего попутчика.

- Среди представителей трудового коллектива ходят слухи, что возможна подтасовка результатов голосования и что, как бы мы ни голосовали, результат будет в вашу пользу. Можете ли вы подтвердить или опровергнуть наши подозрения? – подбоченясь, спросил Бегемот.

Провокационный этот вопрос поверг в панику председательствующего. Он вскочил, хотел гневно прикрикнуть на наглеца, но вместо этого изо рта его вырвалось какое-то непонятное кудахтанье. Он сел, смущенный, пытаясь понять, что случилось с его голосом и откуда взялся этот неизвестный ему «представитель коллектива».

Тарас Богданович тоже был неприятно покороблен безобразной выходкой одного из представителей, однако твердо заявил, что подтасовка результатов невозможна.

- Это замечательно! – провозгласил Бегемот. - Спасибо вам за разъяснение… Все слышали?! Подтасовка результатов невозможна! И это истинная правда, товарищи! Я уверен, все те, кто сомневаются в надежности нашей системы выборов, кто не верит в демократию на Украине, они сегодня убедятся в обратном. Сегодня, товарищи, мы всей Европе, нет, всему миру, докажем, что живем в свободной стране, в гражданском обществе, в правовом государстве.

Слава Украине! – завопил Бегемот. – Да здравствует президент – гарант Конституции!

Окружающие обалдело смотрели на пламенного оратора, сомневаясь в своем ли он уме. А Бегемот тем временем, как Ленин, выбрасывая руку вперед, ошарашивал присутствующих всё новыми и новыми лозунгами. Наконец, энтузиазм его стал

иссякать, выпалив напоследок «Голосуй смело за правое дело!», он икнул и сел на место.

Опомнившись от потрясения, председательствующий, к которому вернулся дар речи, решил больше не искушать судьбу и не искать желающих задавать вопросы. Он пригласил за трибуну второго претендента на пост ректора, предварительно вспомнив о регламенте:

- Так как планы Виктора Петровича нам в целом известны, думаю, на изложение его платформы достаточно будет десяти минут. Прошу вас, Виктор Петрович.

Профессор Макарчук поднялся на трибуну и, стараясь уложиться в отведенное время, стал излагать свою программу. Ее отличало знание состояния дел в вузе не понаслышке, понимание проблем и действительных перспектив. Но и десяти минут председательствующий ему не дал, оборвав на восьмой минуте и тут же предложив счетной комиссии приступить к своим обязанностям.

Члены комиссии роздали бюллетени для голосования. В бюллетенях были обозначены фамилии претендентов и против каждой стояли вердикты «За» и «Против». Нужное следовало подчеркнуть. После того, как представители трудового коллектива справились со своей миссией, бюллетени были опущены в красный ящик для голосования.

К тому времени комиссия уже «выбрала» своего председателя. Председатель подхватил ящик и отправился в комнату для подсчета голосов, за ним последовали члены комиссии. По дороге председатель на минуту заглянул в туалет, там его ожидало доверенное лицо с точно таким же ящиком, с точно такими же бюллетенями. Из туалета председатель счетной комиссии вышел уже с другим ящиком.

В специальной комнате состоялся добросовестный подсчет содержимого ловко подмененной урны для голосования. Два процента бюллетеней были признаны недействительными, пятьдесят три процента избирателей проголосовали за кандидата от министерства и сорок пять – за своего. С этими победными для Брехло результатами комиссия вернулась в актовый зал.

Председатель торжественно поднялся на сцену и встал за массивную кафедру. Также торжественно он водрузил очки на нос и стал зачитывать протокол.

Он перечислил членов комиссии, объявил, что комиссия избрала его председателем. Наконец, в притихшем зале прозвучало: «Результаты голосования следующие…». И тут возникла неоправданно долгая пауза. Председатель комиссии не верил своим глазам. В листе, который он крутил и так, и этак, были совершенно другие цифры. Из них следовало, что с громадным отрывом, восемьдесят восемь процентов голосов против двенадцати, победил Виктор Петрович Макарчук.

Молчание столь затянулось, что люди в зале начали недоуменно перешептываться. Председатель счетной комиссии стоял как в столбняке.

- Ну, что же вы, - обратился к нему Капец, - обнародуйте результаты голосования.

Спасая положение, председатель открыл рот, чтобы невзирая на написанное, произнести давно заученную фразу и поздравить Брехло с убедительной победой. Но помимо воли своей произнес совсем другое: слово в слово прочел то, что было написано в протоколе, и с обреченной улыбкой поздравил с победой профессора Макарчука.

Взрыв ликования раздался в зале. Обезумивший первый проректор выхватил из рук председателя счетной комиссии протокол и тупо, ничего не понимая, уставился в него. Люди бросились к Макарчуку, обнимали, целовали, даже подняли его на руки и на руках вынесли из зала.

Председатель счетной комиссии помчался искать доверенное лицо. Доверенное лицо радостно сообщило, что действительные бюллетени благополучно спущены в унитаз. Председатель поспешил в комнату подсчета голосов. Там лежали бюллетени, но это были другие бюллетени, количество голосов «За» и «Против» в них полностью совпадало с цифрами протокола. Ничего особенного в этих бюллетенях не было, разве что они были слегка влажноваты. Оставалось неразрешимой загадкой, как сами собой восстановились подлинные бюллетени, и что за метаморфоза произошла с протоколом.

Первый проректор, сбросив с себя оцепенение, протиснулся сквозь окружавшую нового ректора толпу. С глазами, полными любви, он пожал его руку и сообщил, что в столовой ждет праздничный ужин.

- Нет, уж, увольте, - отвечал Макарчук, - мне этот вечер хочется провести с друзьями.

По коридору в направлении выхода никем не сопровождаемый шел симпатичный молодой человек. На его лице нетрудно было заметить лукавую усмешку. Но заметить ее было некому.

ГЛАВА 8

Шабаш в театре кукол.

В тот самый час, когда выборы ректора закончились провалом ставленника министерства, собрание национал-патриотов только-только началось. На этот раз для его проведения был арендован областной театр кукол. Постоянного места собраний у днепропетровских членов национально-патриотического фронта не было, нигде им не удавалось закрепиться надолго, потому что ущерб, наносимый их сборищами, превышал сумму аренды. Наплюют, семечек налускают, окурки набросают, стулья поломают, кресла порежут – кому ж такое понравится.

Владимир Иванович ехал на собрание в растрепанных чувствах, в голове крутилась фраза «как бы не так», объяснения которой он не находил. Я бы сказал в душе, но само существование души он отрицал, следовательно, в сознании зародилась и всё больше нарастала тревога. Председатель болтал без умолку, но Хрюкало его не слушал.

Сейчас Владимир Иванович с угрюмой физиономией стоял за трибуной, читал свой доклад. Читал как-то вяло, без эмоционального подъема.

- Шановни пановэ! Видродження матинкы Украины возможно тилькы как национальное возрождение. Ни одна страна, ни один народ не добивались никаких успехов без национального единства, без национального самосознания, без национальной идеи. Стремясь к национальному возрождению, нам не надо открывать

велосипед, следует только внимательно относиться к историческому опыту, не для того, чтобы его копировать, а для того, чтобы вынести из него ценные уроки. Самым ценным для нас опытом национального возрождения является опыт Германии тридцатых годов.

Лживая советская пропаганда навязала нам негативное отношение к фашистской Германии и ее вождю Адольфу Гитлеру. Гитлер выставлялся как маньяк, недоумок и убийца. На самом деле это великий человек, заставивший весь мир считаться с Германией, поднявший с колен немецкий народ и направивший всю нацию в едином порыве к достижению великой идеи. Коротко эта идея была выражена лозунгом «Германия превыше всего». Что представляла из себя Германия до прихода к власти великого фюрера? Униженная странами Антанты, лишившаяся своих исконных земель, полуразрушенная, выплачивающая позорную контрибуцию, она не могла дать своим гражданам не то что чувства национальной гордости, но даже куска хлеба. Стояли фабрики и заводы, свирепствовала безработица, народ находился в состоянии озлобленного уныния.

Придя к власти, обратите внимание – законным путем, значит такова была воля немецкого народа, Гитлер поднял всех немцев на борьбу с их врагами: с жидами-паразитами, присосавшимися к немецкой кормушке, готовыми за тридцать серебряников продать родную мать, с интернационалистами-коммунистами, действующими по указке Москвы. Адольф Гитлер разогнал, уничтожил всю эту злодейскую свору, и народ ему поверил. Всё переменилось в одночасье, заработала промышленность, началось мощное строительство, были построены такие автомагистрали, о которых мы с вами можем только мечтать, высвободилась и забурлила величайшая энергия народа. Наглые в недавнем прошлом правители Европы, Америки и Советского Союза трусливо присмирели, в страхе стали искать мира и дружбы с великим рейхом.

И всё это за несколько лет сделал недоумок?! Тогда что можно сказать о нашем правительстве, которое больше десятка лет независимости жует сопли, издает вопли и пятится назад? Вся наша так называемая нэзалэжнисть и самостийнисть – это никакая не свобода, не суверенитет, это в лучшем случае возможность самостоятельно

выбирать от кого быть зависимыми, вчера были зависимы от москалей, а теперь готовы американцам за три цента продаться.

Гитлер обладал феноменальной памятью, он очень много читал и был весьма эрудированным человеком, поражает его способность убеждать и вести за собой народные массы, самим Богом ему был ниспослан дар предвидения, я уже не говорю об ораторском искусстве, которым он владел в совершенстве.

Докладчик перевернул очередной лист и отпил воды из стакана, стоявшего на кафедре. Председатель, сидевший в одиночестве за столом, покрытым пыльной зеленой скатертью, активно боролся с дремотой, спиртное, недавно откушанное им на встрече в институте, а также употребленное утром в кафе и, наконец, еще раньше принятое в качестве лекарства и противоядия от выпитого вчера, давало о себе знать. Глаза председателя смыкались, голова склонялась к груди, но, как только подбородок соприкасался с ней, голова тут же резко подпрыгивала, глаза широко раскрывались и совиным взглядом, вопрошавшим «где это я?», председатель вперялся в зрительный зал. В зале ничего разглядеть он не мог, и всё повторялось с той же последовательностью: глаза вновь смыкались, голова опускалась…

Тем временем докладчик продолжал:

- Возможно, кто-нибудь спросит, почему же тогда Гитлер потерпел поражение. (Хрюкало обвел зрительный зал пристальным оком, желая найти в нем подтверждение своему предположению). Я так отвечу на этот вопрос: во-первых, никакого поражения он не потерпел, достаточно вспомнить число жертв Второй мировой войны с той и с другой стороны. Во-вторых, он показал всему миру, каких блистательных высот может достичь народ, сплоченный национал-социалистской идеей. И, в-третьих, Гитлер не смог довести свою борьбу до победного конца только потому, что его предали, предали не только отщепенцы, вроде адмирала Канариса, но и прогнившие западные демократии. Сначала они поддерживали его планы уничтожения большевистской заразы на Востоке, а потом, убоявшись, что после падения Советского Союза наступит их очередь, объявили ему войну.

Не лучшим образом повели себя и наши с вами отцы и деды, я говорю обобщенно, не имея в виду здесь присутствующих: вместо того, чтобы хлебом-солью

встречать своих освободителей от большевистско-жидовского ярма, они воевали в Красной армии, создавали партизанские отряды, как могли вредили продвижению немецких войск. Всё это делалось не из высоких идейных соображений, а из рабского страха перед «отцом народов», который, как теперь выяснилось, был всего-навсего грузинским жидом. Кстати, из семинарии его вытурили не за революционную пропаганду, а за посещение публичных домов. Теперь очевидно, что мы воевали не на той стороне. Только немногие подлинные патриоты примкнули к немецкому гению, но до сих пор находятся люди, которые злобно клевещут на них.

Хрюкало указал пальцем на древнего старикашку, грудь которого украшал железный крест. Зал разразился овациями, пытался подняться и тоже хлопать тот самый старикашка, который, по правде сказать, ничего не расслышал и ничего не понял. Воодушевленный поддержкой соратников, докладчик продолжал с большим энтузиазмом:

– Можете представить себе, что было бы, если бы украинскому народу хватило ума и смелости выступить на стороне выдающегося сына Германии. Сталинский режим рухнул бы как глиняный колосс, за ним, как ветром сдуло бы последний оплот плутократии в Европе – правительство Черчилля. Америка, которой сегодня мы вынуждены лизать дурно пахнущее место, сама запросила бы пардону. Над всем миром развивалось бы гордое знамя со свастикой, и мы с вами, а мною документально доказано, что арийцы и украинцы происходят от одного корня, в полной мере пользовались бы плодами нашей совместной победы. Мы владели бы миром, мы были бы господами, и сотни рабов, всех этих недочеловеков: азиатов и негров, американцев и славян – работали бы на нас.

- Да неужто?! – ахнул кто-то в зале.
- Да! Да! И сотни раз да! – отозвался на реплику киевский визитер, который уже освоился, приободрился, забыл мучившую его фразу «как бы не так» и, казалось, рвался в бой с несвойственным его возрасту и положению пылом.

Зал взорвался неистовыми рукоплесканиями, каждый представлял себя рабовладельцем, утопающим в роскоши, окруженным послушными холопами и жаждущими ублажить хозяина молодыми холопками, черными, белыми, желтыми. В

каждом бушевал гнев на убогих предков, которые не смогли себе и ему обеспечить эту райскую жизнь. Даже председатель окончательно проснулся, встал из-за стола и присоединился к всеобщему ликованию. Докладчик стоял за кафедрой с высоко поднятой головой и оттопыренной нижней губой, одновременно похожий на Муссолини и Жириновского.

В это мгновение все двери, ведущие в фойе, одновременно распахнулись, и в них чеканным шагом стали входить статные молодые люди в форме СС. Участники собрания догадались, что этот великолепный спектакль устроен организаторами. Продолжая бить в ладоши, они вопили «Слава Украине!», «Хайль Гитлер!», «Да здравствует фюрер!». Хлопали и Хрюкало с председателем, Владимир Иванович думал, что это действо в качестве сюрприза преподнес ему председатель, а председатель то же самое думал о Хрюкало.

Тем временем эсэсовцы заполнили все проходы и даже поднялись на сцену. На мгновение они замерли, затем прозвучала команда, похожая на собачий лай, и те, которых считали всего-навсего нанятыми актерами, орудуя увесистыми дубинками, бросились на национал-патриотов Украины. Никто ничего не мог понять, да всем было и не до размышлений. Первым досталось председателю, три бравых молодчика сбили его с ног и стали нещадно избивать сапогами. Правда, одолеть полковника, весившего немногим меньше трех нападавших вместе взятых, было непросто, он залез под стол, а потом поднялся вместе с ним и, используя его в качестве щита, бросился прочь со сцены. Тройка хулиганов помчалась за ним.

Тот же способ спасения выбрал докладчик, только вместо стола он использовал кафедру, благо силушки ему было не занимать. Вдогонку за ним побежали двое, барабаня дубинками по кафедре.

Совсем еще юный эсэсовец подскочил к знакомому нам старикашке, тот истерично завизжал: «Я свий», но креста нападавший не заметил или начхать на него желал и дважды огрел старика по лысой голове. Голова по всем понятиям должна была расколоться как спелый арбуз. Но этого не случилось, видимо, головы национал-патриотов, тем более бывших эсэсовцев, отличаются особой непробиваемостью. Тем не менее, дед умолк и повалился на пол. Юнец решил, что отослал дедовскую душу на суд

божий и занялся его соседом. Сосед заранее принял оборонительную позицию, забравшись под кресло; доступным для нападающего оставался только его зад, ему-то и досталось.

Публика в зале оказалась в плотном кольце молодчиков в форме, они молотили людей направо и налево, попытки оказать им сопротивление после первоначального замешательства не выглядели успешными. Да что это я? Какого там замешательства, после настоящего шока, в который повергло собравшихся поведение братьев арийцев. Зал наполнился криками отчаянья, стонами раненых, грохотом ломаемых кресел…

И на всё это побоище с интересом взирал, расположившийся на огромной люстре большой серый кот. Как он туда попал, никто не знал, да и никто не заметил кота в этом, казалось бы, недосягаемом месте. Кот удобно расположился на люстре, подложил лапы под голову и во все глаза смотрел на происходящее в зале. Впрочем, один участник событий, изрядно помятый, оказавшийся на спине после того, как его опрокинули эсэсовцы, единственным глазом (другой ему выбили ремнем, на бляхе которого было выгравировано «С нами Бог») всё же рассмотрел кота на люстре. И даже рассказывал потом, что это поразило его даже больше, чем нападение хулиганов.

Нет никакого сомнения, что кровавая бойня в кукольном театре закончилась бы весьма плачевно для украинских патриотов, если бы не их значительный перевес в живой массе. Нападавших бандитов было человек сто, вряд ли больше, а обороняющихся около четырехсот. Кое-кому из патриотов удалось даже вырвать дубинки из рук нападавших, и последние тоже стали получать ощутимые удары. Наконец, патриоты прорвали в одном месте кольцо эсэсовцев и устремились к выходу, в образовавшийся спасительный коридор бросились все, еще державшиеся на ногах. За ними молча, но, страшно топая сапогами, помчались фрицы.

Выбежав на улицу, первый прорвавшийся побежал вниз к Днепру, за ним последовали все остальные, хотя логичнее было бы разбегаться в разные стороны. Битва продолжилась на набережной Ленина рядом с центральным мостом. Доставалось и тем и другим, хотя численных потерь среди фашистских громил не было, чего нельзя сказать о патриотах. Естественно, что движение по набережной оказалось

парализованным, водители и пешеходы потрясенно смотрели на коллективную драку, некоторые даже решились вмешаться в нее на стороне людей в штатском, но эсэсовцы каким-то неясным способом хорошо ориентировались в вопросе, кто есть кто. Людей с улицы они не трогали, не наносили им никакого вреда, ловко уклоняясь от их кулаков, зато патриотов преследовали как свора собак.

Не так скоро, как хотелось бы, появились первые милицейские машины. Милиционеры не бросились сломя голову в драку, видимо, поджидали подкрепление. Но у них были мегафоны, в которые они громко требовали прекратить драку и разойтись. Требования блюстителей порядка оставались невыполненными, но они уже дождались солидного подкрепления. Прибыл отряд по борьбе с массовыми беспорядками. Силы милиции выглядели более чем солидными. Парни, должным образом экипированные, с пластиковыми щитами и резиновыми дубинками врезались в толпу, не разбирая, кто прав, кто виноват, и нанося удары обеим сторонам. По отношению к милиции эсэсовцы вели себя не так деликатно, как по отношению к штатским гражданам, вступившимся за патриотов. Они не только ввязались с ней в рукопашный бой, но и применили автоматы. Знающие люди сказали бы, что это автоматы МР-38-40, бывшие на вооружении немецко-фашистской армии. Откуда взялись у них автоматы, понять было трудно, до сих пор они орудовали исключительно деревянными палками. Такой оборот событий, мягко говоря, не очень понравился стражам порядка. Прикрываясь щитами, хотя на расстоянии ста метров это было абсолютно бесполезно, они попятились к своим машинам. Увидев, в какое незавидное положение попал отряд специального назначения, остальные милиционеры, прячась за автомобили, открыли стрельбу из табельного оружия, в основном это были пистолеты «Макарова». Но то ли стрелки они были неважнецкие, то ли по какой другой причине, но их пальба никакого результата не дала.

А вот в милицейских рядах множились потери, правда, какие-то очень странные. Потом уже выяснилось, что стреляли эсэсовцы не свинцовыми пулями, а солью, дробины из соляных кристаллов попадали исключительно в мягкие места отходивших милиционеров, в общем, создавалось впечатление, что доблестные стражи порядка, вероятно, из презрения к врагу подставили ему свои спины. В противном

случае оставалось предположить, что дробь эта имела сверхъестественную способность огибать мишень и впиваться в нее с тыльной стороны.

Скоро брюки многих ментов превратились в решето, что, конечно, не радовало, да и соль в заднице могла понравиться разве что отчаянным мазохистам. Слава Богу, используя тротуар и газоны к месту беспорядков стали пробираться первые машины скорой помощи. В них в спешном порядке помещали пострадавших милиционеров.

- Товарищ генерал, - взволнованно, почти захлебываясь, кричал по рации милицейский полковник, - тут черт-те творится что! Значит, какие-то в немецкой форме, много, много говорю их, других, значит, без формы сначала дубинками били, а теперь нас из автоматов поливают… Так точно, раненые есть… Убитых пока не видать, но будут, черт их дери… Какой открыть ответный огонь, уже открыли, да хрен с того. Помощь нужна… Ну как же?!

Полковник бросил трубку, матерно выругался.

- Из Киева дармоедов встречать – на каждом углу стоят, а тут – резервов нету!

Еще немного – и положение милиции стало бы безнадежным, но произошло чудо. Когда не осталось ни одного целого, непокалеченного национал-патриота, эсэсовцы начали один за другим исчезать. Нет, не убегать куда-то, не прятаться, а растворяться в воздухе, лопаться как мыльные пузыри, точнее, пожалуй, не скажешь. От них оставался только весь бандитский реквизит: форма, дубинки, автоматы, а сами они бесследно испарялись. Фашистской сволочи становилось всё меньше и меньше. Это ободрило блюстителей порядка, они даже осмелились поймать одного, самого помятого и едва стоявшего на ногах. Его затолкали в машину реанимации. Вместе с ним сели два милиционера. Врач, молодая еврейка, сразу же приступила к осмотру пострадавшего. Недавно она получила вид на жительство в Германии и уже два года денно и нощно учила немецкий язык. С чего вдруг, но она спросила своего пациента: «Кто вы?». Спросила на немецком языке. И услышала ответ: «Я Пауль Зибель, солдат фон Манштейна, я похоронен в общей могиле, я шестьдесят лет лежал в русской земле, не знаю, кто и зачем меня воскресил».

Уже от такого ответа волосы могли встать дыбом, но то, что произошло потом, не только врача, но милиционеров повергло в ужас. За несколько секунд солдат, которого успели раздеть для осмотра, стал стремительно меняться, проходя все стадии превращения трупа, и превратился, наконец, в скелет. Врач тут же упала в обморок, один из милиционеров потерял дар речи, другой, простите за физиологические подробности, обмочился. Но это еще не всё. Кости скелета оказались каким-то образом прочно соединены и обладали несвойственной мертвой ткани подвижностью. Скелет поднялся с носилок, клацнул челюстью, ухватился костяшками пальцев за ручку двери и легко открыл ее. Потом ловко выскочил из машины и побежал прочь, звонко цокая по асфальту.

Только полковник, недавно просивший подкрепления, сохраняя способность действовать, послал ему пулю вдогонку, скелет исчез, как исчезли и все его сотоварищи.

Полковник распорядился немедленно собрать всё оставшееся от «оборотней» (так он их окрестил), особенно автоматы, а то их уже начали прибирать к рукам бойкие ребята из толпы. Удалось собрать ровно сто комплектов обмундирования и только девяносто восемь автоматов, на основании чего полковник предположил, что два автомата кто-то всё же успел прихватизировать.

Некоторым пострадавшим оказали медицинскую помощь на месте и отправили в отделение милиции для снятия показаний, эти счастливчики были в состоянии самостоятельно передвигаться. Но основную массу народа медицина была вынуждена госпитализировать с травмами разной степени тяжести, в том числе очень серьезными. Одно только обстоятельство удивило врачей, а потом и следователей: бойня эта для многих должна была закончиться самым плачевным образом, однако погибших не было, если, конечно, не считать таковыми исчезнувших эсэсовцев. Даже дедок-крестоносец умудрился оклематься, хотя лишился последних остатков ума и памяти.

Выжили и Хрюкало с председателем. Когда на третий день после побоища Владимира Ивановича перевели из реанимации в палату для выздоравливающих, он к удивлению своему обнаружил в ней Тараса Богдановича. Того было трудно узнать: передние зубы выбиты, к заработанному в поезде синяку добавился такой же под

правым глазом, видимо, для симметрии, нос мало того, что посинел и распух, но еще и свернут на бок. Но все-таки он был узнаваем, а вот самого Хрюкало с полностью перебинтованной головой узнать было невозможно, даже если бы с него сняли все повязки. К тому же, в отличие от Тараса Богдановича, больной он был лежачий, так как имел множество переломов. Беда в том, что под градом ударов кафедра, которой он прикрывался, полностью развалилась, и Владимир Иванович остался беззащитным, чем любезные его сердцу немецкие фашисты жестоко воспользовались.

- Нияк Тарас?! А ты тут звидкы взявся? – обратился наставник к своему подопечному голосом жалким и слабым, но всё же узнаваемым.

Тарас Богданович поведал, что после выборов поехал в театр кукол и зашел в зал, когда Владимир Иванович уже читал свой доклад; сразу же сел на свободное место у входа, потому тот его и не заметил.

- А якого ляха тэбэ до тэатру понэсло, мы ж договарювалыся, що я сам до институту прыиду? - спросил Хрюкало.

- Хотив з вамы побачитыся.

- Ось и побачився, замисть банкэту до ликарни угодыв!

- Я так розумию, Володымыр Ивановыч, вы нэ знаэтэ? Алэ банкэту нэ було.

- Як цэ нэ було, чому нэ було?

- Та тому, що празнуваты нам з вамы, - с нескрываемой иронией в голосе сказал Брехло, - ничего.

- Ты що, хочешь сказаты, що тэбэ провалылы?

- Провалылы… и з вэлыкым, знаэтэ, триском.

Не буду пересказывать содержание дальнейшей беседы двух господ, это неинтересно, так как речь они вели об уже известных нам событиях.

В тот же день в их палату наведался председатель, он тоже не избежал больницы, но выглядел лучше других. Собственно, единственной его потерей было то, что он лишился пучка волос на голове, их выдернули с корнем, поэтому вместо волос на его макушке красовался пластырь, напоминавший иудейскую шапочку – ермолку.

Впрочем, эту потерю председатель переживал очень тяжело, поэтому с горя успел приложиться к спиртному. В остальном держался он бодро и даже похвалялся своими подвигами.

- За мной, блин, пятеро побиглы (читатель помнит, что трое), ну, я им засранцям показав. Когда в фойе со столом выскочив, я столом одного так огрив, что он тут же и скопытывся (не скопытился, но на некоторое время вышел из строя). А еще двух к стенке столом так прижал, что из них кышки полизлы (не двоих, а одного, и кишки не вылезали). А остальных я кулаками так обработав, что их матир ридна нэ впизнае (действительно обработал, но только одного).

Если не придираться к некоторым преувеличениям и не обращать внимание на то, что о потере своей гордости, своего чуба рассказчик не упоминал, то, в общем и целом, рассказ полковника был близок к истине. Он один нанес фрицам ущерба больше, чем остальные патриоты, вместе взятые.

Славный подвиг председателя не только не впечатлил милиционеров, действия которых на его фоне выглядели более чем скромно, но даже вызвал завистливый негативизм по отношению к нему. Ему стали шить дело, хотели объявить главным зачинщиком беспорядков. К счастью, райотдел милиции занимался им недолго, скоро дело передали в прокуратуру, где председатель попал к известному нам Степашке.

ГЛАВА 9

Степашка идет по следу

Поначалу Степашка, хотя и удивлялся парадоксальности фактов, которые удалось ему обнаружить, пытался всё же дать им разумное объяснение. Работал он усердно, но продвигался черепашьим шагом. Никак не складывалась хотя бы мало-мальски убедительная версия случившегося в институте.

Дело сдвинулось с мертвой точки только после смерти Шельмовича. Узнав о ней, Степашка не замедлил навестить вдову покойного; и Мария Яковлевна без утайки рассказала ему всё, чем поделился с ней незадолго до смерти супруг. Причем, сама Мария Яковлевна никаких сомнений в правдивости сказанного не испытывала

и в подтверждение своей убежденности упомянула о чудесном происшествии в божьем храме: «Я тоже сначала не верила, но потом узнала – правда это. Мне об этом сам святой Николай сказал».

Степашка вышел от Марьи Яковлевны с мыслью: «Вот и версия появилась. Да еще какая! И главное всё объясняет. Жаль только, что за такую версию меня пинком под зад с работы выметут».

Даже человеку верующему трудно поверить в нечто сверхъестественное и мистическое, тем более трудно поверить атеисту. А Степан Стёпин считал себя стопроцентным атеистом. Именно считал, а не был им. Ведь насильственно насаждаемый у нас атеизм никогда не являлся действительным атеизмом, он был скорее богохульством.

Однако в докладе прокурору Степашка подробно изложил беседу со вдовой ректора. Прокурор, который с утра был не в духе, вспылил:

- Что ты мне бабьи сказки тут рассказываешь, мне нужно разумное объяснение преступления. Мне нужны виновники. Город на ушах стоит. Журналюги требуют объяснений, а я – что им, этот бред должен рассказывать.

Однако уже на другой день, прокурор вызвал к себе Степашку и передал ему еще два дела, от которых, по его словам, тоже попахивало чертовщиной. Это было дело о загадочном исчезновении банкира Кышени и дело о массовом хулиганстве в театре кукол и на улицах возле него.

Кое-что об этих происшествиях Степашка уже знал из разговоров коллег и из многочисленных телевизионных передач. Ушлые телевизионщики нагородили с три короба. Но что интересно, ни один из них не мог что-либо вразумительно объяснить. Прочитав материалы первого дела, Степашка отправился на место преступления, то есть в загородный дом банкира. Там он побывал в комнате, в которой Кышеня принимал девиц из «Купидона» (которые, между прочим, тоже пропали), и повторно брал показания у всех, кто в тот роковой день находился в доме.

Удалось выяснить следующее. Кышеня поздно вечером покинул загородный дом, никому ничего не сказав. Охрана была удивлена тем, что он уехал, не захватив с собой девиц. Впрочем, решили, что он скоро вернется, а девицы будут его ждать.

Однако он не вернулся ни в этот вечер, ни на другой день. Водитель отвез его сначала в банк (что было очень странно: была уже ночь), потом они заехали на почту, потом поехали на квартиру Кышени, но не на ту, где проживала его семья, а на ту, что он купил недалеко от офиса, и где иногда появлялся главным образом с дамами сердца. Здесь он отпустил водителя, и с этого момента банкира уже никто не видел.

Вечером один из охранников решил навестить оставленных Кышению девиц, но дверь оказалась запертой, а на стук они не отзывались. Охранник не стал их беспокоить. «Наверное, напились и спят», - подумал он. Но утром на стук тоже никто не ответил. Попытались связаться с хозяином, но ни по одному телефону разыскать его не удалось. Особенно странно было, что не отвечал мобильник.

Решили взломать дверь. Велико было удивление всех, когда они обнаружили картину варварского разгрома, но не увидели никаких девиц.

- Куда же они могли деваться? – допытывался у охранников Степашка.
- Откуда нам знать, - отвечали те.
- Но как-то они все-таки покинули помещение. Может быть, вы не заметили, как они тайком вышли? Может – проспали?

Хлопцы даже обиделись:

- Нам деньги платят не за то, чтобы мы спали!
- И все-таки, хоть какие-то соображения у вас есть? Может, они как-нибудь спустились с балкона и убежали?
- А на что собаки во дворе и сторожа вокруг дома? – резонно отвечали охранники.
- Кроме девушек и банкира в спальне кто-нибудь был? – задал очередной вопрос Степашка.
- Это когда?
- Ну, когда они там веселились?
- Нет, никто.
- Совсем никто, ни одна душа?

- Разве, котенок такой рыжий, - отвечал один из охранников. – Я сижу, смотрю, по лестнице поднимается рыжий такой. Я хотел его поймать, а он - наверх и шмыг сразу к ним в дверь. Я подошел, смотрю, дверь приоткрыта. Слышу – оттуда звуки.

- Какие звуки?

- Ну, какие – траханья. Девка одна стонала, и Петра Михайловича тоже было слыхать… Так я заходить за котом постеснялся, просто прикрыл дверь.

- Так! - произнес Степашка, таким тоном, будто эта информация что-то разъясняла. – И куда потом девался этот котенок?

- А бес его знает, тоже исчез.

- А почему же ты никак не отреагировал на звуки погрома?

Степашка сверлил допрашиваемого оком железного Феликса.

- А никаких звуков не было.

- Ты что мне очки втираешь! Хочешь сказать, что можно беззвучно такой раскардаш учинить?

- Не знаю, что можно, что нельзя, но только я не глухой, но ничего не было слышно. Не было никаких звуков!…

В «Купидоне» об Анжеле и Виктории ничего не знали. Пытались даже отрицать, что девицы были выписаны Кышенею. Пришлось Степашке объяснить, что амурные услуги, предоставляемые заведением, его не интересуют, но если они будут врать, то могут заинтересовать. Угроза подействовала. Но в результате удалось выяснить только то, что дамы действительно были посланы к банкиру, однако, от него не вернулись. Очень заинтересовало следователя и то, что одна из пропавших девушек, как выяснилось, фигурировала в деле Шельмовича. До сего дня Степашка не знал об увольнении Виктории из вуза и новой блестящей карьере в «Купидоне». Два дела, таким образом, имели одного фигуранта.

Степашка дал задание оперативникам достать Анжелу и Викторию хотя бы из-под земли и немедленно заявил их в розыск. Кышеню объявили в розыск еще раньше.

По свежим следам Степашка взялся также за дело, связанное с дракой в театре кукол. Основная масса пострадавших находилась в больнице. Естественно, что первым делом следователь отправился туда. Здесь его водили из палаты в палату, и мало-помалу в его сознании рисовалось эпическое полотно события, которое киевские репортеры окрестили Днепровским побоищем.

Набрел он и на того гражданина, которому выбили глаз, но который всё же разглядел кота на люстре. От каждого нового свидетеля Степашка пытался выудить что-нибудь новенькое, но эту информацию ему не пришлось вытягивать. Пострадавший буквально зациклился на ней, как будто ничего более значительного в этот вечер не произошло.

- Вы запишите, обязательно запишите! Там на люстре, в натуре, сидел серый кот. Большой такой, мордастый. Лапы так, значит, скрестил по-хозяйски и сверху смотрит… наглый. А я думаю, как он туда, говнюк, попал. Никак ему, значит, нормальным способом туда не попасть.
- А что потом было? – спросил одноглазого следователь.
- Что, что было?
- После, я спрашиваю, что было, с вами и с этим котом.
- Э-э-э… после, когда все убежали, я полежал немножко, а потом тоже из зала подался, а кот так на люстре и сидел, да еще лапы потирал и поплевывал на них. Только когда я в дверях уже был, потянуло меня в последний раз на него посмотреть, я, значит, повернулся, а он нет, нет его. Вот.

Степашка уточнил масть кота, сидевшего на люстре, точно ли он серый, не мог ли потерпевший ошибиться относительно окраса животного. Тот настаивал на своем: серый, дескать мол, или дымчатый.

От проницательного ума Степашки, конечно же, не ускользнуло, что коты присутствуют во всех трех делах. Только в деле Шельмовича был кот громадных размеров, здесь просто большой, а в деле банкира совсем котенок. К тому же, цвет котов во всех случаях был различным: черным, рыжим и, наконец, серым. Относительно глаз кота показания тоже были неодинаковы, одни свидетели говорили, что – зеленые, другие будто – желтые, а третьи вовсе утверждали, что –

красные. Степашка по этому поводу даже сделал предположение, что глаза у котов меняли цвет в зависимости от угла зрения, а то и вовсе один глаз мог быть одного цвета, а другой другого.

Итак, все дела между собой были связаны неожиданным появлением более чем странных котов. Но что это давало для разъяснения этих дел? Очень мало, если не сказать ничего.

С большими натяжками первое дело можно было представить как провокацию, организованную самим ректором. Дело банкира можно было объяснить преступным сговором охранников и водителя, которые по чьему-то заказу выкрали банкира и девиц и разгромили спальню хозяина. Хотя такое объяснение выглядело шитым белыми нитками, поскольку организовать похищение или даже убийство банкира они могли без всяких спецэффектов, вроде погрома, да еще и обеспечив себе надежное алиби. Но как объяснить появление вооруженных эсэсовцев, а главное, их загадочное исчезновение?! Оставаясь в пределах здравого смысла или даже выйдя из него на просторы материалистической диалектики, невозможно было ответить на этот вопрос.

По понятным причинам особое внимание следователь уделил опросу организаторов собрания в кукольном театре. Председателя он допросил в прокураторе, с интересом выслушал захватывающий рассказ о его героическом отпоре немецко-фашистским агрессорам и отпустил на все четыре стороны.

Разговор с Хрюкало и Брехло состоялся в их палате. Выглядели они ужасно, но значительно лучше, чем когда их только что доставили в больницу. Кроме дежурных вопросов относительно личности потерпевших и о том, что они сами считают необходимым сообщить следователю, Степашка спросил, не было ли чего-нибудь странного накануне происшествия, возможно даже по дороге в Днепропетровск.

Они ответили, что не было ничего особенного, если не считать инцидента с проводником.

- Что за инцидент? – живо поинтересовался Степашка.

Хрюкало и Брехло рассказали о, якобы, разбитом зеркале. Всплыл в их рассказе и приятный молодой человек – их попутчик, с которого, собственно, и

началась история с зеркалом. Степашка попросил описать его… и обомлел, когда узнал в попутчике того самого оборотня, который нашкодил в кабинете Шельмовича.

Когда следователь собирался уже уходить, его остановил Владимир Иванович. Присвистывая по причине беззубости рта (зубы у него были выбиты также как у Тараса Богдановича), он сказал:

- Не знаю, имеет это отношение к делу или нет, но позавчера ко мне приехала жена из Киева. Так вот, она рассказала, что до нее дошли странные слухи о моем сыне. Сын у меня от первой жены – заместитель министра здравоохранения, - не без гордости пояснил Хрюкало, - так вот, будто бы ему какой-то кот ухо откусил.

«Опять кот!» - Степашка чуть не подпрыгнул на стуле. Эта информация задела его, можно сказать, за самое нутро, заинтересовала более всего остального. Однако никаких дополнительных сведений, касательно киевского кота Хрюкало сообщить не мог.

Уже на другой день, коротко доложив руководству о преступной деятельности кота-оборотня, Степашка отправился в Киев. Так как командирован он был в городскую прокуратуру, то не только отметил командировку, но и навестил коллег, навел некоторые справки о заместителе министра здравоохранения. Оказалось, что за его деятельностью давно следят правоохранительные органы.

В министерстве он выяснил, что Леонид Владимирович Хрюкало уже выписался и находится дома на больничном. Степашка созвонился с ним и договорился о встрече. Но перед этим он разыскал врача, который пришивал замминистровское ухо. Тот разъяснил, что ухо было откушено каким-то зверем.

Степашка спросил, мог ли это быть кот. Врач ответил: «Какой кот?! Скорее – тигр!»

И вот уже Степашка сидит в многокомнатной квартире элитного дома в центре Киева, в котором проживал Хрюкало-младший, оглядывается кругом и прикидывает, какая же зарплата должна быть у хозяина таких хором. А ведь их еще надо соответствующим образом обставить. Степашка полагает, что никак не меньше трех,

а то и четырех тысяч долларов в месяц. Но, как известно, таких зарплат у нас в помине нет.

В холл Степашку провела хорошенькая молоденькая горничная. О том, что это горничная, он догадался по белому, отороченному кружевами фартучку.

Появился хозяин, Степашка чуть не прыснул со смеху, столь уморительной показалась ему физиономия с одним подвижным ухом и другим – упакованным в марлевый тампон и залепленным пластырем.

Хозяин предложил гостю кофе с коньяком. Гость не отказался, но только после дела, ради которого приехал.

Степашка записал показания потерпевшего. На фоне того, что он успел узнать о проделках криминального кота, рассказ Хрюкало не произвел на него особенного впечатления. Поэтому он слушал спокойно, без тени сомнения в искренности рассказчика. Заместитель министра был признателен следователю, так как почувствовал доверие с его стороны. Все, кому он до того рассказывал эту историю, либо смотрели на него как на идиота, либо поднимали насмех.

Разумеется, Леонид Владимирович не был вполне откровенен со следователем: не поведал ему об источнике денег, которые лежали в сейфе и которые он был вынужден отдать академику, утаил некоторые обвинения оборотня в свой адрес, ни словом не обмолвился о бразильской «тете». Впрочем, эти детали следователя, по всей видимости, не очень интересовали. Его интересовала личность кота, и только.

Выпив кофе с коньяком и поблагодарив радушного хозяина, Степашка отправился в гостиницу «Феофания», в которой остановился. На следующий день он планировал разыскать академика психиатра, чтобы выслушать его версию происшествия.

Степашка прошелся через парк мимо памятника Тарасу Шевченко. Все скамейки парка были оккупированы либо влюбленными парочками, либо старушками из соседних домов; не в том количестве, что в былые годы, но всё же прогуливались мамаши с детьми; и, как раньше, в одном из уголков парка резались в шахматы заядлые шахматисты.

У кумачового здания университета Степашка дождался автобуса и доехал на нем до ВДНХ. Там пересел на маршрутку и добрался до «Феофании». В этой гостинице Степашка предпочитал останавливаться, когда бывал в Киеве: сравнительно недорого, неплохой буфет и сносные номера.

Степашка поднялся на четвертый этаж в свой двухместный номер. Порадовался, что к нему никого не подселили. По дороге он зашел в продмаг и обзавелся нехитрым провиантом. Ужин был обеспечен. Он разложил продукты на столе, достал из саквояжа дорожный кипятильничек, залил его водой и, пока он нагревался, переоделся в спортивный костюм.

Степашка не успел пообедать, поэтому поужинать рассчитывал плотно. Как только он присел к столу, в дверь постучали. «Да, входите!» - отозвался он на стук.

На пороге появилась горничная, объявившая: «Веду к вам соседа». Наш сыщик понял, что радость его была преждевременной, и он ответил с досадой: «Да я уж вижу». На приветствие новоявленного соседа Степашка буркнул что-то невнятное, даже не глядя в его сторону.

Горничная поправила покрывало на постели и неспешно удалилась. Сосед повесил в шкаф кожаную куртку, подхватил свою сумку, которую носил через плечо, и со словами «позвольте к вам присоединиться» подошел к столу. Степашка, жуя бутерброд, по-прежнему не глядя на соседа, промычал: «Угу». Сосед стал выкладывать на стол красиво упакованные и очень дорогие продукты из супермаркета. Наблюдая за их появлением, следователь прокуратуры почувствовал себя нищим подзаборником. Только когда на столе появилась бутылка коньяка в картонной упаковке, по цене равной трем Степашкиным зарплатам, сыщик поднял голову…

Кусок застрял в его горле, сердце сначала остановилось, а потом бешено заколотилось. В двух метрах от него стоял человек по всем приметам походивший на разыскиваемого преступника. Именно таким рисовался следователю молодой человек, умевший творить чудеса и превращаться в разнокалиберных котов.

- Давайте знакомиться, - приветливо предложил сосед, протягивая руку. - Я Феликс, а вас как прикажете величать?

- Степан, - едва выдавил Степашка, с трудом поднялся на ногах, которые сделались ватными, и протянул соседу предательски дрожавшую руку.

- А что с вами, Степан?

- А что со мной? - вопросом на вопрос ответил опешивший сыщик.

- Не знаю, вид какой-то странный. Мой папа про таких говорит: «Из-под угла мешком накрытый». Только вы не обижайтесь, ради Бога, просто поговорка такая.

- Я и не обижаюсь. А папу вашего часом не Эдмундом зовут?

- А-а… намек понят. Ну, вы шутник! Просто комик! Нет не Эдмунд. И фамилия, заметьте, не Дзержинский.

- А какая фамилия? И как все-таки папу зовут, - приходя в себя, спросил следователь.

- Фамилия Фемидов, а папу зовут Януарий.

- Вы, следовательно, Феликс Януарьевич… Странное отчество, никогда не слыхал.

- Как не слышали? А про собрата своего прокурора Вышинского слышали? Так вот, он тоже Януарьевич.

- А с чего вы взяли, что Вышинский мой собрат?

- Ну может и не собрат, но из одной конторы.

Степашка вопросительно смотрел на Феликса Януарьевича.

- Не удивляйтесь, меня администратор предупредила, что вы работник прокуратуры.

Степашка недовольно поморщился: «Вот трепло!».

- Да не обижайтесь вы на нее, просто ко мне женщины неравнодушны, всегда, знаете, хотят чем-нибудь помочь. Вот и эта, видит, что я человек приличный, дай, думает, предупрежу, чтоб чего лишнего не ляпнул. Только зря она волновалась. Я прокуратуру не боюсь.

- Почему не боитесь? – не столько из любопытства, сколько автоматически спросил Степашка.

- Ну, потому, прежде всего, что я человек честный, никаких грехов у меня ни перед прокуратурой, ни перед другими органами нет. А во-вторых, я человек богатый и если нужно сумею себя защитить, - самоуверенно отвечал Феликс Януарьевич.

- А вы думаете, что честности и богатства достаточно, чтобы нас не бояться? – неожиданно для себя самого спросил Степашка.

Мысли его путались, но одно было очевидно: надо постараться разговорить преступника, пусть как можно больше расскажет о себе, и придумать, как его задержать. Последние дни Степашка мечтал о встрече с оборотнем, в фантазиях его мелькали сцены погони и ареста, только сам он в этих фантазиях неизменно был наделен не меньшими, чем противник, сверхъестественными силами. Без помощи этих сил даже в мечтах поймать оборотня не удавалось.

На Степашкин вопрос сосед не ответил, но заявил:

- А давайте сперва по рюмашке, да перекусим чуток, а уж потом и поговорим мирком да ладком.

С этими словами Феликс вытряхнул коньяк из коробки, достал из бокового кармана сумки складной ножечек со штопором, с его помощью срезал слюду, плотно облегавшую горлышко бутылки, и вытянул пробку.

За отсутствием рюмок коньяк пришлось разлить в граненые стаканы.

- Ну, Степа, за знакомство! – сосед поднял свой стакан и слегка звякнул им по стакану Степашки.

- За знакомство! - поддержал Феликса Степашка.

Залпом выпили, как принято у россиян, и сразу набросились на закуску. Приятная теплая нега разлилась по Степашкиному телу. Особенность напитка состояла в том, что он не притуплял, а обострял сознание, не клонил в сон, а бодрил, тело становилось невесомым, казалось, что еще немного и оно обретет способность летать. Ну, а вкус был просто неподражаем. Никогда раньше не пил он такого коньяка и, надо полагать, не будет пить в обозримом будущем. Хотя, если бы Степашка знал цену употребленного напитка, то, скорее всего, сказал бы, что не

считает его в пятьдесят раз лучше весьма приличного коньяка по цене всего-навсего тридцать гривен.

- Привычка свыше нам дана, - сказал Феликс. – Вот сейчас коньяк выпили совсем не по правилам. Бокал надо сначала согреть в руке, чтобы напиток пропитался теплом твоего тела, и потом пить маленькими глоточками. Причем сначала надо держать влагу на языке, не глотать, а вдыхать пары, наслаждаться ароматом.

Подозреваемый сосед пододвинул поближе к Степану супермаркетовские деликатесы, приглашая не стесняться. Какое-то время ели молча. Степашка был рад молчанию. Появилась возможность подумать о плане дальнейших действий. Но в голову как-то ничего не приходило. И вдруг всплыла мысль: «А с чего я решил, что передо мной тот самый оборотень?! Собственно, единственная его броская примета – усы. Так что, ни у кого другого таких быть не может?» - эта мысль слегка разочаровывала, но больше успокаивала. «Не надо пороть горячку, - продолжал размышлять наш Шерлок Холмс. - Если это он, то зачем-то он меня разыскал и явился сюда, пусть сам раскроет зачем. Надо ему подыграть. Буду делать вид, что я ни о чем не догадываюсь. Скорее всего, это он. По всему чувствуется. Не боится он, видите ли! С такими талантами я б тоже не боялся. С другой стороны, может и не он вовсе… Ладно, хватит гадать. Поживем – увидим».

- Ну, обо мне, я так понял, вы наслышаны, а что о себе скажете, чем занимаетесь? – приступил к осторожному опросу подозреваемого Степашка.

- А я менеджер украинского отделения одной влиятельной зарубежной фирмы, - доставая из баночки красную икру и толстым слоем намазывая ее на горбушку белого хлеба, ответил Феликс.

- Чем же занимается ваша фирма?

- Чем придется, конечно, в рамках закона, - сделав ударение на словах «в рамках закона», отвечал Степашкин сосед. - Но в основном занимаемся внедрением информационных технологий, анализом социальных процессов, сбором информации, содействуем принятию управленческих решений, ну, и прочее.

- Да, знаю, это дело выгодное, на этом, говорят, миллиарды делают.

- Ну, миллиарды – это по части Билла Гейтса, у нас цели несколько иные, но тоже не жалуемся.

Феликс подлил немного коньяка в Степашкин стакан и столько же плеснул себе.

- Это заметно. Вон коньяк, наверное, гривен сто пятьдесят, а то и двести стоит, - продолжил разговор с подозреваемым Степашка.

- Обижаешь началнык, - с нарочитым акцентом лица кавказской национальности, сказал сосед. – Ошибся ты, понымаешь, раз в дэсят.

С этого момента разговор перешел на «ты».

- Да ну! – ахнул Степашка и добавил со вздохом, - нам так не жить.

- Конечно, не жить, - согласился Феликс. – Но только не жди, что я тебе сочувствовать буду. Не тем служишь, дорогой, потому сочувствия недостоин.

- Что значит: не тем служу?

- Служить ты должен закону и народу, а ты служишь конкретным лицам.

- Легко тебе рассуждать. «Каждый мнит себя героем, видя бой издалека».

- Да какой у тебя бой, так, мышиная возня. Вот скажи, какой у вас процент раскрываемости преступлений?

- Я статистикой не занимаюсь, но говорят – девяносто.

- Так то говорят, а на самом деле десяти нет, если учесть, сколько преступлений вообще не регистрируется, а, значит, никакой статистикой не учитывается. Вон в Германии, где полицию уважают, раскрывают пятьдесят процентов преступлений и считают, что это хорошо, потому что в среднем по Западной Европе не больше сорока. А у нас, где милицию никто не уважает, где блюстителей порядка мусорами называют – девяносто! Это ж курам на смех!

- А что ты на меня так насел, будто я в чем-то виноват. Чего ты от меня хочешь, чтоб я против ветра начал писать, так обмочиться можно. Это же система, против нее не попрешь.

- Что ж это за система такая несокрушимая? – иронично спросил Феликс.

- Я тебе расскажу. Вот тут недавно чистку в наших рядах устроили. Обвинили некоторых ментов и работников прокуратуры в том, что они оборотни в

погонах. А я не уверен, что те, кого из органов поперли, не есть как раз единственно честные. Может, мешали они кому-то, белыми воронами были, вот с ними под благовидным предлогом и расправились. Скажешь, не может такого быть?

- Наверное, может. Тебе лучше знать.

- Что вы все на органы бочку катите, каково общество, какая власть, такая и милиция: не лучше и не хуже. Кругом коррупция, взяточничество, казнокрадство, а у нас, значит, не будет. Мы что лысые или на луне живем?

- Так ты, что же, всё это приветствуешь и поддерживаешь? – желая выяснить отношение Степашки к сказанному, спросил Феликс.

- Да ничего я не приветствую и не поддерживаю. Только сделать ничего не могу. Один в поле не воин, - сказал Степашка и тяжело вздохнул.

- Интересное дело. С кем я ни говорю, все осуждают других и общество в целом. Каждый сам по себе вроде бы хороший, честный человек, во всяком случае, хотел бы, чтобы общество было не криминальным, воровским, а правовым. Но общество в целом никуда не годится. Парадокс!

- Точно, я тоже об этом думал, - подхватил Степашка. - И, знаешь, к чему пришел? Хорошие люди, объединяясь в коллективы и организации, перестают быть хорошими и начинают действовать не по законам добра и справедливости, а по совершенно иным законам толпы. В толпе надо выживать, надо плыть по течению, иначе тебя затопчут, самому тоже надо расталкивать локтями ближних, иначе они раздавят тебя; и если кто упал, то безжалостно, со всеми вместе надо топать по его голове.

- Сурово! – изрек Феликс.

- Да уж, суровей некуда, но такова наша жизнь. Я вот сегодня у одного министерского чиновника был. Навел о нем справки у киевских коллег. За ним шлейф тянется, ой да ну! Один только эпизод. На Западе до такого в жизни не додумались бы, но наши отморозки придумали: превращают бомжей, иногда детей беспризорных в калек. Они потом для них побираются, милостыню выпрашивают. Сердобольные люди видят, калека убогий – дают. Бизнес довольно прибыльный. Но просто так руки-ноги человеку не отрубишь, кровью истечет, так они привлекли

профессионалов, хирургов. И, как подозревают, один из главарей этого бизнеса этот самый чиновник, через него и привлекли хирургов-то.

А вот другой эпизод. С помощью этого чиновника организовали торговлю человеческими органами. Отправляют их за границу тамошним нуждающимся больным, надо думать, не бедным людям. Но дело не в том, что за границу нелегально отправляют, не в контрабанде суть. Это бы ничего, если бы органы у умерших людей брали, то есть, умерших, по собственной инициативе, а то ведь людям сначала помогают умереть. Понимаешь? Убивают, короче!

А ты вот спроси у меня теперь, что ж коллеги-то мои чиновника этого за задницу не берут?

Степашка оперся руками о стол и выжидательно уставился на соседа.

- Ну, спрашиваю: чего не берут?

- А руки коротки. Они ж понимают, что чиновник этот не один, он с другими делится, с теми, что повыше. Эти, что повыше, могут и не знать, с чего конкретно деньги имеют, но имеют. И, конечно же, костьми лягут, чтоб всё шито-крыто было.

У нас ведь как теперь, - продолжал Степашка, - каждый сверчок – знай свой шесток. Вот ты, к примеру, крупный бизнесмен, надо думать, у тебя связи, сам говоришь, деньги есть, и не только, чтобы адвоката нанять, но и взятку дать. Так вот ты мне не по зубам. Я с тобой свяжусь, а ты, может, моего начальника давно прикормил. Ты ему пару слов шепнул. Что со мной сделают, а?… Молчишь?!

Значит, чтобы такого зубра распотрошить одной-двух звездочек, больших я имею в виду, маловато будет, тут три нужны, а лучше одна, только совсем большая, генеральская… А что же нам, людям со скромными погонами делать остается? – сам себя спросил следователь. И с невеселой усмешкой ответил. - Бороться с низшими классами. С этими можно не церемониться. Унесла мать троих детей пару консервов со своего предприятия, что из того, что полгода ей зарплату или вовсе не платили или платили не полностью, по отношению к ней милиция строга, закон тверд и неумолим. В тюрьму ее! Соблазнился преподаватель принять подарочек гривен этак в пятьдесят – в СИЗО его, в суд! А скоро за коробку конфет и букет цветов сажать

будем. И пока мы с низшими героически боремся, высшие миллионы крадут и громче всех кричат: «Держи вора!».

Мы ведь как обычно думаем, беззаконие связано с отсутствием закона или его бездействием. Дудки, на самом деле самое большое беззаконие – в избирательном применении закона, когда для одних он суров и неотвратим, а для других мягок, почти незаметен. Вот это и есть самое большое беззаконие.

- Выходит безнадега сплошная? – грустно глядя на Степашку, спросил Феликс.

- Может и безнадега, а может, дождемся лучших времен. А пока материал на всех копим, снизу доверху, авось, пригодится когда-нибудь. Да мы и сами не спешим. Попал, например, на крючок какой-нибудь мелкий начинающий жулёк. Какой смысл его за жабры хватать? Разумнее дать ему подрасти, нагулять жирок, превратиться в матерого жульчару. Тут его и вытаскивай, за такого и награду можно получить или с него по крупному содрать. Правда, в этом деле меру нужно знать: ждать-то – ждать, но чтоб он не очень разжирел, а то уже не вытянешь, скорее он тебя на дно утянет.

Степашку понесло. Он уже не мог остановиться и выкладывал соседу, всё новые и новые факты неблагополучия среды, к которой сам принадлежал, всю накопившуюся за годы службы досаду и желчь. Юношеский идеализм говорил в нем. Вовсе, оказывается, он не умер, просто сидел, затаившись, в каком-то из уголков сознания и вдруг выскочил оттуда и в панике истерически закричал.

Степашкино сознание давно тяготело к раздвоению, с одной стороны, он вроде бы осуждал творившееся вокруг негодяйство, а с другой – руководствовался принципом «с волками жить – по-волчьи выть». Вот и сейчас, иронично рассказывая о пороках правоохранительной системы, он не сомневался в ее несокрушимости, неустранимости этих самых пороков и думал: «Зачем я это всё говорю, к чему, ради чего? Похоже, не я его раскрутил, а он меня».

Приведя в подтверждение мерзости системы очередной пример, Степашка вдруг расхохотался. Он живо представил, что говорит это не с глазу на глаз

постороннему человеку, а своему руководству. Он представил, как вытягиваются физиономии начальников, как топают они ногами и брызжут слюной.

- Картинка действительно презабавная, - неожиданно сказал сосед, присоединяясь к Степашкиному смеху.

Степашка округлыми глазами уставился на Феликса, а тот аж прослезился от смеха и вытирал слезы батистовым платком.

- Вот спасибо, вот позабавил, давно так не смеялся, - отойдя, наконец, от смеха поблагодарил Бегемот. (У автора уже нет оснований скрывать под именем Феликса нашего главного героя).

Он хлопнул Степашку по плечу и, ничего не разъясняя, сказал:

- А ведь в рассказе твоем есть противоречие: система насквозь гнилая, начальники твои, сам видишь, смешны, а ты считаешь ее несокрушимой и думаешь, что за ними сила.

Степашка, отнюдь не лишенный ума, да еще обострившийего высококлассным коньяком, уже не сомневался, кто перед ним.

- Так значит ты…, - начал было сыщик, но Бегемот его прервал.

- Совершенно верно. Я тот, кого ты надумал изловить. Только не знаешь как. Вернее как раз знаешь, что я тебе не по зубам. Да ты брось, не огорчайся, я и генералам твоим не по зубам. Если хочешь, проверь.

- Как же я проверю?

- Да хоть как. Всё разрешаю. Обещаю – без обид!

Ободренный Степашка залез во внутренний карман пиджака, который висел на спинке стула и извлек из него табельное оружие.

- Руки вверх, - театрально произнес он, наведя пистолет на Бегемота.

- А я вот не подниму, - отвечал Бегемот и демонстративно скрестил руки на пузе.

- Вверх, говорю! Стрелять буду! – сжимая рукоятку пистолета, грозно сказал Степашка.

- Из чего стрелять, мил человек? – сочувственно поинтересовался Бегемот.

И тут только Степашка почувствовал, как сталь пистолета поплыла в его ладони. Он перевел взгляд на ствол и ужаснулся: вместо грозного оружия в руке он лихорадочно сжимал пистолетик из пластилина. Степашка чуть не заплакал, в сердцах швырнул пистолетик в сторону. Он шмякнулся о стену и прилип к ней.

- Видишь?! - назидательно сказал Бегемот. - Кишка у тебя тонка, чтобы меня поймать. Да и зачем тебе это? Давай лучше дружить. Чем-то ты мне понравился. Поверь, со мной большего добьешься, чем с прощелыгами начальниками твоими.

- Ты мне, что же, сделку с дьяволом предлагаешь?

- Сделку… с дьяволом!… Только не бойся, душу закладывать не надо. Может наоборот, спасешь ее.

Бегемот достал сигарету, не спеша, закурил, и начал объяснять Степашке, в чем заключается их сделка, что он ему предлагает и что хочет получить взамен.

Потребовал он от Степашки смело поступать по совести и справедливости, только поступать так не избирательно, когда это безопасно и выгодно, а всегда, без всяких исключений. А еще не озлобляться, не считать всех преступниками.

При этом условии он обещал ему свою поддержку.

- А какая будет награда? – предусмотрительно поинтересовался Степашка, который в школе читал гетевского «Фауста» и знал, что сделки с дьяволом приносят большие дивиденды.

- А в том и будет - перестанешь бояться писать против ветра!

Степашка, не долго думая, протянул Бегемоту руку.

- Руки хватит или кровью расписываться надо?

- Конечно, хватит, - успокоил Бегемот. – Договоры, скрепленные кровью, ушли в прошлое, хотя лично мне жаль былую романтику. Но век не тот. Прогресс диктует новые формы работы. Можно было бы на компьютере текстик набрать, но, думаю, и это лишнее. Я тебе и так верю.

А пистолет свой забери. Да следи за ним. Он теперь особенный - без промаха бьет.

Тут же пластилин обрел прежнюю металлическую форму, и пистолет тяжело брякнулся на палас. Степашка поднял его и первым делом посмотрел на номер. Всё в порядке, пистолет был его: БП – 33.

Бегемот объяснил, что из этого оружия можно поразить любую цель, на любом расстоянии, если она даже невидима. И для этого чуда достаточно простого усилия мысли.

- Давай, пробуй, – предложил он Степашке.

Степашка подошел к окну, пытаясь открыть его.

- Не надо, - остановил его Бегемот, - стекло не помешает.

Степашка направил дуло пистолета в сторону окна и нажал на курок.

За окном (этого не было видно, но отчетливо было слышно) на столбе вдребезги разлетелся фонарь. Оконное стекло осталось невредимым.

ГЛАВА 10

Сон Бегемота.

Ранним весенним утром второго года сто одиннадцатой Олимпиады, когда солнце еще не поднялось над крышами домов, Бегемот стоял на мощеной булыжниками улице Коринфа и со всей силы колотил кулаком в массивную деревянную дверь двухэтажного дома. Никакого движения за дверью не было, Бегемот развернулся спиной к двери и стал усердно прикладываться к ней подошвами своих башмаков. Наконец, за дверью послышались шаги, резко клацнула замочная задвижка, дверь приоткрылась. На пороге стоял смуглый мужчина в наброшенном на плечо экзомисе*. (*Экзомис – обычная одежда рабов в древней Греции, состоявшая из куска прямой грубой ткани, скрепленной на талии и левом плече тесьмой).

- Твой хозяин дома? – спросил Бегемот.

- Хозяин-то дома, но будить его никак нельзя, - зевая, отвечал слуга. – Мы вчера весь день были в дороге, только вечером добрались сюда. Хозяин спит.

- А ты, болван, хоть знаешь, с кем разговариваешь? – напустился на слугу Бегемот. – Пропусти меня в дом и немедленно буди хозяина, скажи, что к нему Гиппопотамус.

Бегемот бесцеремонно оттолкнул раба и протиснулся в дверь.

- Гиппопотамус. Какой еще Гиппопотамус? – бурчал слуга, провожая гостя во внутренний дворик.

В центре небольшого квадратного дворика тлел очаг. По периметру дворика возвышались цветочные клумбы, огражденные бутовым бордюром. Утро было прохладным, и Бегемот подбросил пару поленьев в костер. Рядом с очагом лежала циновка, плетенная из тростника. Бегемот подхватил ее и стал размахивать ею над углями. Вспыхнули и весело запрыгали язычки пламени. Бегемот бросил циновку на пол и улегся на нее.

Дворик не имел крыши, вместо нее нависала ажурная деревянная решетка, увитая диким виноградом. Бегемот лег на спину, подложив под голову руки, и уставился в живой потолок. Минут пятнадцать, может быть, двадцать, Бегемот прохлаждался на циновке, ожидая хозяина. Не было ни хозяина, ни его раба. Бегемот уже подумывал пуститься на поиски, когда услышал знакомый слегка шепелявый голос Аристотеля.

- Дружище Гиппопотамус! Как я рад тебя видеть. Это сколько же мы с тобой не виделись? Наверное, год, не меньше. Ты ж был у меня сразу после моего возвращения в Афины. Как раз год назад.

Хозяин босой шел навстречу Бегемоту, широко расставив руки для объятий.

- Послушай, а как же ты меня нашел? Я ведь только вчера приехал… Ах, что же это я, спрашиваю у демона, как он меня нашел.

Аристотель улыбался, его маленькие глаза светились неподдельной радостью.

- Найти не проблема, лучше спроси, мой дорогой, зачем я тебя нашел.

- Так зачем же? Хотя, как-то неудобно задавать такой вопрос, ведь мы друзья, причем питающие дружбу в соответствии с достоинствами друг друга, а значит, дружба наша крепка и постоянна. Ты ведь согласен, что дружба это самое необходимое в жизни? Ведь никто не пожелает себе жизни без друзей, даже если бы

имел все остальные блага. Друзья же приходят без поводов и предупреждений, лишь потому, что им в радость общение.

- Конечно, я спешил сюда ради удовольствия общения с тобой, но не только. Я пришел напомнить тебе, что завтра твой юбилей. Пятьдесят – это не шутка. Это надо достойно отметить.

- Ты помнишь о моем дне рождения?! Как я благодарен тебе, - философ растрогался, голос его слегка задрожал, и он еще крепче прижал к себе Бегемота. – А я, вот видишь, вынужден встречать свой юбилей далеко от дома.

- Что ж тебя погнало в такое время в Коринф? – задал вопрос Бегемот, усаживаясь вместе с хозяином на деревянную скамью. – Уверен, что твои ученики в Афинах огорчены твоим отъездом.

- Ты, наверное, знаешь, что после убийства друга моего, друга моего детства Филиппа* (*Филипп II – царь Македонии, отец Александра Македонского) по всей Греции вспыхнули восстания против Македонии. Юный царь Александр отправился на их подавление. Его войска стоят уже у ворот Коринфа. Я хочу встретить Александра здесь, пока он не пришел с огнем и мечом в Афины. Я хочу убедить его, что в походе на Афины нет необходимости: антимакедонская партия при первых слухах о его успехах разбежалась, и со стороны Афин монархии ничего не грозит.

- Не сомневаюсь, что тебе это удастся, в конце концов, Александр многим тебе обязан как своему учителю.

- Я не стал бы питать особых надежд на его благодарность к учителю. Когда он стал царем, наши отношения изменились, он уже не видит во мне наставника. Кстати, заметив эту перемену, я и покинул царский двор: люди, облеченные властью, обычно чувствуют неловкость, когда под ногами мешаются их бывшие учителя. Нельзя, однако, не отдать должное Александру: он выделил очень большую сумму на организацию моей школы в Афинах, моего лицея. В общем, я рассчитываю не на личные связи, а на взаимное понимание. Надеюсь, что Александр не жаждет мести. Если я смогу убедить его в лояльности афинян, он не станет понапрасну проливать кровь, разрушать великий город.

- Так оно и будет, мой благородный друг, - уверенно заявил Бегемот. - А когда ты собираешься отправиться к Александру?

- Рассчитываю выехать сразу после обеда. Буду рад, если ты присоединишься ко мне.

- Несомненно, тем более что мне хочется познакомиться с молодым царем, я ведь говорил тебе еще давно, что его ждет великое будущее.

- Да, приятно сознавать, что мой ученик достигнет таких высот. Жаль только – не благодаря моей науке. Я хотел воплотить в нем мечту своего учителя, великого Платона, который говорил, что цари должны философствовать, а философы царствовать. Только потом я понял, что это не более, чем фантазия.

Ну, да будет об этом. Ты, наверное, голоден? Я велю приготовить нам завтрак. Благодарение богам, что мы можем позволить себе есть, когда хотим, - удовлетворенно заметил философ и, иронично улыбаясь, добавил. - Это я вспомнил этого лоботряса Диогена, он на вопрос, когда следует вкушать пищу, отвечал, что если есть деньги, то когда хочешь, а если нет, то когда представится возможность.

- Знаю, знаю этого циника. Ни о ком доброго слова не скажет. Кстати, и о тебе за глаза дурно отзывается.

- За глаза? Это на здоровье, это как ему заблагорассудится. За глаза я разрешаю ему даже побить меня, - сострил Аристотель.

- А теперь идем ко мне, очень хочу услышать твой рассказ, что с тобой произошло за этот год.

Друзья поднялись по деревянной лестнице на второй этаж и уединились в покоях хозяина.

- Мы не виделись с тобой ровно год, - начал свой рассказ Бегемот. - Когда я был у тебя в последний раз, шел первый год 111 Олимпиады, а в будущем, из которого я тогда явился, был уже 1903 год после Рождества Христова.

- Как же, помню, ты мне рассказывал об этом полубоге, получеловеке, - перебил Бегемота Аристотель. – Я, правда, так и не понял, зачем ему потребовалось страдать за неблагодарных людей. Мало ему примера Прометея. Так тот хоть не

напрасно мучился, по крайней мере людям огонь подарил. А этот, насколько я могу судить, кроме своих заветов, по которым никто не живет, ничего не оставил.

- Ну, оставил или не оставил – это особый разговор, вам, язычникам, до христианских святынь так же далеко, как до Луны. Поговорим о другом.

Бегемот удобно разместился на мягких подушках деревянного кресла и продолжал:

- За тот год, что мы с тобой не виделись, там, где я был, прошло ровно сто лет. Минул XX век, человечество вступило в третье тысячелетие. Прошедший XX век был удивителен и страшен: ученые изобрели замечательные машины, летательные и даже космические корабли, с их помощью люди полетели в космос и даже высадились на Луне. Они смогли расщепить атом, который Демокрит считал неделимым, и получить колоссальный, неисчерпаемый источник энергии. Они проникли в тайны наследственности, теперь в пробирке могут выращивать даже людей. Жил бы ты в их время, они смогли бы размножить тебя во многих копиях. Представляешь?! Вокруг тебя сотня двойников, таких же, как ты, по внешнему виду, а возможно, таких же гениальных!

Но те же ученые придумали оружие, которое несколько раз может уничтожить всё живое на Земле. Вместе с величайшими достижениями культуры XX век принес человечеству неисчислимые страдания, ранее невиданные испытания. Кровавые революции и гражданские войны, две мировые войны, в которых погибли десятки миллионов людей; жестокие репрессии, межнациональные конфликты, разгул преступности – всё это пошатнуло веру в могущество человеческого разума, в прогресс, в неминуемость торжества добра над злом.

Распалась последняя империя, занимавшая шестую часть земли, но теперь, похоже, утверждается новая заокеанская держава, которая всему миру хочет навязать свой порядок и свою волю. Люди достигли величайшего прогресса в науке и технике, но их прогресс связан исключительно с совершенствованием вещей, души же их не только не совершенствовались, но, наоборот, развращались и деградировали. Человек XX века продемонстрировал исключительную, ни с чем не сравнимую агрессивность по отношению к себе подобным. И никакие религиозные,

философские или политические системы не смогли удержать его от насилия, мучительства и убийства.

Бегемот встал и начал расхаживать по комнате, продолжая живописать нашу действительность.

- Трагические события XX века многих заставили усомниться в правильности пути, по которому идет человечество, поставили под вопрос само существование цивилизации; более того – они породили идею, что появление человека есть трагическая ошибка, совершенная Богом или природой, что человек – это смертельно опасная опухоль на теле Земли. Большие надежды породили большие разочарования.

Долго и подробно рассказывал Бегемот Стагириту о нашем с тобой, читатель, мире и времени. И чем больше рассказывал, тем печальнее становился великий мыслитель, тем беспокойнее был его взгляд, а на лице появилась и не исчезала какая-то мученическая улыбка.

Во время рассказа всё тот же раб дважды приносил им еду: завтрак и обед**.** Но ел с неизменным аппетитом только Бегемот, Аристотелю кусок не лез в горло. Стагирит был внимательным слушателем, только дважды он прерывал рассказчика, желая что-то уточнить. Но слушал он в крайнем беспокойстве, не находя себе места: нервно дергал головой, поминутно отбрасывал рукой свисавшую на лоб прядь волос, забрасывал ногу на ногу и видом своим напоминал нахохлившегося воробья, только что искупавшегося в пыли. Даже его обычно аккуратно подстриженная бородка была взлохмачена. Когда же Бегемот окончил свой рассказ, философ воскликнул:

- Как же так?! Люди достигли таких немыслимых высот, боги сегодня не имеют того, что создали они. И при этом люди не стали ни на мизинец добрее, благороднее и чище. Всё тот же разбой, та же алчность, то же стремление чужими руками таскать каштаны из огня, то же неуважение к человеку, если он слабее тебя, та же продажность и подлость. Жестокостью человек превзошел дикого зверя. А я думал, что в будущем восторжествуют разум и добродетель. Как, оказывается, я ошибался!

- Да, поменялись одежды, - кивнул Бегемот, - человек остался тем же двуногим животным без перьев.

- Но почему? У них за плечами тысячелетний опыт. У них есть великие примеры благородства: наш Сократ, ваш Иисус. Ваш школяр знает в сто раз больше меня. Так почему же?! – Аристотель растерянно глядел на Бегемота.

Бегемот развел руками:

- Что я могу ответить? Разве что напомнить тебе твои же слова: «Кто движется вперед в знании, но отстает в нравственности, тот больше идет назад, чем вперед».

Но подошло время, когда надо было отправляться на встречу с царем Македонии.

Стагирит, который был очень щепетилен в одежде, любил пофорсить, оделся на этот раз более чем скромно и даже небрежно. На нем был не первой свежести белый короткий плащ, и на своих тонких ногах выглядел он в нем как ощипанный петух. Не лучшую одежду он предложил и другу Гиппопотамусу. Волосы Аристотеля всегда аккуратно, можно даже сказать, педантично уложенные, находились в полнейшем беспорядке. Весь вид ученого, казалось, говорил: произошло что-то из ряда вон выходящее.

Вот ведь как повлиял на человека рассказ о нашей современной жизни.

Взяв двух лошадей, Аристотель с Бегемотом отправились в стан Александра. Ехать пришлось недолго, лагерь будущего покорителя мира действительно располагался почти у самых городских ворот.

Стагирит объяснил первым встретившим их воинам, кто он, и просил провести к палатке вождя. Походный шатер Александра мало отличался от остальных, только вокруг него стояла грозная стража. Когда наши герои приблизились к царскому шатру, из него вышли какие-то люди. Бегемот понял по их разговору, что это были члены синедриона, законодательного органа Коринфского союза, созданного Филиппом II и призванного уберечь греческие полисы от братоубийственных войн и междоусобных распрей.

Бегемот и Аристотель в сопровождении стражников вошли в походное жилище полководца. Александр приветливо улыбаясь, поднялся навстречу Аристотелю.

- Не ожидал тебя здесь увидеть, мой дорогой учитель. Думал, встретимся в Афинах.

- Аристотель, сын Никомаха, приветствует тебя, великий повелитель! - торжественно обратился к Александру философ.

Юноша (а Александру шел двадцать первый год) вовсе расплылся в самодовольной улыбке. Чувствовалось, что ему очень приятно было услышать слова «великий повелитель», сказанные в его адрес. Тщеславие говорило в нем, и он не находил нужным его скрывать. Он был красив, как молодой бог: белизну кожи подчеркивали и оттеняли темные курчавые волосы, развивающиеся надо лбом, они придавали его облику нечто львиное; сверкающий взгляд глубоко посаженных глаз и резко очерченный прямой нос сочетались с чувственными губами. Потомок Геракла* не обладал мощью своего предка, хотя был далеко не слаб физически, а такой недостаток, как немного искривленные плечи и шея, не бросался в глаза. (*Родоначальником царской династии Аргеадов, к которой принадлежал Александр Великий, по преданию был Геракл, поэтому членов династии называли Гераклидами).

Аристотель представил Гиппопотамуса как своего друга, иноземца, странствующего по Элладе. Александр задал Бегемоту несколько вопросов и был весьма удовлетворен ответами и тем любезным тоном, с которым разговаривал с ним «иноземец». Понравилось царю и то, что собеседник свободно говорил на македонском языке, который хотя и был родственным греческому, но всё же отличался от него. Сам же Александр неизменно очаровывал всех даже после самой краткой беседы; благоприятное впечатление произвел молодой властелин и на Бегемота, поэтому вполне искренне он ввернул в разговоре, что на Александре лежит печать милости богов, и тем окончательно расположил к себе царя.

Потом Александр выслушал просьбу Аристотеля и, как предрекал Бегемот, удовлетворил ее. Правда, сказал, что надо передать афинянам, пусть молят богов за

Аристотеля, потому что если бы не он, их защитник, то не миновать им жестокой кары. В устах властительного македонца это не было пустой угрозой, весь греческий мир был потрясен недавней расправой с мятежными Фивами. Шесть тысяч граждан Фив были убиты, немногим удалось бежать, остальные были проданы в рабство, а город почти полностью разрушен.

- Пусть высылают своих послов с просьбой о мире и обязательством верности, - такими словами заключил беседу о судьбе Афин «великий повелитель».

- Ну, бог с ними, с Афинами, скажи-ка лучше, мой бывший наставник, что может меня позабавить в Коринфе. Что бы ты советовал мне посмотреть.

- Вообще здесь немного достопримечательностей. Конечно, следует побывать в храме Аполлона. Но более всего я рекомендовал бы тебе побеседовать с одним философом, он самая большая невидаль Коринфа. Звать его Диоген.

- Это не тот чудак, что живет в бочке?

- Тот самый, только в чудачествах его есть глубокий смысл.

- Уговорил. Немедленно едем к нему!

Александр распорядился, чтобы выяснили, где можно найти бездомного философа. Вскоре один из стражников доложил, что он с учениками находится в гимнасии.* (*Гимнасий – место, отводимое в греческих городах для физических упражнений, а также используемое для философских и политических дебатов).

Отряд охранников и друзей Александра, а с ними Стагирит и Бегемот, поднимая клубы пыли, поскакали по известковому кряжу к Коринфскому заливу. Агема, группа царских телохранителей, грозно поблескивая коваными панцирями, мечами и металлическими шлемами, скакала с боков и сзади своего царя. Только лучший друг, молочный брат Клит, находился рядом, остальные, в числе которых были Бегемот с Аристотелем, замыкали кавалькаду.

Полупустынная местность сменилась оазисом – чудесной кипарисовой рощей, на лужайках которой атлеты занимались физическими упражнениями. Это и был известный гимнасий - Крания.

На значительном расстоянии от основной массы атлетов, у трех кипарисов, пронзающих небо своими стволами, похожими на наконечники длинных копий

македонских пехотинцев, на траве вокруг импозантного старца сидели и лежали молодые люди. Их было немного, человек пятнадцать, не больше.

Старцу было на вид семьдесят лет, о его почтенном возрасте можно было догадываться по седым клочьям волос, торчащим в разные стороны, и глубоким морщинам на лице. Но тело его, отливающее бронзовым загаром, было еще молодо; упругим мышцам могли позавидовать и некоторые атлеты, тренировавшиеся здесь в гимнасии. Торс старца прикрывала набедренная повязка. Длинный убогий плащ – хламида, которую он надевал на голое тело, валялся рядом, здесь же лежала дырявая шляпа, котомка странника и палка, служившая посохом.

Всадники приблизились и окружили философа и его учеников. Аристотель подъехал к Александру и вполголоса сказал, указывая на старца: «Это он».

Если бы читатель мог видеть героев этой повести, то он поразился бы внешним сходством Диогена с одним из пациентов палаты № 6, а именно с Семенычем, философствующим алкоголиком. Лицо – один к одному, только заметно старше, те же лохматые волосы, только седые, цвет глаз – и тот совпадал. Вот, правда, комплекцией Семеныч существенно уступал Диогену.

Люди, окруженные воинами, делали вид, что не замечают их. Они смотрели на человека, который, размахивая руками, продолжал ранее начатый спор.

- Вот, что я вам скажу, собачьи дети. Движенья нет! Так учит величайший философ Зенон Элейский.

- Как это нет? – откликнулось сразу несколько слушателей.

- А вот посмотрите, - оратор подхватил палку Диогена и начертил в воздухе полукруг. – Представьте, что это траектория летящей стрелы.

Говорящий ткнул палкой в предполагаемую траекторию и задержал посох навесу.

- Теперь скажите мне: в этой конкретной точке в данный момент времени, что происходит со стрелой – она движется или покоится.

- Покоится, - последовал чей-то робкий ответ.

- А в этой точке? – ученик Зенона переместил палку в другое место начертанной ранее траектории.

- Тоже покоится, - послышалось уже несколько более уверенных голосов.
- А в этой? - повторил свой жест спорящий.
- И в этой тоже.
- Но ведь таких точек на траектории летящий стрелы бесконечное множество, и если во всех них она только покоится, то возникает вопрос: где же и когда же она движется?! – торжественно провозгласил последователь Зенона и свысока посмотрел на Диогена. – Что скажешь Диоген, можешь ли ты возразить?

Ни слова не говоря, могучий старик поднялся и стал прохаживаться с гордо поднятой головой взад и вперед перед носом своего оппонента. Наблюдавшие эту картину поняли полный смысла бессловесный ответ. Они засмеялись, послышались одобрительные выкрики. Противник был повержен и стоял в растерянности. Александр с Аристотелем тоже одобрительно ухмылялись. А Бегемот громко закричал: «Браво, молодец, старик!»

Но Диоген тем временем обратился к своим ученикам: «Ну, что скажите, я всем доказал, что движенье есть?» Те не спешили с ответом. Только один вскочил и начал вопить: «О да, учитель! Ты как нельзя умно ответил этому софисту. Кто теперь может сомневаться, что движение существует?!» Однако Диоген вырвал свой посох из рук отрицающего движение софиста и набросился на своего ученика со словами: «Доводы разума должны опровергаться доводами разума, а не каким-то там хождением!» Незадачливый ученик пустился наутек. Все покатились со смеху. А Бегемот даже свалился с лошади.

Пока бурлило веселье, Бегемот прошептал на ухо Стагириту: «Через две с лишним тысячи лет один великий поэт так опишет этот случай:

«Движенья нет, сказал мудрец брадатый.
Другой смолчал и стал пред ним ходить.
Сильнее бы не мог он возразить;
Хвалили все ответ замысловатый.
Но, господа, забавный случай сей
Другой пример на память мне приводит:
Ведь каждый день пред нами солнце ходит,

Однако ж прав упрямый Галилей».

- Прекрасно, - тихо отвечал Аристотель. - Радует, что через столько лет люди еще будут помнить философов Эллады. Может быть и меня тоже?

- Тебя даже прежде остальных…

Когда веселье улеглось, Александр направил своего коня к Диогену, подбоченившись, но, не слезая с коня, он с мальчишеским гонором сказал:

- Я – великий царь Александр Македонский!

Диоген поднял голову и не менее заносчиво ответил:

- А я – собака Диоген.

- Почему тебя так зовут? Как угораздило рожденного Зевсом* стать собакой? (* Имя Диоген означает «рожденный Зевсом»).

- Кто бросит кусок, тому виляю, кто не бросит – облаиваю, а кто злой человек – того кусаю.

- И ты не боишься меня?

- А что ты такое, зло или добро?

- Добро, - задумавшись на мгновенье, отвечал Александр.

- Кто же боится добра?

- Резонно! Значит, не боишься? Тогда скажи, что ты делал, когда мой отец Филипп шел войной на Коринф? Не был ли ты среди тех, кто звал к сопротивлению, кто подстрекал людей выступить против него? – царь с напускной суровостью допрашивал Диогена.

- Нет, но я тоже не бездельничал.

- Чем же ты занимался?

- Я катал свою бочку.

- Зачем, безумец!?

- Стыдно сидеть сложа руки, когда все воодушевлены патриотическими чувствами, - с явной иронией отвечал философ.

- Тогда почему ты не взял оружия и не пошел со всеми защищать свою родину? Ах, да. Я забыл, ты ведь родом из Синопы.

- В Синопе я появился на свет, но моя родина не она, а весь мир. Я гражданин мира!

- Космополит, значит! Скажи, космополит, а почему ты поселился в Коринфе?

- А где еще за один дневной час я мог бы пройтись от моря до моря, а за два часа перекатить свой пифос* от Ионии до Эгеи. (*Пифос - большой глиняный сосуд для хранения зерна или вина. Диогену такой пифос служил жилищем)

- Я слышал, жители Синопы осудили тебя скитаться.

- Мы квиты, я осудил их оставаться на месте, - презрительно усмехаясь, ответил Диоген.

- Говорят, ты великий философ. Но если ты такой великий, почему ты такой бедный?

- Потому что живу подаянием, но люди охотно помогают калекам, но не подают мудрецам.

- Отчего такая несправедливость? – продолжал допытываться Александр.

- Оттого, что они знают: слепыми и хромыми они могут стать по воле судьбы, а вот мудрыми – никогда.

- Ты странный попрошайка. Говорят, ты просил милостыню у статуи?

- Это единственно затем, чтобы приучить себя к отказам.

- А еще рассказывают, что ты днем ходишь с фонарем. Что за чудачество – бродить днем с огнем?

- Вовсе нет, я был занят серьезным делом. Я искал человека, понимаешь, человека, а не негодяя.

- И что же, нашел?

- Пока не довелось, но кто ищет – тот находит!

- Что ж такого плохого в людях, что трудно средь них найти человека? – спросил царь.

- А вот посмотри. Видишь тех спортсменов? Они соревнуются, кто кого столкнет в канаву. А видел ли ты людей, соревнующихся в искусстве быть прекрасными и добрыми?

- Утверждают, что ты презираешь земные блага, что тебе чуждо наслаждение. Но если ты не стремишься к удовольствиям, не жаждешь славы, не хочешь богатства и власти, тогда зачем ты живешь?

Сначала разговор с философом всего лишь забавлял Александра. Теперь же в голосе его чувствовалась серьезность и живой интерес.

- Ты ошибаешься, считая меня аскетом, которому чуждо наслаждение. Само презрение к наслаждению, благодаря привычке, стало для меня высшим наслаждением; и как люди, привыкшие к жизни, полной удовольствий, страдают в иной доле, так я, приучивший себя к этой доле, с наслаждением презираю само наслаждение! - гордо глядя на царя, уверенно произнес Диоген. - Твои символы веры: богатство, слава, власть. А для меня это всего лишь прикрасы порока, потому что достигаются они вернее всего убийствами, насилием, вероломством, предательством и обманом.

Когда-то давно, еще в молодости, я спросил Дельфийского оракула, что делать, чтобы прожить жизнь достойно. «Переоцени ценности!» - изрек оракул.

Для большинства ценности – это деньги, роскошные вещи, изысканные яства, услужливые рабы, искусные в делах любви наложницы и куртизанки. Для многих пределом мечтаний являются знатность, слава и власть. Но разве глоток чистой воды и корка хлеба голодному и жаждущему не приносят большее наслаждение, чем обжоре очередное лакомство и самое дорогое вино?!

А что лучше: искусная, но продажная любовь диктериады* или чистая и свободная любовь, которая не стоит ничего?! (*Греческие куртизанки делились на три рода: диктериады – уличные проститутки и проститутки публичных домов; авлетриды – танцовщицы и флейтистки, промышлявшие на дому; и гетеры – изящные женщины полусвета, отличавшиеся умом, образованностью и оказывавшие немалое влияние на политическую жизнь).

И, наконец, что стоит вся людская мишура по сравнению с этой благоухающей рощей (ты чувствуешь, как воздух напоен ее ароматом?), с этим бездонным небом, с ласкающим взор и умиротворяющим душу закатом солнца, с пенистым прибоем, омывающим песчаный берег, с лазурным морем, которым можно любоваться

бесконечно?! Но за мишуру люди готовы платить таланты и статеры*, а самые драгоценные вещи не стоят ничего…, потому что они бесценны! (*Талант – мера серебра, равная 26,2 кг. *Статер – золотая монета).

- До чего убедителен, каналья, - воскликнул Аристотель. – Особенно в том месте, где клеймит продажную любовь. Но не ты ли прилюдно занимался любовью с Лаисой, самой красивой, самой капризной и самой дорогостоящей гетерой Коринфа?

- Эк, как задели тебя мои слова, разумник Аристотель. Не потому ли, что ты безумно влюбился и сделал единственной наследницей своей наложницу, бывшую гетеру Герпилиду. Ты, я слышал, приносил ей такие дары, какие афиняне в здравом уме не жертвовали самой Деметре*. (*Деметра - в древнегреческой мифологии богиня плодородия, покровительница земледельцев).

Что же до Лаисы, то в жизни я не заплатил ей ни обола*. (Обол – в древней Греции мелкая медная монета, равная 1/6 драхмы). А за одну только ночь, - Диоген торжествующе рассмеялся, - она запросила с болтуна Демосфена десять тысяч драхм*. (*Драхма – в древней Греции распространенная серебряная монета). И он бы дал, клянусь собакой, дал, если бы имел такие деньги.

Александр злорадно усмехнулся, когда Диоген нелестно отозвался о Демосфене*. Главу антимакедонской партии он считал опасным демагогом и предателем. (*Демосфен был признанным лидером противников господства Македонии. Ради борьбы с Филиппом II, а потом и с Александром пошел на союз с давним врагом Эллады – Персией и даже получил от нее значительные средства на организацию этой борьбы).

Аристотель же, слывший воплощением самообладания и невозмутимости, не смог сдержаться и едко парировал выпад Диогена:

- Моя любовь, с кем бы я ни был, никогда не была скотской (в отличие от некоторых я не рукоблудил на глазах у толпы). Моя любовь была не простым совокуплением, но служила возвышению духа, служила философии.

- Моя тоже служила философии, только я, как и Сократ, не платил и тем более не брал денег за философию, как не брал их за масло, в котором купался.*

(*Злые языки утверждали, что Аристотель столь жаден, что перепродавал масло, в котором купался).

- Наверное, это потому, что купаться в масле тебе не по карману.

Пока два философа обменивались колкостями, Александр спешился и сделал шаг к Диогену, теперь они стояли рядом, даже ближе, чем на расстоянии вытянутой руки. Пальцы ближайших охранников сжали рукоятки мечей.

- Послушай, Диоген, ты, я вижу, мудрый и проницательный человек. Что ты можешь сказать обо мне?

Философ ответил не сразу. Какое-то время он смотрел на Александра испытующим взглядом.

- Когда я вижу тебя, мне кажется, что человек – самое разумное из существ, но боюсь – ты забудешь, что ты человек.

Царь задумался, впав на недолгое время в какое-то оцепенение, а потом спросил:

- Что бы ты мне пожелал, мудрец?

- Parcite nimium procedere.* (Берегись заходить далеко).

Александр Македонский, который через несколько лет объявит себя богом, который поведет свои непобедимые фаланги на край земли, опять застыл в размышлениях, пристально вглядываясь в лицо Диогена.

- Скажи, чего ты хочешь, немного есть такого, чем я не мог бы наградить тебя.

Мудрец посмотрел на великого царя глазами, полными печали и жалости, и сказал:

- Отойди, не заслоняй мне солнца.

Какая неслыханная дерзость! Охрана готова была изрубить наглеца на куски. Но приказа не последовало. Напротив, молодой царь засмеялся. Одной рукой опершись на копье, он резким движением вскочил на спину вороного жеребца с белой звездой на лбу. Буцефал, самый знаменитый в истории конь, поднялся на дыбы и помчался прочь.

Клит первый догнал своего друга и повелителя. Какое-то время они мчались бешеным галопом. Потом Александр придержал коня, они поехали шагом, давая возможность остальным нагнать их.

Наблюдая за молодыми людьми, чем-то похожими друг на друга, казавшимися сросшимися со своими лошадьми, превратившимися в мифических кентавров, Бегемот не удержался от горького замечания: «Жаль их: один спасет своего царя от неминуемой смерти, но будет им же в порыве гнева убит, а другой ненамного переживет своего убиенного друга».

Но Аристотель, которому были сказаны эти слова, не расслышал их, а Бегемот не стал их повторять.

Когда Бегемот и Аристотель приблизились к ним вплотную, Александр громко и четко произнес, как будто желая увековечить эту мысль: «Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном»…

Казалось бы, трудно найти столь непохожих друг на друга людей, однако у них было нечто общее: железная воля и всепоглощающая страсть. Александру Великому, чтобы удовлетворить свое стремление к счастью и славе, потребовалось разрушать города и завоевывать государства, а Диогену для того же хватило бочки, сделавшей его не менее знаменитым.

Четыре года Александр находился в учении у Аристотеля, который уже тогда был известным философом, но еще был далек от своей посмертной славы. Конечно, он оказал огромное влияние на формирование мировоззрения будущего властелина мира. И только раз или два встречался Александр с Диогеном, но между ними образовалась незримая связь. От тех нравственных идеалов и жизненных принципов, которые стремился привить ему Стагирит, Александр со временем всё более отступал. Но тот пример ниспровержения традиций и ценностей, пример абсолютной свободы духа, который дал ему Диоген, с годами не только не стирался в его сознании, а, напротив, притягивал всё больше и больше.

Разговор с Диогеном произвел сильное впечатление не только на Александра, но и на Бегемота. Желая показать, что он тоже не лыком шит, Бегемот в присутствии царя и Стагирита вдался в следующие рассуждения:

- Человек обычно отказывается от наслаждения по трем причинам: либо считает, что усилия, направленные на его достижение, того не стоят; либо страшится страданий, которыми оно может обернуться; либо рассчитывает через отказ от сегодняшнего удовольствия получить в будущем еще большее. Много ли тех, кто избегает наслаждений по каким-то другим причинам? Немного! Сегодня мы увидели одного из них.

Однако ни Александр, ни Аристотель не расположены были продолжать эту тему. Разговор перешел на вещи более прозаические.

Александр предложил отпраздновать день рождения своего учителя у известного богача Мидия, который намеревался устроить пир в его честь.

- Я еще не принял приглашения, но теперь думаю принять, - сказал царь, - коль появился такой замечательный повод.

Договорились на другой день встретиться на торжестве у Мидия.

Сны, как каждый знает по собственному опыту, не отличаются особенной последовательностью. Пир у Мидия не нашел своего места в сновидениях Бегемота. Однако история позволяет автору утверждать, что на пиру присутствовал Диоген. История даже сохранила забавный эпизод, о котором мне хотелось бы рассказать читателям.

Богач Мидий, встречая Диогена, который пришел задолго до остальных, вертелся вокруг оборванца без определенного места жительства, терроризируя его своими предупреждениями: «Сюда не наступай, здесь дорогой персидский ковер, можешь запачкать; будь осторожен, не урони драгоценную этрусскую вазу; поставь на место статуэтку из Египта, она стоит бешеные деньги».

Диоген, постоянно понукаемый, ходил за хозяином и вдруг плюнул на его лысую голову: «Извини, но в твоем доме так роскошно, что более подходящего места я не нашел»…

Вторую неделю Александр Великий, покоритель Азии, создатель величайшей империи, названной его именем, тяжело болел. Никакие лекарства, прописываемые придворным врачом, не помогали справиться с жесточайшей лихорадкой. К тому же больной не очень исполнял предписания врача. В часы малейшего облегчения он

созывал советы, требовал отчетов от своих гипархов*, строил очередные планы. (*Гипархи – правители областей, сменившие персидских сатрапов). Когда смерть уже подкралась к его изголовью, он подтвердил срок начала аравийского похода. Но, даже мобилизовав всю свою волю, перед демонической силой которой падали ниц цари и их царства, бежали прославленные полководцы, складывали оружие неприступные крепости, он не мог победить собственную всё нарастающую слабость.

Вечером в летнем царском дворце, построенном еще Навуходоносором, царит смятение. Весть о том, что царь умирает, облетела войска, сотни ветеранов, сражавшихся еще под командованием Филиппа, оттесняют стражу и проникают во дворец. Они складывают оружие перед спальней полководца и один за другим проходят проститься с тем, кто неизменно вел их от победы к победе.

Вот он бессильный лежит перед ними, он старается поднять руку, чтобы приветствовать их, но рука безжизненно падает. И это он, кто сделал для каждого из них неизмеримо больше, чем они для него; кто вырвал их из хлевов, где они жили вместе с козами; кто первый бросался в бой; кому не меньше, чем им, мечами и копьями наносили тяжелые раны; в кого не раз попадали стрелы и камни; кто вместе с ними питался травой, пил гнилую воду, жил в землянках; кого так же, как их, заносил снег в горах и песок в пустыне!

Старые рубаки, в жизни своей не проронившие ни единой слезы, не могут сдержать рыданий.

Обступившие постель приближенные спрашивают его: «Кому ты оставляешь империю?» Едва слышно он отвечает: «Самому достойному». Но кто он, самый достойный? Этого Александр не говорит и впадает в забытье.

Друзья, оставшиеся у постели больного, замечают движение его губ, иногда слышат кажущиеся им бессвязными слова. Они не улавливают смысла того, что говорит умирающий царь. Не видят они и старца в длинном хитоне. Зато Александр его отлично видит, видит только его. Он приближается к нему всё той же прямой походкой, он такой же, как одиннадцать лет назад, когда встретились они в

гимнасии Коринфа. Сейчас в свои восемьдесят лет он по-прежнему статен и не лишен физических сил. Он идет по зале, ритмично ударяя посохом о мозаичный пол.

- Ты узнаешь меня? Это я, Диоген.

Александр приподнимается на постели. Этого не видит никто, кроме невидимого посетителя.

- Откуда ты, неужели из царства теней?

- Нет, я еще жив, но пришел, чтобы составить тебе компанию.

- Это большая честь для меня.

- Неужто? Я ведь всего лишь нищий философ.

- Ты сам знаешь, что в мире нет никого, кто был бы ближе мне.

- Наверное, я столь же велик в падении, как ты в величии. Или, может быть, потому, что меня нарекли Диогеном, а тебя называют сыном Зевса?

- Ты и сейчас не оставляешь своей иронии, старый насмешник, - укоризненно произнес Александр. - Мне ли рассказывать тебе, что у нас общего. Ты объявил человека свободным, если только он человек. Ты назвал себя космополитом, и ты был им, но только в сознании своем. Я же создал государство, равное ойкумене*, я всех людей сделал гражданами мира. (*Ойкумена – в представлении древних греков населенная часть земли) Я объединил Восток и Запад, я установил один закон и одну власть, я вел войну ради вечного мира. Я, как и ты, не стремился к богатству, во всяком случае не ради богатства, грабежа и разбоя я свершил свой ратный труд, а ради единения всех людей. Я разбил и разбросал национальные оковы, я породнил народы, перемешал их обычаи и нравы, слил их культуры в кратере* всеобъемлющей любви. (*Кратер (греч.) – большая чаша для смешивания вина с водой)

- Мне жаль тебя расстраивать, но идею твою твои же соратники растопчут на другой день после твоей смерти, твоя великая империя утонет в крови и раздорах, - без тени иронии или упрека сказал Диоген и опустился на кровать в ногах умирающего.

- Ты лжешь, старик! – вскричал Александр, и потухающие глаза его вновь засверкали огнем неистового гнева.

- Ты так возмущен, потому что знаешь, что это правда. Ты знаешь, что Диоген никогда не опускался до лжи. Зачем же сейчас он будет обманывать тебя.

Как утопающий хватается за соломинку, так умирающий повелитель схватился за, казалось, спасительную мысль.

- Нет, прости. Конечно же, ты не лжешь. Ты ошибаешься! Просто ошибаешься. Ведь ты еще жив, а смертным не дано знать будущего.

- Хорош бы я был философ, если бы не мог видеть чуть дальше собственного носа. Не надо быть провидцем, достаточно знать природу человека. Ты хотел изменить мир, не изменив человеческой натуры, ты хотел осчастливить людей, навязав им свою волю. Поверь, пройдут сотни и тысячи лет, появятся и другие герои, которые захотят быть пастухами человеческого стада и кнутом погнать его к лучшей жизни. Ничего у них не получится! Такова уж натура человека: пока он сам не найдет, не осознает своих целей и своего пути, никакой проводник не сможет провести его. Слепцов нельзя водить по отвесным скалам, они неминуемо сорвутся… и утянут за собой своих горе-поводырей.

- Значит, всё было напрасно, напрасно я столько лет сражался, напрасно погубил тысячи людей? – уже не гневно, а с мольбою в голосе вопрошал Александр.

- Нет, не напрасно! Ты подарил потомкам идею вселенского братства! Может быть, когда-нибудь они поймут величие этой идеи, и тогда они осуществят ее. И скажут: «Был такой царь Александр. Он не был богом, но он первый провозгласил эту идею. Вечная ему память и слава!»

Александр заулыбался и протянул руку философу. Тот сжал его пальцы.

- А теперь поднимайся, нам пора.

Не задавая никаких вопросов, Александр поднялся и пошел, опираясь на руку великого мыслителя. Он шел, не оглядываясь, и потому не мог видеть, что бренное тело его оставалось лежать недвижимым.

Они вышли из дворца и остановились на мраморных ступенях, ведущих к воде. Стояла необычайная даже для жаркого вавилонского лета засуха. Воды Евфрата отступили, обнажив берега, обожженные знойным ветром пустыни. Иссохшая земля

вожделела дождя, а величественное небо, затянувшееся грозными тучами, жаждало слиться с землей.

Почти одновременно блеснули стрелы молний. Серебряным светом озарились великолепные дворцы и храмы, святилище бога Мардука, покровителя города, девяностометровая башня Этеменанки и огромные ворота богини Иштар. Зевс-громовержец указал дорогу своим сыновьям. Небо раскололось от раската грома и ливнем обрушилось на землю. В яркой вспышке молнии стражники увидели фигуры двух человек, стоявших на ступенях. В одной из них они узнали своего императора.

Но когда свет погас и глаза привыкли к темноте, видение исчезло…

В тот же день, 28 десия, а по принятому ныне летоисчислению 13 июня 323 года до нашей эры за тысячу миль от Вавилона, где остановилось сердце Александра Великого, под рогожей тихо заснул и уже не проснулся киник Диоген. Ученики, обнаружившие его, уверяли, что он остановил дыхание.

ГЛАВА 11

Нюшка.

От Солнечной Долины до Крымского Приморья тянется чреда небольших бухт. Это едва ли не последнее место на побережье, где сохранился нетронутый цивилизацией берег и где может найти приют современный дикарь – неорганизованный турист. В некоторые уголки даже можно добраться на легковой машине, если, конечно, у нее высокая посадка или если сердце водителя не обольется кровью, когда в очередной раз его иномарка пропашет брюхом по камням.

Еще год назад можно было подняться от Солнечной Долины вверх на плато и по грунтовке мимо виноградников спуститься в бухту Чалки или проехать в маленькую бухточку, о красоте которой свидетельствует ее название – Эдем. В углублении на пятачке никак не большем трети гектара растут тенистые деревья, в кроне которых целыми днями раздается стрекотание цикад. Загоняешь машину под дерево, с крутого, но невысокого обрыва спускаешься на берег и, ступая по мелкой, почти песчаной гальке, подходишь к «самому синему в мире» Черному морю. И тут – как твоей душе угодно: то ли сохраняя иллюзию одежды, то ли голяком, то ли с

разбега бросаешься, то ли медленно и постепенно входишь в это чудо – морскую соленую воду.

Говорят, то как человек погружается в море, соответствует его поведению в любви. Если быстро и решительно, с разбегу и вниз головой, то также он ведет себя в любовной страсти. Если медленно и робко, сначала входит по колено, затем по пояс, всё это со многими остановками, потом плещет воду на грудь и плечи, а уж после, если до этого дело дойдет, если не повернет назад, опускается в воду по шею – тогда он так же осторожен в любви.

Однажды я приехал в эти места в начале июля и был удивлен отсутствием людей. Их и обычно-то бывает мало, никто через тебя не переступает и на голове у тебя не сидит. А тут не было никого! Я прошел километр по берегу в одну сторону, потом повернул и прошел еще километр – в другую. Иду и соображаю: может быть, пограничники народ повыгоняли, надумали от России обороняться, может, Крым под НАТОвские учения стратегическим партнерам отдали, а может, чем-нибудь промышленность умудрилась акваторию отравить, так что люди сами сбежали. Набрел, наконец, на одиноко стоящую палатку. Спрашиваю у ребят, в чем дело. А они отвечают: «А вы воду пробовали?».

- Нет, - говорю.
- Так идите, попробуйте.

Я подошел и, как знаменитый Грека, сунул в воду руку. За руку меня цапнул обжигающий холод. Оказывается, и такое бывает: налетит шторм, поднимет и подгонит к берегу холодные слои воды, и долго потом она не может прогреться.

Так что любители с разбега кидаться в море рискуют принять ледяную ванну.

Но теперь в благословенные эти места проехать невозможно. Рассказывают, что какой-то русский кавказского происхождения, «коренной» москвич скупил и виноградники, и знаменитый винзавод, и пляж в Солнечной Долине. С пляжа повыгонял всю мелюзгу, торгующую чем придется, а на пути к своим виноградникам поставил охраняемые ворота. Полосу берега он не купил, но и она, недоступная для «посторонних», оказалась теперь в его владении. Мне трудно сказать, поставлены ли эти ворота и сторожа при них для того только, чтобы десяток

- другой автотуристов не сорвали пару незрелых гроздьев винного винограда. Если предположить, что хозяин не полный дурак и умеет считать деньги, то цель состоит не в охране винограда.

Между Чалками и Лисьей находится небольшая бухточка Нюшка, ее можно считать входящей в обширную Лисью бухту или примыкающей к ней. Вся Лисья бухта и, конечно же, Нюшка, в которую можно попасть только на своих двоих или по морю, являются пристанищем поборников нудизма. Впрочем, сами они предпочитают называть себя натуристами. В бухте Лисьей публика смешанная, кто разделяет идеологию нудизма, а кто нет, полнейшая свобода и толерантность. В Нюшке, в соответствии с названием, обретаются только поклонники жанра ню, симпатичные, интеллигентные люди, которые, разумеется, не станут осуждать вас, если вы своими тряпицами на бедрах внесете диссонанс в природный пейзаж. Вахловатым блюстителям морали не мешало бы поучиться у них культуре и терпимости.

Облюбовали Нюшку и энтузиасты родов в воде. В былые годы здесь можно было видеть палатку с развевающимся над ней флажком с красным крестом. В палатке жила медсестра, инструктировавшая женщин, вздумавших на себе испытать преимущества родов в морской стихии, из лона которой когда-то, как утверждают ученые мужи, вышли млекопитающие, а, значит, и человек. Приезжали роженицы, прихватив с собой надувные бассейны на случай, если погода не позволит освободиться от бремени в натуральных условиях. Сейчас это редкость потому, может быть, что женщины нашей замечательной страны не только в море, но и в роддомах рожать не спешат.

Бухту Нюшка четким полукругом обступают пять небольших холмов. Там, где холмы подходят вплотную к морю, где штормовая волна подтачивает их, над берегом нависают террасы из слоеного пирога доломитовых пластов. За холмами, если стоять у кромки берега, видна зеленая вершина Эчки-дага, Козьей горы.

На этих скудных растительностью холмах в самом конце сентября в так называемый бархатный сезон лепились палатки последних туристов. Дней через пять-десять, смотря по погоде, не останется ни одной. Нынешнее лето было

прохладным, зато ранняя осень была теплее обычного. В это время года случаются холодные ночи, но сейчас, благодарение Богу, дни стояли солнечные, однако не очень жаркие, а вечера приятно прохладные. А самое главное, море было еще теплым и продолжало одаривать купающихся своей безбрежной лаской.

Ну и к чему это всё, спросит нетерпеливый читатель, к чему эти экологические зарисовки, если неизвестно, куда девались единственные привлекательные героини затянувшейся повести, уж не забыл ли о них автор, уж не бросил ли их на чужбине жестокосердный Бегемот?!

Вовсе нет! Бегемот вынужден был оставить Вику и Анжелу в Париже, так как ностальгии они не испытывали, напротив, никак не хотели возвращаться на горячо любимую Родину. Люди обычно испытывают ностальгию, надолго покидая страну, где они родились. Но нашим соотечественникам за долгие годы привили оригинальную форму ностальгии – ностальгию по загранице, привили даже тем, кто никогда там не был и лично с заграницей не знаком.

Бегемот пристроил девиц в поразившее их воображение кабаре. Девушки пришлись ко двору. Их необыкновенные способности и внешние данные позволили после нескольких репетиций выступить в качестве танцовщиц-топлес, а хореограф заявил, что в скором времени сделает из них настоящих звезд.

Я упоминал раньше, что Бегемот наделил своих спутниц пониманием французского языка, а за месяц парижской жизни они научились сносно, даже с приятным для слуха акцентом, изъясняться на нем. Фантастика, да и только!

Бегемот провел с ними в Париже недельку, устроил их дела, не забывая о собственных развлечениях. Все ночи девушки практически не спали, занимались с ним любовью. Отсыпались днем, что дамам, особенно Анжеле, было не впервой, а Бегемота такой образ жизни более чем устраивал. Причем, его с лихвой хватало на обеих красавиц. В сексе Бегемот был неутомим и неподражаем. Если бы не жуткая усталость после каждого ночного сеанса, которую испытывали обе девицы, они, вероятно, предпочли бы не расставаться с котом, бросили бы ради него и Париж, и даже Moulin Rouge. Впрочем, в планы Бегемота не входило таскать их за собой.

Договорились, что через месяц Бегемот навестит их, доставит на Украину, чтобы забрать кое-какие вещи, решить некоторые дела, а затем отправит назад во Францию. А до тех пор условились регулярно созваниваться. Один звонок из Парижа XXI века раздался по мобильному телефону, когда Бегемот пребывал в далеком прошлом, в Киевской Руси, и весьма озадачил князя Владимира и княгиню Анну…

Предложение кота, не сразу отправляться в Днепропетровск, а заглянуть денька на два-три в Крым, было встречено с восторгом. Так как Анжеле и Вике очень понравилось их последнее путешествие, они решительно отказались от других транспортных средств и пожелали лететь, как и в прошлый раз, своим, так сказать, ходом.

Опять клубились под ними сияющие облака, мелькали города, змеились дороги и реки, зеленели леса и парки, золотились поля. Дорога не заняла много времени. Над Крымом, надо всем Черным морем не было ни единой тучки.

- Куда же мы сядем?- спросила Виктория, которая сообразила, что цель их путешествия уже достигнута.

- А вон туда, - показал Бегемот на парусное судно, стоявшее на рейде у Коктебеля.

С той высоты, на которой они в этот момент находились, парусник казался крохотным, почти игрушечным. В действительности он был, хотя и невелик, но достаточен для морских прогулок, к тому же оборудован по последнему слову техники, нашпигован электроникой. Им легко мог управляться один человек, обладающий для этого необходимыми знаниями.

- Сначала, может, нырнем, освежимся? – спросил Бегемот, когда они были рядом с парусником, а до поверхности моря оставалось не более десяти метров. И не дожидаясь ответа, стремительно полетел вниз. Внезапно тела девушек обрели свой естественный вес, и они с визгом упали вслед за Бегемотом. Виктория ловко перекрутилась в воздухе и как заправская ныряльщица, сложив и вытянув руки, почти без брызг ушла в воду. Анжела оказалась не столь расторопной, успела только

поджать ноги и, подняв массу брызг, шлепнулась о воду попой. Впрочем, ударилась она не сильно, хотя чувствительно.

- Ах ты, паршивец! – вынырнув из воды, крикнула она Бегемоту и тут же рассмеялась. Однако веселилась она недолго, на лице появилась обиженная гримаса, когда на борту яхты она увидела надпись, составленную из золотых букв – «Виктория». Она не в силах была сдержать негодование и, надув губки, произнесла: «Конечно, Виктория, опять Виктория. Везде на первом месте. А как же я?! Бегимотище бестактный!»

- Мадам, - тоже с обидой сказал Бегемот, - стоит ли спешить с обвинениями. Вы поймете всю глубину несправедливости ваших слов, если дадите себе труд взглянуть на яхту с другого бока.

Анжела не сочла за труд проплыть несколько метров, чтобы увидеть яхту с противоположной стороны. Раздался ликующий вопль. Там она прочла надпись, выведенную такими же золотыми буквами – «Анжела». Быстро, резкими бросками подплыла она к Бегемоту, обхватила его голову руками и впилась в губы долгим поцелуем. Поцелуй был столь продолжительным, что оба ушли под воду. Подплывшая к ним Виктория схватила Анжелу за волосы и вытянула на поверхность.

- Анжелка, перестань единолично лобызать нашего дорогого Бегги. Знаю я тебя, сироту казанскую, - с наигранным возмущением сказала она и тоже одарила Бегемота поцелуем.

Бегемот подплыл к трапу на корме яхты, поднялся сам и помог забраться девушкам. Некоторое время ушло на то, чтобы отдышаться и осмотреться. Яхта была пуста, кроме них на ней никого не было. На яхте они обнаружили две смежные каюты, первая представляла собой одновременно кухню и столовую, вторая – спальню всего с одной, но большой постелью. И то, и другое помещение были обшиты ценными породами дерева и выглядели шикарно. В шкафу спальной каюты девушки нашли небольшой, но для трех дней даже излишний гардероб. Когда девушки с интересом рассматривали обновки, с которых еще не были сняты фирменные ярлычки, Бегемот заметил, что поплывут они туда, где люди не

обременяют себя одеждой, разве только вечерами, когда прохладно. Бегемоту стоило некоторого труда отвлечь своих спутниц от одежды и попыток всю ее немедленно перемерить.

Наконец, вместе поднялись в капитанскую рубку. В рубке был прекрасный круговой обзор, рядом со штурвалом висел большой военно-морской бинокль. Анжела тут же завладела им и стала всматриваться в берега.

- А что это за особнячок там на набережной? – спросила она у Бегемота.

- Дом Волошина, - посмотрев в сторону берега, ответил Бегемот. – Подойдем ближе к берегу, рассмотришь.

- А кто он такой? – заинтересовалась Анжела.

- Максимилиан Волошин? – переспросил Бегемот.

- Ну да! Тебе виднее, Максимилиан он или нет.

- Это талантливейший поэт и замечательный художник. Мы с ним в Египте познакомились и подружились. Большой души человек и философского склада ума.

- А он симпатичный? - допытывалась Анжела, продолжая смотреть в бинокль.

- Я бы даже назвал его красивым, величаво красивым, - удовлетворил ее любопытство Бегемот. – Вот посмотри, - Бегемот развернул бинокль влево, - та скала напоминает его профиль.

Огромная скала, ограничивавшая коктебельский залив, основанием – широкой бородой, уходила в море. Если такова голова, то каким же необъятным должно быть тело, погруженное в морскую пучину. Слава Богу, что каменный великан стоит недвижимо. Но если пробудится от дремоты своей и выйдет из воды, тогда поднимет волну, которая смоет всё побережье.

Анжела принялась разглядывать скалу. А Бегемот прочел стихи поэта, посвященные этому краю:

Его полынь хмельна моей тоской,

Мой стих поет в волнах его прилива,

И на скале замкнувшей зыбь залива,

Судьбой и ветрами изваян профиль мой.

Разглядывая природой высеченный лик поэта и слушая его стихи, Анжела томно проговорила:

- Ой, Бегемотик, я страшно люблю красивых поэтов, познакомь нас, а-а.

- А не испугаешься, - вмешалась в разговор Виктория, - с мертвецом-то знакомиться?! От него скелет один остался. Он сто лет как умер.

- Ну, положим, не сто, а только семьдесят, - уточнил Бегемот.

- Вот жалость, - канючливо протянула Анжела, - как мужик стоящий, так обязательно уже умер.

Виктория тем временем забрала у подруги бинокль и тоже уставилась на причудливую скалу.

- C'est la vie, - вторя подруге, с грустью сказала Вика.

Глядя на приунывших спутниц, Бегемот бодро воскликнул:

- Ляфамочки, мои дорогие! Нам ли быть в печали. Жизнь, действительно, такова! Но это несправедливо! А несправедливости разные надо исправлять. Будет вам Волошин живой и невредимый, сегодня же будет!

Девчонки разом запрыгали от счастья и бросились обнимать Бегемота, прижимаясь к нему упругими холодненькими грудками. Бегемот не выдержал и возбудился. Пришлось девушкам тут же в рубке, не медля ни минуты, тушить пожар, который они сами же разожгли.

После усмирения пожара Бегемот встал за штурвал и повернул ключ в замке зажигания. Сразу же завелся мотор в шестьсот лошадиных сил, завертелась лебедка, поднимая якоря, за кормой заработал винт. Бегемот нажал какие-то кнопки на панели, автоматически начали подниматься и наполняться ветром паруса. Яхта устремилась к берегу.

Бегемот сказал, что пейзажи Коктебеля очень напоминают ему Грецию:

- Того же мнения был и старина Макс. Он признавался мне, что нигде, ни в одной стране не видел такого разнообразия природных типов, такого соединения морского и горного пейзажей с многоликостью предгорий и долин.

Подойдя ближе к берегу, Бегемот развернул парусник в сторону Кара-дага, гряда которого, начинаясь от Коктебеля, тянулась до Крымского приморья, и наши путешественники поплыли мимо великолепных скал, которые Максимилиан Волошин называл музыкой, застывшей в камне. Зубцы Кара-дага казались девушкам порталом волшебной неведомой страны. Имя страны Киммерия. Здесь древняя земля, опаленная солнцем, суровые степи, обручившиеся с грозными скалами, дикими и величавыми. Непреодолимой отвесной стеною подходят они к берегу. Изредка остроконечные скалы отступают от береговой полосы, образуя крошечные бухты. Они недоступны животным, в них тишина и безмолвие, не слышно даже пения птиц. Только орел, свивший гнездо на одной из вершин, парит высоко в небесах.

Если смотреть на Кара-даг с моря, то скалы его могут напомнить готические храмы, никем не построенные, а беспорядочно разбросанные, или громадные острые языки пламени, взметнувшиеся ввысь и внезапно остывшие на чудовищной высоте. Возможно, что коктебельская бухта и скалы – это остатки древнего вулкана, который раскололся на части, завалив море своими обломками, сотворив немыслимый хаос.

Но все старания описать эти места не сравнятся с тем, что уже создал поэтический гений человека, которого называют хранителем этого края:

Над зыбкой рябью вод встает из глубины
Пустынный кряж земли: хребты скалистых гребней,
Обрывы черные, потоки красных щебней –
Пределы скорбные незнаемой страны.

Я вижу грустные торжественные сны –
Заливы гулкие земли глухой и древней,
Где в поздних сумерках грустнее и напевней
Звучат пустынные гекзаметры волны.

- Раньше, - объяснял Бегемот, взявший на себя роль гида, - понаехавшие со всего Советского Союза граждане бесконтрольно шатались по этим местам, собирали сердолик, другие камни, а главное бесплатно любовались всей этой безумной красотой. Теперь этому безобразию пришел конец, теперь Кара-даг объявили национальным заповедником, собственностью украинского народа. Теперь по нему ходят, во-первых, егеря, их тут больше, чем раньше туристов было, во-вторых, те, кто может егерям заплатить, у них там своя такса, и, конечно, разного рода начальство. Людей праздношатающихся стало меньше, но всё равно как и раньше каждый год Кара-даг уносит две-три жизни. Заберется какой-нибудь дуралом на Чертов палец, а слезть не может. Хорошо, если кричать начнет, тогда его за большие деньги вертолетом снимут. А если пожадничает, станет сам спускаться, обязательно упадет. Трах-бах. И нет человека.

А вот смотрите: та скала, похожая на столб, называется Сфинкс. От нее круто вниз к Сердоликовой бухте спускается ущелье Гяурбах. Пройти по нему можно только со специальной экипировкой или если быть таким же ловким, как я.

Бегемот демонстративно задрал нос, прищурил глаза и повертел головой. Вот, дескать, какой я.

- Вон та бухточка называется Львиной, а та – Разбойничьей, а эта – Сердоликовой. Романтично, правда?.. Проще всего до бухт добираться вплавь, - продолжал кот. - Раньше люди на матрасах сюда заплывали. Теперь их и близко не подпустят. Потому как демократия. А демократия никогда не бывала чем-то иным, чем свободой одних за счет других. Во всяком случае, сколько живу, ничего другого не встречал.

А это хребет Кара-гач со скалами Король, Королева и Свита. И самое интересное!

Бегемот направил яхту к отдельно стоявшей, омываемой со всех сторон морем скале-арке.

- Это, - пояснил он, - Золотые ворота Кара-дага…

Из живой зеркальной глади, взметнулась черная гора, «как разметавшееся пламя окаменелого костра», - продекламировал Бегемот, слегка перефразировав

Максимилиана Волошина. И к неописуемому восторгу девушек умело провел яхту под аркой, едва не коснувшись мачтой ее свода. Девушки захлопали в ладоши, выражая восхищение капитаном… Аплодисменты перекрыл пронзительный вой сирены. К яхте мчалась охрана заповедника.

- Чтоб они скисли! - разочарованно, но без страха, понимая, что с таким спутником они в полной безопасности, сказала Анжела.

А Виктория добавила:

- Теперь объясняться придется.

- Вот еще, не хватало нам с ними объясняться! – надменно бросил Бегемот. – Пошлем-ка мы их…

Бегемот замялся, подыскивая острое, но приличное словцо.

Однако Анжела, культура которой была поверхностной и легко смывалась обыкновенным мылом, решительно завершила его фразу: «В жопу!».

- Правильно, - согласился с сутью сказанного Бегемот. В тот же момент мотор на катере егерей заглох, и на нем началась паника. Пассажиры яхты увидели, как люди в форме бросаются в воду, спешно покидая судно.

- Крысы бегут с корабля! – прокомментировал эту суматоху Бегемот.

Дело в том, что катер не только остановился, но и внезапно прохудился во многих местах. Только в него хлынула не морская чистая вода, а вонючая вязкая масса, очень напоминавшая фекалии. Когда покинувшие плавсредство стражи заповедника выбрались на берег, их ждала еще одна неприятность. Лицо каждого из них изменилось. Оно оставалось вполне узнаваемым, но в нем появилось какое-то крысиное выражение.

Избавившись от преследователей, яхта «Виктория-Анжела» взяла курс к бухте Нюшка.

Подойдя к бухте, Бегемот свернул паруса и бросил якоря, всё это делалось не вручную, а автоматикой яхты. Бегемот вытащил на палубу резиновую лодку, которая за считанные секунды наполнилась воздухом. Совместными усилиями лодка была спущена на воду, в нее был положен кое-какой провиант, в том числе три

ящика пива и несколько упаковок вяленой рыбы. Бегемот с девушками пересели в лодку, и кот взялся за весла. До суши было не более ста метров.

Появление яхты вызвало бурное оживление среди обитателей Нюшки, все с интересом рассматривали красивый парусник и его пассажиров. Когда нос лодки уперся в берег, Бегемот поднялся, взметнул вверх руки и громко закричал:

- Привет гражданам Нюшки!

Так как Бегемот с его впечатляющим фаллосом и обе прекрасные девушки с неотразимыми женскими прелестями были в одеждах Адама и Евы, их, естественно, приняли за своих. К тому же ясно было, что по крайней мере один из них здесь не впервой. Обитатели Нюшки обступили наших героев. Начались расспросы: кто, что, откуда. Вновь прибывшие быстро со всеми перезнакомились и чуть ли не сдружились. Такой приятности, такой легкости в общении Анжела и Вика не испытывали со времени своего детства.

Тут же организовали небольшой пикничок, народ тащил на общий стол свои нехитрые припасы, в ход пошло Бегемотово пиво и рыба. Не обошлось и без спиртного покрепче. Всё это сложили на большую целлофановую пленку, которую постелили на мелкой гальке. Разместились вокруг и начали пировать. За столом знакомство продолжилось.

- Слушай, друг, извини, конечно, - сказал поджарый мужчина с черными волосами, подстриженными ежиком, который еще раньше представился как Николай, - а как тебя все-таки звать? Бегемот, надо полагать, прозвище, кличка?

- Отчего же кличка, не кличка вовсе, а литературный псевдоним, - с изрядной долей высокомерия отвечал кот, сладко потягиваясь.

- Так вы писатель?! – полупочтительно, полунедоверчиво спросил Николай.

- Вовсе нет, скорее литературный персонаж.

- Уж не Булгакова ли? – весело спросила сидящая рядом супруга Николая Рита.

- Именно его, Михаила Афанасьевича, - веско и раздельно заявил Бегемот.

Все дружно рассмеялись.

- Ну, молодец, ну, заливает! – с улыбкой, беззлобно сказал Сергей, бывший сотрудник московского сверхсекретного НИИ, а теперь маклер по продаже квартир.

- Почему они мне не верят?! – плаксиво вопрошал Бегемот, взирая на своих спутниц глазами, просящими поддержки. – Вот так всегда: говоришь правду – подозревают во лжи, наврешь с три короба – принимают за чистую монету. Скажи я им сейчас, что я первая виолончель оркестра Плетнева, представься Александром Остроуховым, поверят, глазом не моргнут. Что с того, что в Остроухове два таких «музыканта» как я поместятся. Я не о таланте говорю, я о комплекции. Не любят у нас правду, ох не любят. Попробуйте всем и всегда говорить одну только правду. От вас отвернутся друзья, враги назовут вас идиотом, вы испытаете на себе лютую ненависть власть имущих, вас объявят хамом, циником и, самое обидное, лгуном… Есть, однако, горькое утешение: после того, как все, кому не лень, вытрут о вас ноги, вас реабилитируют… посмертно и может быть причислят к лику святых.

Девочки, милые мои, хоть вы подтвердите, что я тот самый Бегемот, скромный помощник мессира Воланда.

- Мамой клянусь, - тут же вскричала Анжела, - тот самый!

Вика тоже кивала головой, старательно пережевывая бутерброд со шпротами.

Компания вновь расхохоталась: «Вот дают, вот умора!»

- Ну как вам докажешь, даже таким симпатичным свидетельницам не верите, - развел руками Бегемот.

- Нынче свидетельские показания гроша ломаного не стоят, - компетентно заявил Толя, сотрудник Киевского института социальных исследований. – Мы недавно анкету запустили, чтобы выявить насколько наши граждане закон уважают. В ней вопрос был: «Могли бы вы лжесвидетельствовать в суде?» Только четверть опрошенных, даже меньше, 24 процента, ответили, что не могут ни при каких обстоятельствах. Остальные под разными предлогами, в том числе ради собственной выгоды, готовы лжесвидетельствовать. Так это в суде! А здесь на просторе – сказал слово, оно тут же и улетело. Ответственности никакой.

Так что свидетелям мы, простите, не верим, даже таким хорошеньким. Чтоб мы поверили, нужны факты, материальные доказательства, которых у вас, конечно же, нет.

- Чего это нет, чего это нет?! – возмутился Бегемот. – Очень даже есть. Мог бы я вам свои возможности показать, как вы изволите говорить, материальные доказательства представить, но вы ведь всё равно не поверите. Вон Христос, сколько ходил по Иудее, чудеса творил: мертвецов оживлял, больных и бесноватых исцелял, пятью хлебами пять тысяч народа накормил, вино в воду, пардон, наоборот, воду в вино превращал. Вино-то в воду любой буфетчик превратить может. Так кто ему поверил?! Десяток учеников да Иоанн Креститель. Ну, может еще эта блудня Мария Магдолина. Говорили мы ему тогда с мессиром, не суетись, не мечи бисера перед свиньями, всё равно не в коня корм, а он на своем стоял, думал народ убедить, чудесами пронять.

По достоинству оценив остроумные слова Бегемота, Маргарита решила ему подыграть.

- А что вы, собственно, теряете, ну, не поверим мы, маловерные, у вас-то от этого не убудет. Очень прошу, сотворите какое-нибудь чудо.

Как на свадьбе кричат «Горько», новые знакомые наших героев принялись скандировать: «Чуда! Чуда! Чуда!»

- Ну, хорошо! - уступил Бегемот и добавил, глядя на Маргариту. - Только для вас, мадам. Чего изволите? Что бы могло вам доказать справедливость моих слов?

Маргарита покрутила головкой, соображая, чтобы такое заказать. Наконец, взгляд ее упал на море, где на приличном расстоянии, значительно дальше, чем яхта «Виктория-Анжела» стоял большой шикарный катер. Едва видны были два человека в нем.

- Сделайте так… так сделайте, - повторила Рита, - чтобы мы прямо сейчас все услышали, о чем говорят эти двое.

- И только-то, чи не чудо! Пожалуйста. Есть у кого-нибудь приемничек какой-нибудь, радио?

- У нас есть, - отозвался Виталий, владелец автомастерской из Харькова.

- Тащи его сюда.

Виталий поднялся и заспешил к своей палатке.

- Вот хитрец, - заметил Сергей, - сейчас найдет какую-нибудь волну, где два мужика трепятся и выдаст их за тех.

- Меня здесь решительно не хотят признавать! - с деланным негодованием сказал Бегемот Вике и Анжеле. – К тому же здесь больше двух-трех волн и поймать-то нельзя.

Виталий вернулся с транзистором и вручил его Бегемоту.

- Включается вот так, - сказал он и нажал одну из кнопок. Раздалась залихватская мелодия. Придурковатая Верка Сердючка уверяла, что всё будет хорошо.

- Ух! – вскрикнул Бегемот, выкрутив забавный фертиль руками. – Люблю этого Данилку… Ну, да выключай, зачем батарейки сажать.

Виталий разочарованно нажал кнопку «Stop», подозревая, что его разыграли.

Но как только он выключил радио, в нем зазвучали голоса.

- А это что за мэлочь пузатая кучкуется? – вопрошал кто-то с откровенным кавказским акцентом.

Другой без акцента отвечал:

- Разные люди, с Украины, с России, харьковчан, москвичей много. Отовсюду, в общем.

- Надо их отсюда выкурыть! – заявил кавказец.

- Чем они вам помешали? – спросил тот, что без акцента.

- Нэчего им на моей зэмле дэлать.

- Так земля-то не ваша, ваши только виноградники.

- Э-э-э, дорогой, впэрэд надо мыслить. Будэт моя, здэсь всё будэт моё!… Давай, поехалы.

Заревел мощный мотор, звук его раздался в транзисторе и долетел со стороны моря. Катер, выйдя на глиссирование, стрелой полетел в сторону Судака.

Компания была удивлена и пустилась в обсуждение подоплеки фокуса. Сошлись на том, что фокус впечатляет, но по сравнению с тем, что вытворяет Копперфильд, конечно, слабоват.

- Самое простое объяснение, - компетентно сказал Анатолий, - такое. Они с Виталькой давно знакомы. В приемнике его между прочим магнитофончик имеется. Нажал он кнопку, якобы, «Stop», а она магнитофон включает. Короче, разыграли нас.

- Это ты зря, - отозвался Виталий. - Я с ними так же знаком, как и ты. Потом, где ты видишь магнитофонную кассету. На вот, посмотри, нет ее. И катер как гудел? Здесь звук был и там тоже.

Виталий махнул рукой в сторону моря.

- Это, действительно, странно, - согласился Анатолий. – Но ты что, всерьез думаешь, что перед нами булгаковский персонаж, что ли?

- Нет, конечно! Но только фокус тут в чем-то другом. Мой приемник к нему отношения не имеет.

- Вот видите, это я и говорил, что не вытворяй, всё равно не поверите, - вмешался в обсуждение своего «фокуса» до того молчавший Бегемот. – Но я, всё одно, щедрый сегодня. Вечерком я вам что-нибудь посерьезнее покажу.

Обещание «показать что-то серьезнее» заинтриговало всех. Но попытки выведать, что же это будет такое, разбились о решительное «нет» Бегемота.

Остаток дня Анжела и Виктория провели в купании и загорании со своими новыми знакомыми Ритой, Катей, Таней, Леной и Ириной. Мужская часть компании затеялась играть в карты. Бегемот мало того, что показывал разные карточные фокусы, ловко тасовал колоду, еще ловчее раздавал, лентой подбрасывал карты и вновь собирал, безошибочно называл загаданную карту, ко всему этому он неизменно выигрывал. И хуже того, устраивал так, что все остальные проигрывали строго поочередно.

- Так-так, - говорил он, - так кто у нас следующий кандидат в дурачки? Кажись, Коля, ты.

И как аборигены Нюшки не пытались совместными усилиями противостоять этим его прогнозам, ничего не получалось.

- Хорошо еще, ребята, - радостно провозгласил Сергей, - не на деньги играем. А то бы без штанов остались.

Из уст того, кто сидел не только без штанов, но и без плавок, замечание это выглядело забавным.

К вечеру мужики, и Бегемот в их числе, пошли собирать дрова для костра, а бабы взялись за ужин. Умышленно, чтобы не было дискриминации, употребляю слово «бабы», потому что уже употребил столь же грубое – «мужики». Если дела с эмансипацией прекрасного пола и дальше пойдут теми же темпами, скоро придется заботиться об эмансипации противоположного пола. Кстати, «прекрасный пол» - это уже завуалированная дискриминация: раз один пол – прекрасный, то другой, по логике, - безобразный…

К концу купального сезона найти в округе сухие ветки – проблема не из легких, приходится уходить довольно-таки далеко от лагеря. Но мужчины со своей задачей справились с честью. То же можно сказать и об их подругах. Бегемот как бывалый турист соорудил костер и с одной спички без всякой бумаги распалил его.

Стало свежо. Охотников щеголять голышом поубавилось. Анжела и Вика в отсутствии Бегемота сами сплавали на яхту и приоделись. На них были одинаковые спортивные костюмы, позаботились они и о своем благодетеле.

Надевая костюм, и видя, что остальные тоже оделись, Бегемот поддел обитателей Нюшки:

- Никакие вы не натуристы, скорее эксбиционисты. Натуристы – это те, кто, находясь в гармонии с природой, отказываются от благ цивилизации. А вы, чуть холодно, одежду на себя напяливаете.

Замечание Бегемота вызвало бурную реакцию и спор среди нюшканцев. Пытались прежде всего определиться в понятиях, рассуждали, чем нудисты отличаются от натуристов, натуристы – от натуралов, а натуралы – от натуралистов, что такое эксбиционизм и что такое нарси… нарсици…, тьфу ты, нарциссизм и имеют ли они к ним отношение и т.д. и т.п. Бегемот, который уже не был рад своей

шутке (философствовать он любил сам, но терпеть не мог выслушивать, как этим занимаются другие), сказал:

- Вот народ! Я схохмил, а они симпозиум открыли. Хватит об этом. Натурист, нудист, в штанах, без штанов – был бы человек хороший, считался бы с чужим мнением и не навязывал свое.

На том дискуссия и закончилась. Надо отдать должное коту: он умел, если хотел, ладить с людьми и легко становился признанным лидером.

Я не сказал, что спор о нудизме-натуризме велся во время коллективного ужина у большого костра. Сергей принес гитару и очень неплохо спел несколько песен. Кто знал слова – подпевал, а кто не знал - пытался намычать мелодию. Но когда Сергей спел романс Полонского «Пара гнедых», Бегемот попросил гитару и очень душевно спел на тот же мотив романс собственного сочинения под названием «Пара штанов»:

Пара штанов, спозаранок одетых,
Грязных и рваных, и жалких на вид,
Задом хозяйским слегка лишь согреты
Шляетесь вы, ваш хозяин не спит.
Были когда-то и вы как с иголки,
Будто виденье из радужных снов.
Годы прошли, вы времен тех осколки,
Пара штанов, только пара штанов.

Ваш обладатель из высшего света
Сотню штанов в гардеробе держал.
Из шелка и шерсти, велюра, вельвета,
В них ваш хозяин аллюром скакал.
Много роскошных, изнеженных юбок
Ночью и днем разделяли ваш кров.
Мечтали быть рядом, быть с вами бок о бок

Пара штанов, только пара штанов.

Грек из Одессы, еврей из Варшавы
Вас по заказу с любовью кроил.
Вы часто влюблялись, искали забавы,
Ваш юный владелец был строен и мил.
Лишь сальные пятна с тех пор сохранились
На паре замызганных, драных штанов.
От лет тех застольных одни вы остались
Пара штанов, только пара штанов.

Уж не висеть вам с другими штанами
В братской и дружной единой семье.
Еле ступает хозяин ногами,
Долго стоит, привалившись к стене.
Хуже того, что теперь под штанами
Вряд ли уже наберет пять очков.
Боже, что будет, что станется с вами,
Пара штанов, только пара штанов.

Пародия была награждена задорным смехом. Всех охватило какое-то безудержное веселье. Бегемот не сказал, всё равно бы не поверили, что этот экспромт родился на их глазах.

Никто, кроме, казалось, самого Бегемота, не забывал об обещанном им к вечеру чуде. Первая не выдержала Катя, подруга Сергея:

- Бегемот! – вкрадчиво сказала она, - а кто-то нам что-то обещал.
- Ты имеешь в виду демонстрацию моих способностей?
- Само собой. Сколько можно томить нас ожиданием?!
- Тогда слабонервных, маловерных и слаборазвитых прошу удалиться, - торжественно провозгласил Бегемот.

Среди присутствующих, считающих себя таковыми, не нашлось.

Бегемот пояснил, что еще утром обещал познакомить своих подруг не с кем иным, как с Максимилианом Волошиным. И спросил у остальных, не будут ли они возражать, если поэт прямо сейчас зайдет к ним на огонек.

- Это что же, - спросил недоверчивый Толик, - сейчас к нам какой-то мужик явится и будет косить под Волошина?

- Опять неверие, опять скепсис и нигилизм, ай, - сокрушенно вздохнул Бегемот. - И это после того, как я их в карты десять раз обштопал! Ну, хорошо, Фома-неверующий, специально для тебя я так обставлю его появление, что трудно будет не поверить. Только не думай, что мне всё равно, я ведь не чудеса творю, а реализую свои возможности, а это требует определенных усилий. Одно дело, если Волошин из-за того холма появится, а другое, если пешком по морю придет.

- А он что, по морю придет?! – удивилась Виктория.

- Да он уже идет! Можно встречать.

Неудивительно, что после таких слов головы сидевших у костра как по команде повернулись к морю. Солнце давно спряталось за горами, смеркалось, но еще всё было отчетливо видно…

По зеркалу моря (был полный штиль) в белом парусиновом балахоне, невероятно легкой походкой шел огромный человек с головой Зевса на могучих плечах, с недлинной вьющейся бородой, с полынным веночком, удерживавшим готовые разметаться черные с проседью кудри волос. Шел босой по морю, аки по суше. Шел как Христос, но выглядел одновременно как античный герой и сказочный русский богатырь, только незлобивый и невоинственный. Откуда он взялся?! То ли упал с неба, то ли сам собою соткался из воздуха и воды?! Сидевшие у костра старожилы Нюшки разом вскочили и брызнули на берег.

Человек подошел к самому берегу, а когда до него оставалось всего несколько шагов, остановился и широко заулыбался. Светлые голубые, как летнее небо глаза, излучали добро и веселую жажду жизни. Семь пудов его мужской красы не казались избытком жира, а скорее избытком энергии, и потому возбуждали в женщинах страсть, а в мужчинах уважение.

- Знакомьтесь, - как ни в чем не бывало сказал Бегемот, - Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин.

Вместо приветствия поэт прочел:

Будь прост, как ветр, неистощим, как море,
И памятью насыщен, как земля,
Люби далекий парус корабля
И песню волн, шумящих на просторе.
Весь трепет жизни, всех веков и рас
Живет в тебе. Всегда. Теперь. Сейчас.

Бегемот пошел по воде навстречу поэту.

ГЛАВА 12

Пропавший череп или второй сон Бегемота.

Добрыня Мистишич, дядя князя Владимира, прозванного в народе Красным Солнышком, наспех позавтракав, собирался на большой прием.

Добрыня занимал несколько комнат в княжеском дворце на Горе и как первый советник князя всегда находился рядом с ним. Когда Владимир был еще ребенком, он был его наставником и до сих пор оказывал на князя большое влияние, поэтому роль его в политической жизни Руси была огромной. Он был человеком недюжинного ума, умел сочетать риск с расчетливостью, был предан своему племяннику, которого искренно любил и не раз в бою защищал своей грудью. А грудь его была широка, да и силой он не был обделен. Некоторые историки считают, что именно он является прототипом былинного Добрыни Никитича. Так это или нет – гадать не будем, а проследим за теми событиями древней истории, свидетелем которых стал Бегемот.

Добрыня натягивал на ногу сапог, когда услышал какой-то шорох за печью. Который день он гонялся за крысой, повадившейся хозяйничать в его спальне! Но все усилия прибить эту тварь оказывались тщетными. Добрыня замер с сапогом в

руке, готовясь совершить прицельный бросок. Но вместо крысы из-за печи вышел… Бегемот.

- Тьфу ты, предупреждать же надо, я ж тебя зашибить мог! – воскликнул Добрыня, который вовсе не удивился появлению Бегемота. – Здорово, приятель!

Добрыня поднялся в одном сапоге навстречу Бегемоту. Они обнялись и троекратно по-русски расцеловались.

- Ты откуда: из грядущего или из минулого? – осведомился Добрыня, которому неожиданные появления Бегемота не были в диковинку.

- Сейчас из будущего, - отвечал Бегемот, осматриваясь кругом.

- И далече забрался?

- Пустячок, на тысячу лет с махоньким хвостиком.

- И как же тамо? – поинтересовался Добрыня.

- Везде по-разному, но в целом не очень.

- Нам с князем зело любопытно будет тебя послушать. Расскажешь потом?

- Что ж не рассказать, хоть зараз расскажу.

- Нет, зараз не сладится, зараз у нас прием гостей, - отвечал Добрыня, натянув, наконец, на ногу второй сапог. – Было б хорошо, если бы ты пошел со мною. Ныне Дума будет слушать послов разных вероисповеданий. Хочет князь новую религию учредить. Какая лучше - ту и примем.

- Вот как, тендер, значит, проводите.

- Что, говоришь, проводим? – не понял Добрыня.

- Тендер. Это там, где я сейчас обретаюсь, словечко модное. Означает «конкурс, соревнование». Устраивают этот тендер, чтобы обществу пыль в глаза пустить, а на самом деле заранее всё известно, кто больше на лапу даст, тот и победитель этого самого тендера.

- Интересно. Люблю тебя слушать. Только вот до сих пор не решил, можно ли тебе верить, такие байки плетешь. Ну да пошли, одень вон мою рубаху, что ли.

- Придумал тоже, я в ней утону.

- А ты вон пояском подтянись.

- Нет уж, не делай из меня чучело.

Бегемот щелкнул пальцами, это был его излюбленный прием, и появился в новой, подходящей случаю одежде. На нем был щегольской кафтан с богатой вышивкой и красные кожаные сапожки.

- Хорош! - похвалил Добрыня. – Ловко у тебя се получается. Кстати, пока не забыл, меня тут крысак один донимает. Подсобишь потом изловить?

- О чем разговор, крысак – это мой профиль. Считай – его уже нет, - весело заявил Бегемот.

Вместе с Добрыней Бегемот сначала заглянул в княжеские покои. Владимир встретил его приветливо, но тоже без особого удивления. Чувствовалось, что они с князем на короткой ноге.

Втроем они отправились в гридницу – парадную палату княжеского дворца, где заседала Дума и проходили приемы именитых гостей и послов. Здесь уже собрались бояре и представители религиозных конфессий. Зал был просторный, метров триста, а то и больше. Посреди одной стены стоял внушительных размеров престол. Владимир взобрался на него, а Добрыня с Бегемотом встали по бокам. Престол был столь велик, что иногда к нему подводили коня, и князь садился на него прямо с престола. Позади престола стояли ветхие знамена князей-предков и его новое, из белого оксамита, шитое золотом знамя. На голове князя красовалась массивная золотая корона со множеством драгоценных камней. Одет он был в серебряный с крестами скарамангий, на плечи накинут плащ пурпурного цвета, на ногах туфли из красного сафьяна.

Князь на троне выглядел величаво. Комплекцией он почти не уступал своему дяде, такой же рослый, такой же статный и плечистый, но к тому же молодой и красивый. Владимир был очень похож на свою мать, которая была всего лишь ключницей у княгини Ольги, но отличалась необыкновенной красотой, за что ее, девку без роду и племени, полюбил Святослав, отец Владимира.

Но впечатление он производил не только внешним видом. В нем видели великого строителя государства Русского, сумевшего всего за десять лет объединить многочисленные славянские племена вокруг Киева на огромных просторах от

Белого моря до Черного, от Волги до Одера, создавшего державу, превосходящую по своей территории и Византийскую империю, и империю Карла Великого.

После обмена приветствиями, которые не были особенно цветисты, князь обратился к послам:

- Созвал я вас здесь, дабы каждый поведал о вере своей. Велика Русь, много мы собрали племен славянских, но нет у нас единого народа. Много у нас кумиров разных, только богов Солнца не меньше дюжины: Перун, Ярило, Даждьбог, Сварог, Коляда и другие. Но мало служат они великому делу славянского единения. Нам нужна вера сильная и возвышенная, которая соединила бы нас в одно целое. Будем вас с боярами слушать и решать, какая вера лучше. И если найдется такая, что нашим целям близка будет, то и примем ее всем миром. Кто из вас первым слово держать готов?

Гости переглянулись. Первыми вызвались послы волжских болгар, которые, в отличие от болгар дунайских, исповедовали ислам.

- Нет бога кроме Аллаха, и Мухаммед - пророк его! - так начал свою речь один из болгарских посланцев. - Ты, князь, мудр и смыслен, а закона не знаешь, уверуй в закон наш и поклонись Мухаммеду.

- А какова же есть вера ваша? - не обращая внимания на дерзость сказанного, спросил князь.

- Веруем в единого Бога, и учит нас его пророк Мухаммед так: надо вести богоугодную жизнь, зато по смерти можно будет вкушать райское блаженство. В Коране сказано: «Кто хочет, пусть верует, а кто не хочет, пусть остается неверующим. Для этих у нас готов огонь… А кто верит и творит добрые дела, их награда не погибнет. Для них – сады Эдема».

- Что ж это за сады такие и что обретут верующие в Аллаха? – задал свой вопрос Добрыня, который пользовался особым расположением князя и мог говорить совершенно свободно, не спрашивая княжеского разрешения.

- Они обретут вечную жизнь в райских кущах, где текут прохладные воды. Райские сады – это обитель вечных наслаждений. Они найдут там юных, чистых

женщин, прекрасных гурий, которые усладят их. Но главное – они обретут благосклонность Аллаха.

- Насчет гурий – се хорошо, се мне любо, - прокомментировал Владимир, улыбаясь и потирая ладони.

- Это, я вам скажу, светлейший князь, - встрял в разговор Бегемот, - самый козырный пункт в исламе, если, конечно, не считать многоженства. Мудрый Магомет о своих подданных не только на том свете позаботился, но и на этом.

Князь, имевший кроме пяти жен еще восемьсот наложниц, любвеобилием не уступавший библейскому Соломону,* охотно согласился. (*Соломон имел 700 жен и 300 наложниц.)

- Дозволь, князь, и мне спросить, - обратился к Владимиру один из бояр и, получив разрешение, задал свой вопрос:

- А что, только мусульмане попадут в этот самый Эдем, у доброго человека другой веры сей возможности нет?

Радетель ислама истолковал этот вопрос так:

- Есть и среди немусульман такие, у кого сердце прямое. Они веруют в Бога, хотя и не называют его Аллахом, веруют они и в последний день. Они проповедуют добро и осуждают зло. Эти принадлежат к праведникам, и Бог не забудет их.

Равно как и среди мусульман есть ханжи, только наружно принимающие Коран. Напрасно они тщатся обмануть Аллаха, их место в аду.

Наша религия, - продолжал болгарин, - тем хороша, что она молода, основывается на других религиях, том же иудаизме и христианстве, и берет у них всё самое ценное.

- Что, например, берете вы у христиан? – поинтересовался Добрыня.

- Мы чтим пророка Христа и матерь его непорочную деву Марию. Иисус, сын Марии, есть посланник Всевышнего и Слово Его. Бог послал его в Марию. Он – дыхание Божие, но не сын Бога, как это думают христиане.

- Слышал я, - продолжал допытываться Владимир, - что нетерпимы вы и злокозненны ко всем, кто не разделяет вашу веру, что пророк ваш Магомет истребил немало иудеев и язычников, да и христианам досталось от вас.

- Вот именно, - поддакнул Бегемот, - у них, мой князь, в Коране ихнем так и сказано: «Если встретите неверных, сражайтесь с ними, пока не произведете великого избиения. На пленных наложите цепи. Бог мог бы истребить их и без вашей помощи, но Он хочет испытать вас. Сражайтесь с врагами вашими на войне за веру!»

- Я вижу, государь, твой молодой друг неплохо знает Коран. Но любую мысль можно исказить, если не изложить ее полностью, как он сейчас и сделал.

В Коране говорится: «Сражайтесь с врагами вашими на войне за веру, но не нападайте первыми: Бог ненавидит нападающих. Если нападут на вас – тогда купайтесь в их крови. Такова награда неверных. Но если оставят заблуждение свое – Господь снисходителен и милостив». Скажу тебе, князь, идея священной войны против неверных не противоречит веротерпимости. Наша религия ничуть не кровожаднее всех остальных.

Владимир помрачнел и произнес со вздохом:

- Похоже, он прав. По крайней мере, они своих не избивают. Мы же, славяне, паче чужих своих ненавидим. Брат у нас восстает на брата, сын на отца и не удерживают нас от братоубийства боги наши.

Слова эти звучали из уст человека, коварно убившего своего брата. Душевные муки терзали князя, как ни утешал он себя, что убийство было вынужденным, что Ярополк сам начал войну, что после убиения Олега* очередь дошла бы до него. (*Олег, как и Ярополк, - сводный брат Владимира.) Порою ночью он просыпался в холодном поту. Снилось ему всегда одно и то же: что он – это не он, а Ярополк. Что идет он в терем к Владимиру с чистым сердцем и одной только целью примириться с братом. Вот он распахивает дверь и с ужасом видит двух варягов с мечами. А за их спинами гримасничает и хохочет Владимир. Варяги одновременно вонзают в него свои мечи. С жутким криком он пробуждался и после уже до самого утра не мог заснуть.

- Но что нужно, чтоб заслужить милость Божию? – спрашивает осторожный Добрыня поборника ислама.

- Нужно, - отвечает тот, - не признавать другого Бога, кроме Единого, совершать пятикратный намаз, соблюдать пост, платить закят, делать добровольные пожертвования, совершать паломничество в Мекку, не воровать, не клеветать, не прелюбодействовать, не умерщвлять детей своих, не есть свинину, не пить вина. А еще правоверный мусульманин должен пройти обряд обрезания.

- Все знают, что такое обрезание? – с деловым видом, скрестив руки на груди, спросил бояр Бегемот. И поскольку ему показалось, что не все, пояснил: - Это членовредительство. Они на кой-то хрен крайнюю плоть отчекрыживают.

- А что такое крайняя плоть? – полюбопытствовал один совсем молодой боярин.

- Я тебе потом покажу, - с ухмылкой отозвался Бегемот.

Пока болгарский посол перечислял обязанности правоверного мусульманина, князь Владимир вовсе скис. Ни к обрезанию, ни к другим «прелестям» ислама он явно не был готов.

Даже не посоветовавшись с боярами, князь заключил: - Такая вера нам не годна. Руси есть веселие великое пить, мы без сего не можем!

Потом князь добавил, качая головой:

- Как хорошо начинал… и как кончил.

Мусульманских посланников сменили католики, присланные самим папой римским. Они и раньше бывали в Киеве, пытаясь соблазнить князя и его сподвижников «выгодами» принятия католической веры.

- Великий правитель земли русской! Выслушал ты магометан и справедливо отверг их притязания, - обратился к князю с помощью бойкого толмача епископ, один из посланников Рима. - Хватило тебе того, что несуразность их обрядов вредит человеку и противно русской душе.

Прими также во внимание, что главное отличие христианства от мусульманства состоит не в обрядах и даже не в том, как верить в Иисуса: как во Всевышнего или как в пророка. Главное в том, что христианство говорит людям:

будьте совершенны, как Отец ваш небесный, а ислам этого не говорит. Он только требует от людей покорности, послушания Аллаху и тем внешним правилам, которые он установил. Христианский Бог – это Бог свободного человека, целью которого является возвышение и самосовершенствование, а мусульманский Бог – это Бог раба, от которого требуется слепая вера и повиновение.

Великий князь, обширна земля твоя, но пребывает она во мраке, не освещена она лучами истинной веры. Мы клянемся живому Богу, а вы истуканам, которые просто дерево, к тому же мертвое.

- В чем же заповедь ваша? – спросил Владимир, которому казались оскорбительными выпады католика против язычества. Одно дело – критиковать самому, а другое – выслушивать поношение варягов.

Долго римлянин повествовал о христианском вероучении и культе, о Ветхом и Новом завете, начав с сотворения мира.

Учтя слова князя, что русские без пития не могут, епископ заявил: «Если кто пьет и ест, то всё во славу Божию». Рассказал он и о том, чем отличается католическая церковь от православной. Особо подчеркнул как несомненное достоинство своей церкви, что она не крестит младенцев, а осуществляет обряд крещения в сознательном возрасте. Но на вопрос, являются ли различия между христианами-католиками и христианами-православными существенными, сказал, что сам он таковыми их не считает, что роднит тех и других многое, а разъединяет немногое.

Не удержался Владимир и от вопроса о многоженстве.

- Магомет позволяет верующим иметь четырех жен и сколько угодно наложниц. А как у вас с этим делом? Достойному мужу, я мыслю, позволительно стремление к умножению потомства своего. Да и не в потомстве только дело: разве можно доказать нормальному, здоровому мужчине, что одна дева лучше двух, а тем паче трех или четырех?

Католик отвечал уклончиво: в Библии, дескать, запрета на многоженство нет, но церковью многоженство порицается. Однако намекнул, что самого Владимира за

слабость к женскому полу никто к ответу не потянет, лишь бы только он «привел ко Христу народ свой».

Наблюдая за князем, Бегемот чувствовал, что ему не нравится менторский тон рассказчика. Улавливал он и его мысли, которые сводились к следующему: может, и неплоха твоя вера, может, и подошла бы она нам, да только вместе с ней, подобно ляхам и чехам, посадим мы себе на шею и твоего папу. «Как же им хочется и меня, и народ мой в свое ярмо запрячь, - думал князь. – Даже на жен моих с наложницами глаза готовы закрыть. Да не на того напали. На-ка вот, выкуси!».

Но своих мыслей Владимир гостям не открыл, напротив, дипломатично поблагодарил епископа и заверил, что всё сказанное им он с боярами обдумает и обсудит.

Вслед за католиками о своей вере рассказывали хазарские евреи. Со времен княжения Олега и Игоря в Киеве расположилась колония хазарских купцов, они занимали в городе целый квартал. Так что иудеев не пришлось приглашать издалека, явились они из этого самого квартала. Возглавлял депутацию хазар рабби Моше.

Иудеи рассказали об особенностях своей веры, пояснили, что христиане заимствовали у них почти без изменений Ветхий завет, но придумали еще и Новый – и поклоняются человеку, который был когда-то распят своими же соотечественниками, распят как обманщик, объявивший себя сыном Божьим.

- Что же у вас за закон? – поинтересовался Владимир.

- Верим в единого Бога – Яхве. Верим в загробную жизнь. Верим, что придет на землю посланник Бога и утвердит мир и справедливость. Есть у нас великая книга Талмуд, которая является кладезем мудрости, поскольку дарована нам самим Богом. От других народов отличаемся кротостью, образованностью и умом. Источник нашего ума – Талмуд, достаточно сказать, что верующий иудей должен помнить 365 запретов и 248 повелений Талмуда; не всем дано не то что понять, но хотя бы даже запомнить всё это.

Символом приобщения к иудаизму является обряд обрезания, ему подвергается каждый новорожденный. Закон наш обязывает нас хранить субботу, не есть конину, зайчину и свинину.

- Где же земля ваша? – спросил иудеев князь Владимир.

Те замялись, а потом сказали:

- В Иерусалиме.

- Точно ли там?

Еще больше смутились иудеи.

- Разгневался Бог за грехи на наших предков и изгнал со своей родной земли. Мыкаемся с тех пор по всему свету, всюду нас преследуют и ущемляют, но обойтись без нас не могут, потому что мы умны и богаты.

- Как же так! - возмутился Владимир. - Сами вы Богом своим отвергнуты, а других поучаете. Если бы Бог вас любил и обычаи ваши признавал, то не рассеял бы по чужим землям. Может, и нам того хотите?!

Не получив ответ на свой вопрос, который, пожалуй, и не требовал ответа, князь попросил высказаться представителей православия.

На княжеский призыв выступил вперед грек Андроникос, философ-богослов из Византии, немолодой уже человек с правильными чертами лица, сохранявшими следы былой красоты. Тот же вопрос задал ему князь: «Кто твой Бог и какова твоя вера?».

- Не сказали тебе лукавые евреи, что их Бог озабочен только делами их народа, который, как они полагают, единственный богоизбранный, утаили и то, что живут они в ожидании мессии, который должен спасти только иудеев и собрать их воедино в земле обетованной. Поэтому кто ж, кроме самих евреев, может исповедовать их религию.

Наш же Бог един, и все люди – дети его, независимо от того, исповедуют они христианство или нет. Но отношение нашего Бога к детям правоверным и детям неверным неодинаково: об одних он радуется и веселится, а о других сокрушается, так как живут они во грехе и ждет их гиена огненная.

- Нечто подобное, - прервал его князь, - думают о своем Боге и мусульмане.

- Разница в том, что их Бог един, а наш – триедин.

- А это что ж за зверь такой?! - удивился Владимир. – Как такое может быть?

- Бог христианский един в трех лицах. Святая Троица состоит из Бога-отца, Бога-сына и Бога-Духа Святого, - пояснил православный богослов.

- Значит, у вас не один Бог, а сразу три?

- Нет, один, но в трех ипостасях.

- Чтоб я тут чего-нибудь понял! – простодушно воскликнул Владимир.

- Понять это слабому человеческому уму, - назидательно сказал философ, - конечно, нелегко. Что и доказывает, что наша вера не могла быть вымышлена людьми, что она боговдохновенна. Поэтому следует верить, там, где нет возможности понять.

- Их философ Тертуллиан, - не удержался от замечания Бегемот, - говорил в связи с этим: «Верую, ибо нелепо».

- Именно так, - подтвердил Андроникос. – Но я мог бы все-таки высказать свои соображения на этот счет.

- Изволь, - разрешил князь.

- Идея троицы не так уж абсурдна, как может показаться непросвещенному уму. Принцип троицы, то есть единства трех составляющих частей, нередок в природе. Возьми, например, растение, оно состоит из корня, стебля и листьев. Каждое в отдельности может существовать, но не как живое и не как растение. Живое растение – это всегда единство одного, другого и третьего. Или вода: она всегда вода, но может существовать как жидкость, как лед или как пар.

- Вот оно как, - протянул Владимир. – Кажется, начинаю понимать, а то уж думал: то ли у тебя мозги набекрень, то ли у меня не все дома.

Философ-богослов хотел продолжать, но князь поднял руку, останавливая его.

- Хотел спросить еще у католиков, да забыл. Спрошу у тебя. А не зол ли чрез меру этот ваш Иегова? Ну, вкусили Ева с Адамом плод от древа познания, к тому ж науськанные Дьяволом. Так вместо того, чтоб с действительным виновником разобраться да отшлепать его хорошенько, ваш Бог на людей напустился. В чем тут штука, не пойму. Он что предвидеть не мог, чем дело кончится? Опять же, не

хотелось ему, чтоб люди его объедали, так сторожил бы получше это самое дерево. Не пойму, и что худого в познании добра и зла? Вроде бы Бог создал людей по образу и подобию своему, а почему-то знанием своим поделиться не захотел.

- Ты задаешь непростые вопросы, великий князь. Не уверен, что мои ответы тебя удовлетворят, а по правде, не знаю, соответствуют ли они истине. Ведь это всего лишь моя точка зрения, а я всего лишь человек, которому свойственно ошибаться.

- Будет прибедняться, - строго сказал Добрыня. – Его, вишь, точка зрения. Выкладывай свою точку зрения.

Богослов кивнул.

- Я думаю, что, изгнав человека из рая, Бог не просто наказал его, а дал ему возможность, пройдя через горнило страданий, покаянным и очищенным вернуться к своему создателю, вернуться в последнем Адаме. «Первый человек Адам, - говорил апостол Павел, - стал душою живущей, а последний Адам есть дух животворящий. Первый человек из земли перстный; второй человек – Господь с неба».

Добрыню, в руках которого была княжеская казна, заинтересовал вопрос сугубо практический: во что обойдется новая религия:

- Слыхал я, что христианская церковь повсюду имеет большие богатства, строит дорогие соборы и монастыри, содержит служителей культа. Не дорого ли обходится государствам ваша вера?

- Православная церковь существует прежде всего на пожертвования прихожан. Но скажу откровенно, без княжеской поддержки, без серьезных затрат нельзя будет утвердить христианство на Руси, - честно ответил православный богослов.

Владимир, не привыкший считать деньги, воспринял эту информацию спокойно, зато Добрыню она несколько покоробила. В этом отношении ему милее было родное язычество. Не избалованные дарами природы, в поте лица добывавшие свой хлеб восточные славяне не считали нужным приносить щедрые дары богам: вместо быка или барана забивали кур или зайцев, да и тех съедали сами, правда,

съедали не просто так, а в честь какого-нибудь божка. С богами же охотно делились тем, чего не было жалко: волосами, ногтями, гнилыми зубами; отсюда и пословица: на Боже, что нам негоже.

Греческий философ, который, надо отдать ему должное, был убедительнее остальных, продолжал свои рассуждения:

- Иудеи не признали сына Божьего Иисуса Христа, когда он был послан им, чтобы искупить человеческие грехи. Они в неразумии своем не верили ему. Они преследовали его и жестоко казнили. Только горстка учеников приняла Христа и последовала за ним. Остальные требовали его смерти и улюлюкали, и издевались над ним, когда он страдал на распятии. После смерти и чудесного воскресения Иисуса Христа господь ждал еще сорок шесть дней, что евреи опомнятся и раскаяться, но они не раскаялись в содеянном. Тогда Бог отвернулся от них и послал на них римлян. Римляне разрушили Иерусалимский храм, разрушили их города, а их самих рассеяли по иным землям, с тех пор народ этот скитается как неприкаянный.

Потом философ объяснил князю, зачем Христос сошел на землю и принял мученическую смерть на кресте, рассказал, что людей в будущем ждет второе пришествие Иисуса и страшный суд, который он очень ярко живописал и даже показал князю и его окружению картину страшного суда, которую специально привез из Царьграда.* (*Царьград – русское название столицы Византийской империи Константинополя.)

С левой стороны картины были изображены грешники, которые, стеная и плача, отправлялись в ад, а справа – праведники, радостно и весело стройными рядами шествующие в рай.

- Если хочешь с праведниками справа стать, - многозначительно и не без угрозы в голосе заявил Андроникос, - тогда крестись, прими веру христианскую!

Но Владимир, который был неробкого десятка, уклончиво ответил:

- Погожу еще немного.

Этим завершился, можно сказать, первый тур конкурса религий. Владимир поблагодарил гостей и бояр и пригласил всех на почестный пир.

Князь любил пышные застолья. Во дворе в ряд устанавливались длинные столы и скамьи вдоль них. Народу могло собраться до нескольких сотен. Вот и сейчас, когда князь и остальные вышли во двор, там уже собралась толпа из трех сотен человек. Главным образом за столами сидели княжеские дружинники: сотники и десятники. Когда появился князь, все разом встали и громкими возгласами приветствовали его.

Вокруг столов стремглав бегала челядь: отроки в белых полотняных рубахах до колен. Их усилиями столы быстро заставлялись телячьими окороками, жареными поросятами и гусями с сочными фаршированными внутренностями. От поросят и гусей обильно валил пар, источая чудный аромат. Появлялись блюда с осетриной и стерлядью в яично-луковом обрамлении, с маринованными грибами, с оладьями, утопленными в сметане. На столах росли горы пирогов с мясом, с сагой и сомятиной, с яблоками и со щавелем. Посреди столов стояли большие лохани с обыкновенной икрой, белковая в те дикие времена еще не производилась. И, конечно же, вдоволь здесь было разного пития: и на столах и под столами стояли пузатые бочоночки с крепкими винами, брагой, медовухой и квасом. Гостям бросились в глаза серебряные ложки, тогдашняя Европа ложек не знала, тем более – серебряных, даже в домах феодалов и королей еду брали руками.

Князь, бояре и гости разместились за длинным столом в самом центре двора. Добрыня и Бегемот сели по левую и правую руку от Владимира. Ничего особенного, что отличало бы их стол от других, здесь не было. Но здесь было всё, что только душе угодно!

Владимир поднял чашу и провозгласил тост, подкупающий своей простотой и краткостью: «За Русь». Раздался ликующий рев, исторгнутый сотнями глоток, застучали и опрокинулись чаши, ненадолго расставаясь со своим содержимым, расставаясь только для того, чтобы быть наполненными вновь до самых краев.

Мусульмане, видимо, не желая оскорбить хозяев, взяли грех на душу и слегка пригубили медовуху. Потом пригубили еще и еще. Непривыкший к возлияниям исламский организм долго сопротивляться не мог, поэтому подданные Аллаха

первыми заняли места под столом. Их примеру последовали иудеи, потом большинство остальных гостей. Русичи продолжали пировать и веселиться.

Перед столом, за которым сидел князь, оставалась свободная площадка. На ней вскоре начался концерт народной самодеятельности Киевской Руси. Исполнял свои былины певец-сказитель Боян, выступал оркестр гусляров, лихо отплясывал танец, похожий на гопак, ансамбль песни и пляски княжеской дружины.

Бегемоту особенно понравились скоморохи, которые резвились, как могли: прыгали, скакали, пародийно изображали кого-нибудь из бояр и показывали разные фокусы на манер индийских факиров, которых, конечно же, отродясь в глаза не видели. Бегемот едва сдерживался, так ему хотелось принять в их веселье хоть какое-то участие. Может, он и отколол бы пару своих хохмачек, но к нему подсел подвыпивший Добрыня, сгреб его в охапку и завел разговор «за жисть».

От Добрыни, который порядком намял Бегемоту бока, удалось избавиться только тогда, когда на площадку вышли бороться богатыри. Добрыня дождался, когда определился победитель, и пошел померяться с ним силой. Шансы уравнивались тем, что один был уставшим, а другой - пьяным. Долго они кряхтели и тужились, частенько издавая посторонние звуки. Наконец, противник Добрыни изловчился и бросил его через себя, а потом навалился на него всей своей многопудовой массой. Двое слуг подняли дядюшку князя и поволокли на скамью, где он сначала сидел, пригорюнившись, а потом вновь принялся за еду и питье.

Владимир, хотя и пил наравне с другими, слегка только раскраснелся и говорить стал немного нараспев; в остальном остался без изменений - ноги не подкашивались, взор был ясен. Бегемот, благодаря бесовской природе своей, при желании мог пить не пьянея. Князь пригласил его прогуляться. Бегемот охотно согласился. Слуги подвели к ним двух отменных лошадей.

Они выехали за ограду дворца и поскакали улицами Киева. Сначала ехали мимо деревянных боярских хором. Хоромы были многоярусные, их крыльца и окна были украшены тонкой резьбой, а шиферные кровли покрыты позолотой и так сверкали на солнце, что было больно глазам. На Подоле проехали по улицам торгового и рабочего люда, здесь селились гончары, плотники, каменотесы, ткачи и

ювелирных дел мастера. Одноэтажные срубовые дома стояли стенка к стенке и могли на случай осады служить крепостными стенами.

Всадники спустились к Днепру. Нескорым шагом они ехали вдоль реки. Изредка песчаный берег перегораживало какое-нибудь упавшее дерево, тогда они объезжали его вброд. К одному такому дереву была привязана лодка, вырубленная из цельного ствола большого дерева. Владимир спешился, накинул поводья на сучок, держась за ветки поваленного дерева, добрался до лодки и пересел в нее. Бегемот последовал его примеру. Он молча ждал, когда заговорит князь. Но князь не спешил с разговорами, он опустил в прохладную прозрачную воду ладони и наблюдал, как рядом с ними сновали серебристые мальки. Наконец, князь прервал молчание:

- Ну, что скажешь, что присоветуешь?

Бегемот понял, что речь идет о выборе веры.

- Прости, князь, но хотелось бы сначала узнать, что ты сам думаешь.

- Да что думаю, думаю, вера нам нужна, которая будет нашему делу споспешествовать, единую власть укреплять. Язычество хорошо для тех, кто по медвежьим углам сидит. А нам государство великое творити надо, такое, чтоб печенеги с хазарами пикнуть не смели, чтоб немцы нас за ровню держали, чтоб греки варварами не считали, чтоб ото всех нам почет и уважение были.

- В этом, мой князь, я с тобой полностью согласен, - поддержал сказанное Владимиром Бегемот. – Что еще думаешь?

- Теперь вопрос, какую веру принять. С магометанами и иудеями, вроде, всё ясно, нам их вера не подойдет. А вот что лучше, католичество или православие, наверное, сам черт не разберет.

- Особой разницы я между ними тоже не вижу, - отозвался Бегемот, - значит, надо в решении опираться на политические интересы, смотреть, что выгоднее с государственной точки зрения. Принять католицизм выгодно, это означает окно в Европу уже ныне прорубить, а Европа – это сила, за ней будущее. Но тогда о самостоятельности твоей не будет и речи, тогда будешь под дудку папы плясать.

- Вот я и думаю, - подхватил мысль Бегемота Владимир, - лучше будет христианство из рук Византии принять. Сегодня она в военном отношении слаба, нас боится, нашей помощи ищет, зато в культурном отношении ни малости Риму не уступает. Примем христианство от греков – в зависимость не попадем, а к культуре вселенской приобщимся.

Вот так и определилась на тысячу лет наша с тобой судьба, дорогой соотечественник. Извечная судьба России – примыкать к слабым. Впрочем, судьба эта говорит о силе России или, по крайней мере, о претензии на таковую. Слабый вынужден примыкать к сильному. Сильный же может себе позволить дружить со слабыми.

- Позволь, князь, обратить твое внимание еще на одну выгоду византийского варианта. Богослужение у католиков происходит на латинском языке, который мало кто понимает, у вас же будет служба на славянском языке.

- И то верно. Значит, сомнений нет, принимаем православие!? – полуутвердительно, полувопросительно сказал князь.

- Сомнения, князь, всегда есть, - уклончиво ответил Бегемот.

- Вот спасибо, вот удружил. Успокоил, называется! - иронично процедил Владимир. – Может, тогда послов в Рим да в Византию отправить, а заодно для порядка и к арабам, хай на месте что к чему разберутся. Говорят же, лучше один раз увидеть, чем два раза услышать.

- Это мудро, это резонно, государь, - похвалил Бегемот. - Здесь необходим научный подход, надо командировочку организовать. Можешь в целях экономии нас с Добрыней послать, мы живо обернемся.

- Добро, - сказал князь, - считай, договорились. А теперь, друг любезный, рассказывай, наконец, откуда ты на этот раз.

- Готов рассказать. Только, если не возражаешь, не тебе одному, но и нашему другу Добрыне. Я ему уже обещал.

- Какие возражения могут быть. Тогда поспешим домой.

- А стоит домой из-за этого ехать, давай лучше Добрыню сюда пригласим.

- Ну, если ты можешь его сюда перенести, тогда…

- Да чего его переносить, он всё время, что мы здесь сидим, за теми кустами прячется.

Бегемот поднялся и закричал: «Эй! Добрыня! Выходи, старый плут! Мы тебя видим. От нас не спрячешься».

Пока Добрыня, который увидев, что князь уезжает безо всякого сопровождения, отправился за ним, выходил из своего укрытия, Владимир, глядя в его сторону, сказал: «До сих пор как нянька за мной бегает. Сколько раз ему говорил. Без толку!».

Добрыня с виноватым видом приблизился к лодке и так же, как до него князь с Бегемотом, забрался в нее. Лодка заметно погрузилась.

- Садись скорей, - недовольным тоном сказал Добрыне князь. - Бегемот рассказывать будет.

- Значит так, прибыл я к вам из 7511 года со дня сотворения мира. Прибыл из не очень большой страны, которая называется Украиной. Собственно, это и есть ваша Родина. Только на днях был в Киеве, в столице вашей страны.

- Как это?! Какая еще Украина? - удивился Добрыня. – Ты прошлый раз говорил, что страна наша огромная, что называется она какой-то Союз… не помню, название больно мудреное, и столица ее в Москве.

- Правда, - поддержал Добрыню Владимир, - еще говорил, что она немцев побила, что авторитет у нее небывало велик, что первая в космос корабль с человеком запустила.

- Говорил. Так оно всё и было, только теперь это всё в прошлом. Теперь ваша страна в космос ничего и никого не запускает, теперь из нее люди сами за границу бегут.

- Почему бегут? – допытывался Владимир.

- В поиске лучше доли, потому что в ней самой сейчас только проходимцы процветают, остальные медленно вымирают. Вот перепись населения недавно провели. За десять лет три миллиона человек как корова языком слизала.

У князя с дядей глаза полезли на лоб.

- Но как же такое произошло? Почему?! – растерянно спросил Добрыня.

- Ну, как бы это попроще объяснить? - почесывая затылок, проговорил Бегемот. – Собрались как-то в Беловежской пуще три князя. Днем поохотились, вечером выпили, выпили хорошо, а закусили, видимо, слабовато. А к утру договорились московского царя сбросить, страну поделить и быть каждому в своей земле удельным князьком. В результате большая страна разделилась на пятнадцать княжеств, одно только большое, а остальные - так себе. И не конец это еще вовсе, а только начало, потому что забыли Бога, забыли слова Спасителя: «Всякое царство, что разделилося в себе, опустошится».

Владимир вскочил, едва не опрокинув лодку, и закричал:

- Вот сучьи дети, что сотворили! Я тут о потомках радею, по крохам Великую Русь сбираю, а эти выпивохи в одну ночь всё просрали.

- Выходит так, - со вздохом подтвердил Бегемот, а про себя подумал: «Всё старо как мир и ничему история людей не учит. Знал бы ты, какая резня за твой трон среди твоих же детей начнется еще умереть не успеешь»…

Сон Бегемота, содержание которого я пытаюсь пересказать, длился еще долго. Было в нем и то, как князь Владимир помог Византийскому царю Василию II подавить восстание одного из сатрапов, несмотря на то, что некоторые бояре советовали воспользоваться слабостью империи и захватить ее, как вынудил Византию отдать за него царевну Анну, как воевал Корсунь* (*Корсунь – русское название Херсонеса), как утверждал христианство на Руси, как усмирял печенегов, как строил города, как творил богоугодные дела и как по-язычески развлекался с женами и наложницами.

Но не безразмерен объем повести, да и главу пора заканчивать, поэтому расскажу о последних днях Владимира (это самый конец Бегемотова сна) и поставлю на этом точку.

Бегемот развлекался на природе в десяти милях от Киева. Слуги соорудили шатер из сосновых веток, набросали на землю козьи шкуры. Три дня Бегемот наслаждался любовными утехами, которые дарили ему подаренные Владимиром наложницы. Он научил их ласкать друг друга и вожделенно наблюдал за их успехами в лесбийской любви. Бегемоту претило обыденное сношение полов, он

стремился к изысканным удовольствиям, к соединению грубой физиологии с утонченной эротикой. Это и есть сладострастие, которое часто путают с похотливостью. Сладострастие связано с чувственностью и фантазией, а не с пошлостью. Бегемот обзавелся красочным изданием Камасутры, обрядил подаренных невольниц в воздушные одежды индийских танцовщиц (ради создания соответствующего антуража) и, используя древнюю книгу как учебное пособие, занялся их сексуальным воспитанием. Воспитание шло превосходно, поскольку удачно сочетало в себе необходимые для прекрасного пола кнут и пряник. Когда поощрения оказывались неэффективными, он прибегал к помощи розог, которые в лучших традициях домостроя прикладывал к обнаженным филейным частям обольстительных воспитанниц.

Последнее время князь Владимир, которому было под шестьдесят, сильно сдал. Он отошел от государственных дел, стремился к уединению. Не только в его физическом облике, но и в духовном произошли разительные перемены: из гедониста язычника он превратился в ригориста христианина. Раздарил друзьям молодых наложниц, пристроил в монастыри остальных, из желания замолить собственные грехи не только отменил смертную казнь, но и телесные наказания за любые преступления. Последнее нововведение привело к безудержному росту преступности, с трудом общими усилиями бояр и церковников удалось переубедить князя и возвратить жесткие, но необходимые законы.

Много позднее Карамзин так опишет произошедшую во Владимире перемену: «Владимир, приняв веру спасителя, осветился ею в сердце своем и стал иным человеком. Был в язычестве мстителем свирепым, гнусным сластолюбцем, воином кровожадным и – что всего ужаснее – братоубийцею, Владимир, наставленный в человеколюбивых правилах христианства, боялся уже проливать кровь… злодеев и врагов отечества».

Однако князь не знал душевного покоя. Но не одни только тени убитых им людей беспокоили его, Владимира, отпустившего бразды правления, подстерегали реальные опасности. Таила злобу любимая жена Рогнеда, дочь полоцкого князя. В юности она отказала Владимиру, тогда он с дружиной захватил Полоцк, на глазах у

родителей надругался над Рогнедой, а потом убил ее отца. Строил планы жестокой мести пасынок Святополк, впоследствии прозванный окаянным, сын убитого Владимиром Ярополка. Сын Ярослав, поставленный княжить в Новгороде, отказался платить дань и готовился к войне. Фанатичные язычники ненавидели его за введение христианства, православные священники не могли простить князю прежнего языческого образа жизни и опасались его связей с европейскими владыками, исповедовавшими католицизм. Опасным им казалось даже то, что после смерти Анны не прошло и года, как он вновь женился на немецкой графине, естественно католичке, внучке императора Оттона I.

И рядом не было человека, готового прикрыть его грудью, давно уже, больше двадцати лет, как умер Добрыня, которому не нашлось достойной замены. Все эти годы Владимир тосковал и жаловался Бегемоту на его отсутствие.

- Что делать, - как мог успокаивал его Бегемот, - к сожалению, люди не вечны.

- Ты тоже являешься от случая к случаю, - выговаривал ему князь.

- Ты же знаешь, такова наша кошачья природа, мы, коты, на привязи не сидим, - оправдывался Бегемот…

Неожиданная тревога охватила Бегемота, предчувствие чего-то страшного, что ожидает князя, заставило его оставить любовные утехи, оседлать коня и срочно выехать в Киев. Десять миль до города Бегемот пронесся напрямую над верхушками деревьев со скоростью современного истребителя. Когда приблизился к Золотым воротам, не желая смущать киевлян, поскакал быстро, но в пределах обыкновенного. Миновал стражу, которая по приказу князя всегда пропускала его беспрепятственно, вихрем влетел в княжескую трапезную и не своим голосом заорал: «Стой!»

Владимир замер с чашей в руке.

- В вине яд! – выпалил Бегемот и вырвал чашу из княжеских рук.

- Не может быть! - воскликнул Владимир, - мы здесь вдвоем и давно пьем из одного кувшина.

- Значит, он тебе его только что подсыпал, - уверенно ответил Бегемот.

Бегемот испепеляющим взглядом уставился на княжеского сотрапезника Блуда. Блуд этот был недавно обласкан и приближен князем. Выдавал он себя за странника и, действительно, много интересного рассказывал о заморских странах.

- Не может быть, - уже не так уверенно повторил князь.

- А это легко проверить. На, пей! Пей, говорю! - Бегемот протянул Блуду чашу.

Блуд, отшатнулся, оттолкнул протянутую руку, так что вино плеснуло на пол, а потом вскочил и бросился к дверям. Но добежать до дверей не успел, его настиг брошенный Бегемотом кинжал. Бегемот, а за ним князь подбежали к отравителю. Он был мертв, кинжал попал под левую лопатку.

- Теперь не узнать, кто его подослал, - придя в себя, с досадой констатировал князь.

- Да, теперь не узнать, - согласился Бегемот, - да и стоит ли узнавать, врагов у тебя столько, что обо всех не узнаешь.

Владимир стоял потерянный и сгорбившийся, но потом вдруг решительно заявил:

- Бежать мне надо, никто меня здесь не любит и никому я не нужен, думал всех осчастливить, а только врагов немерено нажил.

- Куда ж ты побежишь, тебя же всюду найдут, разве что отшельником в какой-нибудь неведомый скит… Впрочем, есть у меня один план, - сказал находчивый Бегемот. – Надо объявить, что ты умер, а вместо тебя положить в гроб этого гада.

- Так кто ж его за меня примет, я уж о морде его не говорю, но он же однорукий.

- А мы гроб открывать не разрешим.

- А если потом кто откроет?

- А потом – суп с котом, - употребил ненавистную им поговорку Бегемот. - Но если тебя это так волнует, я что-нибудь и на этот случай придумаю.

Бегемот вышел из трапезной и позвал нескольких приближенных князя, которым можно было доверять.

Это было тринадцатого июля 1015 года, а пятнадцатого июля «князя» тайно погребли в Десятинной церкви.

Не скоро князь Владимир Красное Солнышко был причислен церковью к лику святых, причина состояла в том, что «мощи его не были прославлены от Бога даром чудотворения». Стоит ли этому удивляться?

В 1824 году археолог К.А.Лохвицкий, основатель исторического музея при Киевском университете, провел раскопки Десятинной церкви. Были найдены два саркофага, в одном из них был обнаружен скелет, по всей видимости, княгини Анны, супруги Владимира. Другой саркофаг, без сомнения, принадлежал самому Владимиру. Но когда его вскрыли, то увидели странную и жутковатую картину: у скелета недоставало черепа и обеих кистей рук. Но в гробницу ранее никто не проникал: сохранилась утварь, слиток серебра высокой пробы, деньги и даже колокол времен князя Владимира. До сих пор историки ломают голову над загадкой, куда же исчезли фрагменты «княжеского» костяка.

ГЛАВА 13

Теле-шоу экс-президентов

В аэропорту «Борисполь» приземлился самолет рейсом из Минска. Последним из салона вышел пожилой человек с помятым, уставшим лицом. Он дождался, когда все сойдут вниз, на секунду еще задержался на верхней площадке трапа, как будто высматривая, не встречает ли его кто-нибудь. И только тогда, когда стюардесса произнесла скорее повелительно, чем вопросительно, «что же вы остановились?!», наконец, начал спускаться. Последним он вошел в вагончик, перевозящий пассажиров к зданию вокзала, зато вышел из него первым. Одет он был опрятно, прилично, но не шикарно. Основная масса пассажиров, могущих позволить себе в наше время пользоваться услугами аэрофлота, одевается дороже.

Войдя в помещение, он вновь стал озираться, надеясь увидеть встречающих. Но и на этот раз встречающих не было. Только когда пассажир миновал таможенный контроль, его окликнули: «Станислав Станиславович?!».

- Да! Это я! - оживился пожилой пассажир и сделал шаг навстречу высокому худому парню, с узкими плечами, в коричневой кожаной куртке.

- Ласкаво просимо на украинскую землю, - приветствовал гостя парень.

- Спасибо, - поблагодарил гость, а про себя отметил, что встреча могла бы быть достойнее.

Она действительно могла быть солиднее, если бы главный редактор телевизионного канала «Дважды два», проконсультировавшись как обычно с начальством, не распорядился встречать тихо, скромно. «Бывший председатель Верховного Совета! - чеканя каждое слово, сказал он. - Здесь ключевое слово не председатель, а бывший. Во избежание дипломатических недоразумений встречать будем без помпы, не велика птица». Речь шла о Станиславе Шушкевиче.

В конце восьмидесятых, поняв, что как ученый он себя исчерпал, Станислав Станиславович ударился в политику и в этом деле, прямо скажем, преуспел: в девяносто первом году после трех, правда, переголосований сессией Верховного Совета БССР он был избран председателем. Но уже в девяносто четвертом году с председательским креслом пришлось распрощаться. Верховный Совет обвинил его в непринятии мер по борьбе с коррупцией, отсутствии контроля за работой правоохранительных органов и проявлении личной нескромности (ремонт за государственный счет своих квартир и дач).

Замечу, к слову, что наши парламентарии на порядок выше белорусских, уверен, им бы в голову не пришло устраивать разбирательства по подобным мелочам.

Спасти политическую карьеру Шушкевич рассчитывал на президентских выборах, но его по всем статьям переиграл энергичный оппозиционер Александр Лукашенко, который и стал президентом. Шушкевич на этих выборах набрал всего десять процентов голосов. Белорусский народ не простил ему развала СССР, а главное – экономики Беларуси. К тому же Лукашенко отменил решение парламента о пожизненной пенсии бывшим главам государства в размере семидесяти процентов оклада действующего президента. В результате б/у председатель незаслуженно, как он считал, был посажен на нищенскую пенсию. Раздосадованный, он даже отправил

запрос в Книгу рекордов Гиннесса, нельзя ли признать его самым низкооплачиваемым экс-главой государства всех времен и народов.

Если бы не лекции в университетах США да кое-какие подачки заокеанских друзей, пришлось бы господину Шушкевичу вовсе положить зубы на полку.

Теперь по приглашению украинского телевидения Шушкевич приехал в Киев, чтобы принять участие в программе «Взгляд в замочную скважину». Украинские телевизионщики оплачивали транспортные и прочие расходы и обещали скромный гонорар, но при его финансовом положении харчами перебирать не приходилось.

- Я Иннокентий Шмыглов, редактор программы «Взгляд в замочную скважину», - представился встречающий. - Как полет, как самочувствие?

- Признаться, неважно, отвык, наверное, от самолетов.

- Вот и я смотрю, вид у вас какой-то неважный, - подтвердил Шмыглов, сочувственно рассматривая Станислава Станиславовича.

Тот действительно смотрелся минорно. Так, думаю, должен выглядеть годам к семидесяти меланхолик Пьеро из сказки о Буратино.

Гость с провожатым вышли из аэровокзала и отправились к машине. Это был новый Жигуль – десятка. Хотели найти машину похуже, но хуже на канале не нашлось, а тратиться на худосочный таксомотор или заимствовать машину на других каналах не стали. Гость ожидал, что хотя бы у машины ему преподнесут цветы, встретят с хлебом-солью и кинокамерой, но его ожидания не оправдались. В машине сидел водитель, заплевавший асфальт семечками. Он не только не вышел из машины, чтобы открыть дверцу перед Станиславом Станиславовичем, но даже не изволил поздороваться. В отместку, бывший глава республики тоже не поздоровался и сделал вид, что его не замечает.

Шмыглов объяснил, что передача состоится уже сегодня вечером, что она пойдет в записи, так что можно не волноваться, если что не так, потом можно будет подправить. Сообщил также, что на нее пригласили Кравчука и Ельцина, первого уговорить удалось, а последний наотрез отказался.

«Еще бы он не отказался, - злобно подумал Шушкевич, - живет как у Христа за пазухой на полном гособеспечении, в ус не дует. На кой черт ему ваш гонорар. А

Кравчуку – что ни дай, всё мало». Тут же бывший председатель поинтересовался, как бы между прочим, сколько же обещали за участие в передаче Леониду Макаровичу.

Шмыглов хотел, было, назвать такую же сумму, которая предназначалась Шушкевичу, но вдруг невольно выпалил действительную сумму, а она была вдвое большей.

Шушкевич буквально взвился: «Почему мне меньше?!». Пришлось выкручиваться. Дескать, и без того на него потратились: на билеты, на проживание в гостинице, на питание, а Кравчуку всего этого не надо. На том бы и остановиться, но опять, будто кто-то тянул за язык, Иннокентий ляпнул: «А потом, сами понимаете, он все-таки какой-никакой депутат, а вы всего лишь пенсионер».

Шушкевич насупился и засопел от обиды. Шмыглов, дивясь своей глупости, попытался успокоить его, пообещав вернуться к этому вопросу и уговорить начальство увеличить гонорар. Станислав Станиславович повеселел и проникся симпатией к своему спутнику.

Тем временем выехали на трассу Борисполь – Киев. Шушкевич с видом человека знающего, поездившего по миру, заявил, что она отвечает европейским стандартам.

Шмыглову следовало бы сказать что-то вроде того, что Украина семимильными шагами идет в светлое рыночное будущее и что на этом пути строит прекрасные дороги. Но вместо этого опять-таки невольно он заявил:

- Надо же пыль в глаза иностранцам пускать, которые в столицу летят. Посмотрели бы вы на другие дороги! Мы недавно в Запорожье были, всю подвеску разбили. И это внутри города! Дороги хуже проселочных, куда хуже. Там хоть накатают, а на асфальте страшные ухабы. Перед одной ямой затормозить не успели и два колеса раздолбали. И это в городе, который работает чуть ли не лучше остальных вместе взятых. Но всё центру идет да западным областям, а сами сапожники как всегда без сапог.

Дальше – хуже. Иннокентия понесло как Хлестакова, с той только разницей, что того несло на ложь, а этого на правду. Второй вариант, согласитесь, значительно

опаснее. И так вел себя человек, который считал, что в жизни самое дорогое – это откровенность, потому что за нее приходится дорого расплачиваться, что хуже болтливости для человека может быть только правдивость, но более всего неприятностей может доставить соединение двух этих качеств.

Шушкевич слушал его и диву давался. Он, конечно, и сам всех убеждал, что соседи живут, может быть, не лучше, зато у них демократия и свобода слова. Но что свобода на Украине достигла таких немыслимых высот, это было для него откровением.

Когда въехали в город и приблизились к центру, Станислав Станиславович, вспомнив свои прежние поездки в Киев, опять похвалил местную власть, заявив, что город, наконец-то, стал похож на столицу, не стыдно иноземцев приглашать. Тут Иннокентий, который не знал, что с ним, не мог объяснить причину внутреннего раздвоения, поднял гостя на смех. Он понимал, что такие вещи говорить не следует, однако продолжал крыть правду-матку и от этого был в смятении, покраснел, как от самого наглого вранья.

- Ха-ха, это вы об иноземцах хорошо сказали. Только они в эту потемкинскую деревню поверить могут. Вы бы посмотрели, как по всему Киеву нищие в мусорных баках роются. Фасад приукрасили, а нутро-то гнилое. Помните при Брежневе Москву, столицу полуфеодальной страны, в коммунистический город превращали. У нас тоже. Острословы говорят: «Превратим Киев в образцовый кучманистический город!». В Киеве контрастов, язв полно, а ведь на него вся страна, кроме, может, Львова, ишачит.

Вероятно, Шмыглов продолжал бы поносить власть, режим и демократический строй нашего независимого государства и дальше, но, слава Богу, подъехали к телецентру. Выписали пропуск для Шушкевича и поднялись на второй этаж к главному.

Главный редактор канала Валентин Проходимов принял Станислава Станиславовича с улыбкой на устах, но без особого заискивания и подхалимажа, искусством которого овладел в общении с сильными мира сего. Он не относился к людям, которые из соображений безопасности угождают всем и каждому, он с

разными был разным. Глаза его от постоянного вранья были скошены к носу, прямо на собеседника он никогда не смотрел, достаточно было беглого взгляда на лицо, которое, как известно, зеркало души человеческой, чтобы понять, что он – приспособленец и подхалим.

- Вы вопросы, которые будут вам задавать журналисты, получили? - спросил Проходимов Шушкевича.

- Да, еще пару недель назад. Кстати, вопросы могли бы быть поострее. Какие-то они уж слишком беззубые.

Вопросы, действительно, практически не касались скользкой темы Беловежской пущи, вернее, экс-президентов просто просили рассказать свою версию случившегося там. Остальные же вопросы не имели политического характера, касались быта, семьи, пристрастий.

- Видите ли, - вкрадчиво пояснил гостю Проходимов, - у нас передача не политическая, вернее, политические вопросы мы рассматриваем под узким, личностным углом зрения.

- Так точно, - бесцеремонно вмешался Иннокентий. - Передача-то наша как называется? «Взгляд в замочную скважину». Больших явлений в ней не разглядеть, угол маловат, но для наших политиков и такого много. Иной раз думаешь: он в нее не поместится, а потом глядь, ба, да ему и наша скважина великовата.

Проходимов строго посмотрел на разошедшегося Шмыглова. Тот осекся. На время его подлинное «Я» взяло верх над шарлатанским, невесть откуда взявшимся, вторым «Я».

- Извините. Что-то я не в себе сегодня, - вымолвило его первое «Я».

- Ну, ладно, - сказал Проходимов, поднимаясь из-за стола. - Машина и водитель в вашем распоряжении, отправляйтесь в гостиницу.

У двери кабинета, пожимая руку Шушкевичу, главный добавил, обращаясь к Иннокентию:

- Покорми Станислава Станиславовича, и к пяти часам без опозданий, чтоб были здесь.

«Даже не изволил проводить», - отметил про себя бывший глава республики и, сгорбившись, побрел за Иннокентием. Впрочем, не было худа без добра. Ему вроде бы удалось выторговать значительную прибавку к гонорару. В этом торге, как и обещал, помог Шмыглов, хотя его вмешательство явно не пришлось руководителю по вкусу. В конце концов главный редактор сдался и обещал «провентилировать» этот вопрос.

Времени у них оставалось немного, нужно было разместиться в гостинице, пообедать, часок отдохнуть и ехать назад на телестудию. Иннокентий всюду сопровождал Шушкевича и продолжал дивить его и себя диссидентской болтовней. (Не сомневаюсь, что читатель догадался, что странное поведение редактора Шмыглова не было следствием какого-то внезапного психического помрачения, а определялось целиком и полностью происками вездесущего Бегемота).

Без четверти пять их машина подъехала к телецентру. Когда Иннокентий со Станиславом Станиславовичем выходили из машины, к подъезду мягко подкатил роскошный черный Мерседес в сопровождении ГАИ. Открылась передняя дверца, из нее вышел человек, комплекцией напоминавший Шварценегера. Он сначала осмотрелся на местности, а потом распахнул заднюю дверцу. Из машины выбрался сияющий Леонид Макарович Кравчук. К нему уже бежали несколько журналистов и с ними Проходимов. Но Леонид Макарович не то чтобы совсем отмахнулся от них, но со словами «потом, потом» направился к Станиславу Станиславовичу. На лице Кравчука красовалась масляная улыбка. Обменялись приветствиями, обнялись и даже поцеловались. Последний акт этого действа лучше выразить не словом «поцеловались», а как-то иначе, например, Шушкевич был обцелован или Шушкевича облобызал Кравчук. Шушкевич в отличие от Кравчука, делавшего партийную карьеру еще в брежневские времена, искусству публичного целования так и не научился, поэтому едва удержался от того, чтобы сплюнуть на сторону. Не обременил он себя и лицемерной ответной улыбкой. Никаких отношений с остальными «пущистами» он не поддерживал, считая себя ими обманутым, соблазненным и покинутым.

«Ишь, павлин какой, – с циничной злобой думал он о Леониде Макаровиче, - красуется, хвост распустил! Сам-то, наверняка, локотки кусает. Знал бы наперед, чем для него дело обернется, первый бы нас Горбачеву сдал. Одного меня в дерьме вывозили, а этот как всегда из воды сухим вылез. Всех проблем-то у него: себя убедить, что дурака не свалял, и остальным лапшу вешать, что о государственных интересах радел».

Напомню читателю, а если он иностранец и за нашими событиями не следил, то и расскажу, что Беловежское соглашение завершило процесс распада СССР, после которого началось стремительное обнищание всех его бывших республик. Очень скоро эйфория даже той части населения этих республик, которая разделяла идеи сепаратизма, прошла, и настрой большинства людей по отношению к виновникам распада стал резко отрицательным. Не только поэтому, но прежде всего поэтому Кравчук и Шушкевич лишились своих постов, а Ельцин сам умно отошел от власти, найдя достойного приемника. Такое не раз случалось в истории: кто думает, что чем-то управляет, по воле своей вершит судьбы миллионов, мнит себя умнее тысячи чертей, способным всех перехитрить, часто остается у разбитого корыта.

После того, как Кравчук, любивший ажиотаж вокруг собственной персоны, уделил пару минут обступившим его журналистам (на Шушкевича никто внимания не обращал – возможно, не узнали), все поднялись в студию.

Здесь уже собралось множество людей, были расставлены стулья для большого числа журналистов. Зал был ярко освещен, от многочисленных ламп в нем было жарко. На сцене стояла трибуна ведущего и недалеко друг от друга – три небольших стола. Кравчук и Шушкевич разместились таким образом, что между ними оказался один пустой стол. Заняли свои места Шмыглов и Проходимов, приготовились операторы. Расселись журналисты, среди которых находился никому неизвестный молодой человек с роскошными усами. Он прошел по специальному дополнительному пропуску как корреспондент сатирического журнала «Бегемот». О существовании такого журнала до сих пор никто из организаторов сегодняшнего телевизионного действа не имел ни малейшего представления.

Была дана команда начинать. Появился импозантный ведущий, на которого сразу же наехала камера.

- Сегодня в гостях программы «Взгляд…, - сказал ведущий и через паузу добавил, - в замочную скважину» непосредственные участники и инициаторы события, которое вошло в историю как соглашение в Беловежской пуще. Оно положило конец существованию Советской империи. Перед нами тогдашний председатель Верховного Совета Белоруссии Станислав Шушкевич и бывший президент Украины Леонид Кравчук. Приглашали мы и Бориса Николаевича Ельцина, но он приглашение отклонил, поэтому один стол у нас не занят. Событие в Беловежской пуще рассматривается сегодня по-разному, кто-то его приветствует, а кто-то, и таких немало, называет его сговором, предательством и даже преступлением. Что же произошло в действительности восьмого декабря 1991 года в Беловежской пуще? Не возражаете, если мы этот вопрос адресуем в первую очередь вам, Станислав Станиславович, как гостю нашего города и страны?

- Ничуть не возражаю, - отозвался бывший председатель Верховного Совета. - Итак, дело было в Вискулях – это правительственная резиденция в Беловежской пуще. Кстати, осенью того же года мы объявили, что заповедно-охотничье хозяйство «Беловежская пуща» превращается в государственно-национальный парк. Впрочем, от переименования ничего не изменилось, как оно было местом «царской охоты», так и осталось.

Меня кругом обвиняют, что я – зачинщик этого мероприятия на том основании, что произошло оно в Белоруссии. На самом деле я вообще не был в курсе. Я пригласил в Вискули Бориса Николаевича Ельцина, потому что у нас с ним складывались дружеские отношения. Зима была холодной, а покупать у России нефть и газ нам было не на что. «Замерзнем», - думаем. Мне товарищи и говорят: «Тащи его сюда, используй дружеские связи, может, сможем выбить энергоносители в кредит». Только в этом смысле я и был инициатором Беловежской встречи.

Я действовал сознательно, мне представился случай, и я его использовал. И случай пригласить Леонида Макаровича – его я тоже использовал. Открыто, честно! И теперь могу вам также честно заявить здесь, что даже когда мы трое собрались

вместе, я не думал, что у нас хватит мужества и ума принять такое соглашение о развале, значит, Советского Союза…

Сначала приехал Кравчук, не стал дожидаться Ельцина, отправился на охоту. Я, на правах хозяина, ждал остальных. Явились они к вечеру. С Борисом Николаевичем приехали также Бурбулис, Полторанин, Шахрай, Козырев, Илюшин и генерал Коржаков. Отдохнули с дороги, перекусили, и тут как раз вернулся с охоты Леонид Макарович, а он, не знаю как сейчас, - Шушкевич бросил взгляд на Кравчука, - а тогда был большой любитель пострелять.

- Любитель, любитель и сейчас, - отозвался из своего угла Леонид Макарович. - Я своим привычкам изменяю только в крайних случаях.

- Ельцин его спрашивает, - продолжал Шушкевич, - как успехи.

- Одного кабана завалил, - похвастался Леонид Макарович.

- Это хорошо! Кабанов надо заваливать, - сказал ему Борис Николаевич, который уже тогда был в хорошем подпитии.

Леонид Макарович держался среди нас этаким фертом. Он после своего ловкого референдума явился к нам на «белом коне» и всем своим видом демонстрировал собственную незалежность, выпячивал независимость свою. -

Позвольте вас на этом прервать, - решительно сказал ведущий, - вы начали говорить о Леониде Макаровиче. Я думаю, нам удобнее послушать его самого. Леонид Макарович, расскажите, что же было дальше.

Кравчук, приехал в студию, конечно же, не из-за денег, не ради гонорара, который при его доходах выглядел более чем скромно, а потому, что взял себе за правило не упускать случая показаться на экране, покрасоваться перед телезрителями. Он понимал, что вернуться в политику на первых ролях ему уже невозможно, поэтому не был в оппозиции, напротив, постоянно демонстрировал лояльность и привязанность к президенту Кучме. Для него это был вопрос жизни и смерти. Изменись ситуация в стране, приди к власти экстремисты, любящие ворошить прошлое и искать виновных, и тогда пришлось бы за содеянное отвечать. Вот почему он использовал любую возможность выступить в роли собственного адвоката.

Уберечь себя от возможных нападок – большее, на что он рассчитывал. Этим он отличался от некоторых своих предшественников и последователей, от тех политиков, которым мало обобрать народ как липку, довести его до крайней нищеты, они еще требуют от него признательности за свои «благодеяния».

- Перед тем как продолжать, я бы хотел высказаться по поводу уже сказанного, - заявил Леонид Макарович. - Формально всё так и было. Я приехал по приглашению Станислава Станиславовича. Куда ехал и зачем – отлично понимал. Не сомневаюсь, что понимал и он. Так что незачем вам, Станислав Станиславович, из себя несведущего и несмышленого дитятку разыгрывать. (Кравчук повернул голову в сторону Шушкевича). Другое дело, что я не назвал бы товарища Шушкевича главным идеологом беловежских соглашений, после которого Союза не стало. Не скажу, что им был и я. До нашей встречи Борис Николаевич проговаривал со мной варианты нашего разъединения. Уверен, что подобные разговоры велись и с Назарбаевым и, конечно же, с Шушкевичем. Так что, если уж кому-то приписывать пальму первенства в этом деле, то скорее Ельцину.

В остальном вроде всё правильно: на охоту я ходил, кабанчика завалил, Ельцин меня за это похвалил. Радости и гордости своей после нашего референдума, на котором народ Украины высказался за независимость, я тоже не скрывал. Но мне показалось, здесь у Станислава Станиславовича был некий подтекст. Поохотились, в баньке попарились, по стопочке употребили – так между баловством и парой рюмок и развалили великий Советский Союз. Неужто вы думаете, что три человека, пусть даже и высокопоставленных, да еще на пьяную голову могут такое совершить?

Леонид Макарович обвел испытующим взглядом присутствующих журналистов и с тем же написанном на фэйсе вопросительным знаком уставился в телекамеру, которая приблизилась к нему почти вплотную:

- Нет! Это абсурд! К тому времени, как мы его, якобы, разваливали, он де-факто уже развалился. Мы только оформили этот развал де-юре.

Если бы Советский Союз к тому времени был действительно великим и могучим, как раньше, кто бы его развалил? Гитлеру не удалось, а трем алкашам, получается, удалось. Чушь какая! Вся штука в том, что Союз к тому времени был

колоссом на глиняных ногах. Вот, как вы думаете, если бы сейчас собрались губернаторы всех пускай даже штатов США и все разом надумали разъединиться, вышло бы у них хоть что-нибудь?

- Нет, конечно! - поддержал Кравчука корреспондент журнала «Бегемот». - Там бы им такую кузькину мать показали, всякая охота отпала б.

- Вот именно! - обрадовался поддержке из зала Леонид Макарович. – Значит, первопричина была не в нас и судить нас не за что! И кстати, о питии. Мне не показалось, что Борис Николаевич был в каком-то особом подпитии, он был как всегда, может, даже и трезвее: выпил не больше литра. А мы и того не выпили. Всё как обычно! Какой же русский не любит этого дела? - Здесь Леонид Макарович щелкнул себя по шее. - Князь Владимир еще говаривал: «Для Руси веселие – пить».

Объяснимся: последние рассуждения по поводу умеренных возлияний на исторической встрече трех президентов не вполне принадлежали Кравчуку, хотя и были чистой правдой. Он, похоже, заразился той же хворью, которою недавно подхватил Шмыглов. Не знаю, как назвать эту доселе неизвестную в политических кругах болезнь, может быть, подойдет правдонедержание. Но пока еще ситуация была под контролем и по большому счету ничего страшного он не сказал. Странная болезнь еще не успела набрать силу, пока экс-президент еще был способен на некоторое отступление от истины.

Интересная вещь. Чтобы говорить правду не нужно ни ума, ни изобретательности, ни прекрасной памяти, ни дара убеждения, всего того, что требуется для результативной лжи. Тем удивительнее, что люди, не обладающие всеми этими качествами, часто предпочитают правде ложь и самозабвенно лгут…

- Вообще-то, - высморкавшись, продолжал Леонид Макарович, - Ельцин вел себя довольно чудновато. Я не то имею в виду, что у него язык заплетался. У Шушкевича тоже были дефекты речи. Я, наверное, тоже не выглядел блестящим оратором. С одной стороны, Ельцин сам выступил инициатором соглашения, которое поставило точку на Союзе, сам приехал с проектом этого соглашения, а потом вел себя так, будто он только что понял, о чем речь. И уже мне пришлось его и так, и этак уламывать. Все возможные доводы я исчерпал. А вы знаете, что я по

части софистики большой дока. Всё понапрасну, как баран уперся на своем: «Наши деды, понимаешь, строили, а мы разрушим?! Неправильно, не поймут нас!». – «Кто, - спрашиваю, - не поймет?» – «Люди! Народ!», - говорит. Я ему говорю: «Борис Николаевич, вы в своем уме, когда мы с вами о народе думали?» - И подбрасываю самый главный довод: «Посмотрите, - говорю, Борис Николаевич, - я к себе на Украину президентом уеду, – Кравчук поднял вверх указательный палец и потряс им над головой. – Шушкевич в Белоруссии главой государства остается. А вы кем в Россию вернетесь? Там есть Горбачев. Там вы номер два. А у нас говорят: лучше быть первым хлопцем на деревне, чем вторым в городе!»

Тут только до него дошло. Помнишь Станислав? Хлопает он тебя по плечу, улыбается своей нетрезвой улыбкой и говорит: «Слушай, а ведь он прав, понимаешь!»

Тут дело закипело. Ельцинская бригада, мы ее для проформы рабочей группой назвали, проект написала и нам принесла. Так шустро написала, что я понял, меня не проведешь, что они с ним и приехали. Стали мы проект вычитывать. А это, сами понимаете, не просто вовсе. Буквы в глазах расплываются, бегают. Хорошо хоть написано было крупно, как в букваре - специально для Бориса Николаевича.

То одно слово, значит, заменим, то другое. И обязательно после каждой удачной формулировки рюмку коньяка пригубим. Три часа рядили, как написать: СССР прекратил существование или прекращает существование. В конце концов, написали «прекращает». Слово вычеркнем или вставим и связному передаем. Козырев у нас на связи как мальчуган туда-сюда бегал… Такого, я вам скажу, не бывало в мировой практике, обычно согласовываются, парафируются, доводятся все слова и уж, конечно, формулировки. Потом визируются. Так это у серьезных политиков бывает. Тут этого не было, но мы, по-моему, сделали всё, что могли, чтобы придать делу законный и серьезный вид. Чем больше глупость, тем серьезнее и умнее должна быть мина, с которой она творится. За ночь управились, к утру всё обтяпали. И подписали… Большевики за девять дней потрясли мир, а мы его за девять часов с ног на голову поставили.

Кравчук улыбался дежурной улыбкой, но в глазах его улавливалась растерянность, что-то ему говорило, что это не лучший способ изложения тех событий. Выходило мало того, что близко к истине, но еще и двусмысленно, и как-то пародийно.

- Вот, собственно, и вся история, - заключил Леонид Макарович, на лбу которого выступила испарина.

- Спасибо, большое спасибо за правдивое, я бы даже сказал разоблачительное, повествование, - с неподдельным удивлением сказал ведущий, вышел из-за своей кафедры, подошел к бывшему президенту и долго тряс его руку.

В это время среди руководства и технического персонала телевидения, всюду за пределами студии, из которой велась передача, царила ужасная паника. Люди метались как на пожаре. Дело в том, что передача, которая должна была идти в записи, каким-то образом пошла в прямой эфир. Хлеще того, ее вещал не только канал «Дважды два», но и все остальные республиканские и местные каналы государственного и коммерческого телевидения Украины, она шла в России, во всех республиках бывшего Союза и через спутники транслировалась многими странами Европы.

Одним из зрителей этого шоу, правда, не с самого его начала, стал король Испании Хуан Карлос, который в это время как раз пролетал над территорией Белоруссии. Он спросил у сопровождавших его дипломатов, кто такие Кравчук и Шушкевич. Ему «компетентно» разъяснили, что это президенты Украины и Белоруссии. Король направил Шушкевичу приветственную телеграмму следующего содержания: «Его превосходительству президенту республики Беларусь Станиславу Шушкевичу. Пролетая над территорией Республики Беларусь, по случаю моего официального визита в республику Корея, я хотел бы передать вашему превосходительству мои лучшие пожелания вашего личного счастья и благополучия, а также процветания белорусскому народу. С глубоким почтением король Испании Хуан Карлос». Аналогичная телеграмма была направлена «президенту» Леониду Кравчуку. Белорусская пресса впоследствии разразилась по этому поводу потоком ироничных публикаций. На Украине поступили умнее: предпочли этот казус утаить.

Но автор настоящей повести, давно и в тяжелой форме страдающий вышеупомянутой болезнью правдонедержания, не может отказать себе в праве на резюме: случай сей наглядно показывает степень уважения к нам западных держав – они нас даже в виду не имели…

Однако вернемся на телевидение.

Все попытки навести порядок успехом не увенчались. Было принято решение выключить электричество. Вырубили пол-Киева, но только не злополучную передачу. Собственно, электрики уверяли, что питание на телецентр не подается. Действительно, свет погас везде, за исключением студии, где шла пресс-конференция Кравчука и Шушкевича. Не удавалось проникнуть в саму студию и на месте принять какие-то меры. Двери были заперты, никакие ключи их не отмыкали, взломать двери не удавалось, лом и кувалда отскакивали от них, как от танковой брони. Люди, находящиеся в студии, на стук не реагировали, связи с ведущим и операторами не было. Позднее выяснился и такой невероятный факт: в домах граждан, у которых не были включены телевизоры, они все самопроизвольно включились, даже те, которые не были подключены к розеткам, качество передачи везде было отменным. Более того, черно-белые телевизоры на время злополучной передачи стали показывать в цвете.

В самой студии пока было спокойно, если не брать в расчет того удивления, с которым присутствующие выслушали откровения экс-президента.

- Теперь вернемся к Станиславу Станиславовичу, - объявил ведущий, отпустив, наконец, руку Кравчука. – Что вы хотели бы добавить или уточнить?

- Хочу уточнить… Есть детали, которые лично мне видятся иначе, чем Леониду Макаровичу. Он сказал, будто бы Ельцин до встречи с ним разговаривал на тему развода. Не буду ставить под сомнение его слова, но о себе скажу однозначно. Со мной разговора не было. Честно. Я был не в курсе.

Я тоже могу подтвердить, что Ельцин отбивался от идеи упразднения Союза, а Кравчук его действительно уламывал. Но мне показалось, что Борис Николаевич был искренен, действительно этого не хотел, не с этим ехал. Только когда Ельцин сдался, а я вообще сидел огорошенный, решили поручить набросать проект его

ребятам. Мне не показалось, что заготовка у них была. Мы долго сидели, пока Козырев с первым вариантом явился.

В общем, я и раньше и теперь думал… думаю, что затея шла от Леонида Макаровича. Так что незачем ему скромничать и от лавров отказываться. Хотя, может, они и вместе это всё разыграли. Только вот кто точно против был, так это Назарбаев. Его сюда мешать не надо. Нужно честно сказать, он как о нашей встрече узнал уж от кого, от Кравчука ли, от Ельцина ли не знаю, но только сразу в Москву к Горбачеву бросился и всё ему рассказал. Назарбаев по-восточному мудр, он сразу понял, что это большая беда для нас всех. Я еще сомневался, думал, может и лучше так: каждый за себя. А вот, видите, как получилось. Наломали в общем дров. Мало того, что народы свои обидели, изнасиловали, еще и сами погорели. Я во всяком случае. С Леонида Макаровича, я вижу, как с гуся вода.

- Ну зачем же ты так, Стас! - укоризненно покачал головой Леонид Макарович. – Ничего-то ты не знал, огорошенный сидел. Отмазаться хочешь?! Несерьезно это. Кто тебе поверит?!

- Может, мне и не поверят. Но нужно по делам судить. Я до этой самой встречи везде говорил, что надо сохранить единство. Хотя бы такое, как предлагал Солженицын – создать союз четырех республик: три славянских и Казахстан, где большинство населения – русские. А Украина под вашим, Леонид Макарович, руководством отказалась подписывать Союзный договор, предложенный Горбачевым. И что интересно, Леонид Макарович, когда чрезвычайное положение объявили, вы на баррикады людей не звали, вы их призывали сохранять спокойствие. Я, например, открыто выступил против ГКЧП, подписал заявление с его осуждением. Вы же хитромудро выжидали. Победи гэкачеписты – козыряли бы перед ними своей лояльностью. Вам бы об отделении во время ГКЧП следовало заявить, призвать украинцев к неповиновению, показать всем, что вы против антинародного режима. Нет! Тут вы помалкивали, но стоило победить демократии, вы бросились отделяться. Может, вас демократия всего больше и не устраивала, а?!

- Вот именно, - рассерженно парировал Кравчук, - судить надо по делам! Когда это ты за славянское единство радел?! Что-то не припомню. А вот что ты

всегда и, думаю, не без личной выгоды, был ретивым западником – это всем известно. Не ты ли больше всех упирался против вступления Беларуси в систему коллективной безопасности СНГ, а когда у вас там стоял вопрос о создании экономического союза с Россией и Казахстаном, не ты ли первый был против? Тебя Верховный Совет ваш обязывал подписать соответствующие документы, а ты хитрил и вывертывался за что тебе, собственно, и было выражено недоверие.

Чтобы не дать развиться конфликту двух бывших руководителей, вмешался ведущий:

- Что ж, картина в целом ясна, позиции определены. Полагаю, можно перейти к вопросам. У кого есть вопросы?

Вверх взметнулось множество рук. Ведущий, как заранее планировалось, дал возможность задать первый вопрос корреспонденту газеты «Проминь».

- Мне тут забавный вопрос достался, есть ли у Леонида Макаровича другие интересы, кроме охоты, и что стало с кабанчиком, которого он завалил, - с ухмылкой сказал он. – Но я лучше свой задам, кабанчика-то, надо полагать, съели. Вопрос Леониду Макаровичу. Сознательно идя на сговор за спиной президента, не боялись ли вы серьезных для себя последствий? Вот ведь Руцкой, насколько мне известно, даже требовал от Горбачева арестовать пьяную троицу, подписавшую в угоду США этот договор.

- Ничуть не боялся! – уверенно отвечал Кравчук. - И не потому, что я такой смелый, а потому, что хорошо знал этого размазню Горбачева. Я был уверен, что под конец своей карьеры он не захочет подмочить свою репутацию демократа и либерала. Но если бы даже я ошибся на его счет, то, думаю, как-нибудь всё равно выкрутился бы. Обо мне такой анекдот ходит, очень он мне нравится. Горбачев, Шушкевич и Кравчук в гости пошли и попали под дождь. Горбачев с Шушкевичем до нитки промокли, а Кравчук сухой. Его спрашивают: «Как вам это удалось?» А он отвечает: «А я между капельками, между струйками».

Леонид Макарович рассмеялся в надежде на такую же реакцию зала. Но зал подозрительно молчал. Только Бегемот залился звонким смехом, потом встал и

наградил экс-президента звонкими аплодисментами. Причем не только хлопал, но и орал: «Браво, бис!»…

Отвлечемся ненадолго от хода пресс-конференции, чтобы остановиться на роли Америки в развале Советского Союза. Эта тема была затронута в вопросе корреспондента газеты «Проминь», но не была освещена в ответе Кравчука. Я думаю, недиалектично, наивно даже утверждать, что внешние причины были определяющими. Однако вовсе не учитывать эти причины тоже было бы ошибкой. В доказательство познакомлю читателя с одним любопытнейшим документом, составленным еще в 1945 году – это «Размышления о реализации американской послевоенной доктрины против СССР» тогдашнего главы ЦРУ Аллена Даллеса:

«Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем… союзников и помощников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием, что ли, тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театр, кино – все будут изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства… В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху… Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого… Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и прежде всего вражда и ненависть к русскому народу – всё это мы будем ловко и незаметно культивировать, всё это расцветет махровым цветом… И лишь немногие будут догадываться и понимать, что происходит… Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ оболгать и объявить отбросами общества. Будем опошлять и уничтожать основы народной нравственности. Мы будем расшатывать поколение за поколением… Мы будем браться за людей с детских, юношеских лет,

будем всегда делать главную ставку на молодежь, станем разлагать, растлевать, развращать ее»…

Следующий вопрос задавал представитель одного российского издания. Начал издалека.

- В то время политическая оппозиция на Украине, к которой Леонид Макарович умудрился ловко примкнуть, распространяла листовки. В них приводился сравнительный анализ – на каком месте республика в Европе по производству основных видов сырья и энергии. Получалось, что не ниже третьего. Делался вывод: отделимся от остальных, будем жить как в Англии, Франции, или Германии. Утверждалось, что Украина кормит Россию. Опять, следовательно, выгодно отделиться. Сами будем есть свои помидоры. На самом деле Украина к тому времени была датируемой республикой, как сейчас у вас все западные области. Мой вопрос: не следовало ли честно сказать народу, что советский режим довел нас до такого состояния, что мы сами не можем себя содержать, вынуждены просить у России? Давайте самостоятельно решать свою судьбу, пусть нам поначалу будет трудно, но свобода, независимость того стоят. Народ, думаю, такую правдивость только приветствовал бы. По крайней мере, он с открытыми глазами выбирал бы свое будущее и не винил вас теперь, что вы его обманули.

- Кто вам такое сказал? Откуда вы взяли, что Украина была датируемой республикой? – возразил Кравчук.

- Я это взял из надежных экономических источников. Но предположим, что это не так, тогда для вас же хуже. Получается, что за годы своего правления вы из передовой европейской страны сотворили что-то вроде Гондураса.

- Я такие обвинения не принимаю, много было причин нашего падения. Другие республики бывшего Союза тоже не благоденствовали. И потом, не я один Украину в Гондурас превращал, нас много было, и после меня нашлись охотники эту линию продолжать.

- Тогда такой вопрос: обсуждалась ли на встрече проблема Крыма?

- Да, это очень скользкая тема. Откровенно скажу, я опасался, что Ельцин ее поднимет. Тогда пришлось бы уступить. Потому что, сами понимаете,

законности в его передаче от России Украине не было никакой. Страна была одна и от перемены мест слагаемых сумма не менялась. Ударило Хрущеву в голову Крым к Украине приписать – он и приписал, спасибо ему, конечно, большое. Конечно, я бы с Борисом Николаевичем для виду поспорил, но уступил бы. Вопрос ведь о власти надо всей деревней стоял, ради нее можно было бы околицу уступить.

Но вот чего я до сих пор в толк взять не могу, почему-то Ельцин о Крыме даже не заикнулся.

- Вот именно, - раздался голос Шушкевича, - что и доказывает, что он не был инициатором раскола, не готовился к нему.

- Может и так, - не стал спорить Кравчук. - А может просто забыл, а может на радостях, что от Горбачева избавится и сам воцарится, решил не рисковать, не упираться из-за Крыма. Не исключаю и того, что он думал, что это его СНГ со временем под ним и окажется, с Украиной вместе. Как бы там ни было, сам Господь был на моей стороне. Ридный Крым остался нашим! Россия нам такой царский подарок отвалила, но мы ей теперь клочка земли не уступим. В том и разница между русским и украинцем, русский – ради дурацкой идеи, ради какого-нибудь братства народов может полуострова дарить, а умный украинец и кочки не уступит. Вот Тузла – песка клочок, тысячной части Крыма, наверное, нет, ни на одной карте его не найти, но украинский патриот-националист скорее умрет, чем ее москалям отдаст. Он лучше весь Крым туркам отдаст, Карпаты – полякам, Бессарабию с Буковиной – румынам, а всё остальное американцам, но только не русским!

- Чем же тогда умный украинский патриот от русского дурака отличается?! – бросил реплику Бегемот. И кто-то из зала, видимо, тоже подхватив заразу правдонедержания, крикнул: - Да ничем!

- А как теперь, - не унимался российский журналист, - не боитесь, что начатый вами раскол приведет когда-нибудь к краху самой Украины, не жалеете о случившемся, ведь развал СССР и утрата статуса великой державы для многих людей явилась психологическим шоком?

- Жалеть-то, может быть, и жалею, но, конечно, не потому, что это для кого-то там стало шоком. И я не хотел бы, чтобы вы мою жалость рассматривали как

признание вины. Особой вины я за собой не чувствую. Не забывайте, что второй пункт нашего соглашения гласил: Россия, Украина и Белоруссия объявляют о создании нового объединения – Содружества Независимых Государств. Мы просто зафиксировали факт продолжающегося распада и позаботились о том, чтобы он не стал для всех губительным. Тут можно Черномырдина процитировать: «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда».

Что касается развала Украины по принципу цепной реакции – об этом страшно даже подумать. До сих пор нам удавалось оправдываться перед народом разговорами о государственности и независимости. А тогда все поймут, что это блеф – и потянут нас к ответу. Упаси бог!

Ведущий предоставил право задать вопрос старой, но молодящейся мымре в круглых очках. Мымра по сценарию должна была спросить у Кравчука, пользующегося успехом у женщин, как ему это удается и много ли у него было любовниц. Мымра представилась: «Спецкор газеты «Жинка».

Но вместо заготовленного вопроса ехидно спросила: «Кто из вас может пояснить, как получилось, что о вашем заговоре первым узнал американский президент, а не Михаил Сергеевич Горбачев?»

Шушкевич чуть было не брякнул, что в сценарии такого вопроса нет, но вовремя удержался. Отвечать взялся Леонид Макарович, который не растерялся и держался увереннее Шушкевича.

- Это вышло случайно. Сначала мы звонили Горбачеву, но не смогли дозвониться, никто не отвечал.

- Немного не так, - вмешался Шушкевич, - это я звонил, мне поручили, а службисты никак не соединяли, затеялись выяснять, это я или нет.

- Да, - подхватил Кравчук, - а Ельцин просто так по обычной связи позвонил в Белый дом, и его сразу соединили. Получилось, что до Буша-старшего дозвонились раньше.

- Свежо предание, да верится с трудом, - строго сказала мымра, очень похожая в этот момент на очковую кобру. А потом повернулась к залу, и бросила в него:

- Коллеги, эти господа нас за идиотов держат. До Буша они просто так дозвонились, а до Горбачева по правительственной связи не смогли.

Корреспондент военного журнала «Прикордонник», бывший связист, авторитетно поддержал мымру:

- Врут они всё. Нарочно Бушу раньше звонили и по какой-то специальной связи. Так просто их никто бы не соединил: кто они такие были, и кто их там знал? А о чем это говорит?! Помнится, Кравчук в Америку до этого с визитом ездил, с Бушем встречался. Может, сам там пионерил, услуги предлагал, а, может, от ихних спецслужб указивки получил.

- Господа, господа, - засуетился ведущий, - давайте сохранять спокойствие. Давайте не намекать на то, что сидящие перед нами товарищи вовсе нам не товарищи, а изменники Родины. В конце концов, прямых улик у нас нет. За руку их никто не поймал. А не пойманный – не вор!

- Правильно! – закричал корреспондент журнала «Бегемот», он же просто Бегемот. – Нельзя голословно людей обвинять, может они честные. Может, всё так и было, как они говорят.

- Какие там честные! Да там пробы негде ставить, - не унимался бывший связист. – Давайте проверим, давайте завтра все просто так с Бушем-младшим попробуем связаться. На что хочешь спорю - ни у одного этот номер не пройдет.

- Прошу всё же успокоиться, господа, - призвал ведущий, - давайте оставаться в рамках приличий. Станислав Станиславович, расскажите, пожалуйста, как же протекали беседы с Бушем и Горбачевым.

- Значит, как я уже говорил, Ельцин взялся звонить Бушу, а мне поручили звонить Горбачеву. Кравчук, как всегда, остался в стороне. Я тоже удивился, как быстро Бориса Николаевича с президентом Америки соединили. Слышу, он уже говорит: «Хелло, Джордж, привет. Мы тут собрались…». Ну, и суть дела объясняет. Буш, похоже, не очень удивился, но, конечно, обрадовался и это дело благословил. Обещал кредит в двадцать четыре миллиарда долларов, потом вместо этого дал нам всем инструкции по добиванию экономики. Они там рады были бы конвергенции, а мы им на блюдечке одностороннюю конверсию преподнесли… Наконец, я до

Михаила Сергеевича дозвонился. Он удивился, в отличие от Буша. Бросился убеждать: «Как, говорит, это международная общественность воспримет?» А я ему: «Не извольте беспокоиться: только что с Бушем беседовали – он не против». Горбачев, конечно, обиделся очень: «Как?! - говорит, - сначала Бушу, а потом мне?» Но чувствую обмяк Михаил Сергеевич на другом конце провода… Некрасиво, конечно, получилось, признаю, - вздохнул Шушкевич.

Долго еще терзали бывших руководителей дотошные журналисты. Отвечая на их каверзные вопросы, бывшие между собой в конец рассорились. Шушкевич намекал на крестьянское происхождение Ельцина и Кравчука и требовал его с этой деревней не путать, он, дескать, ученый, а они лапотники. Кравчук на это возражал, что и Шушкевич не из графьев – «вышли мы все из народа, дети семьи трудовой», а что касается самого Кравчука, то он тоже ученый, не то, что Ельцин.

- Какой-такой ученый? – вопрошал физик Шушкевич.

- Я – экономист! - гордо заявил Кравчук. - Я в Академии общественных наук кандидатскую диссертацию защитил.

- Какую еще диссертацию?! – возмущался Шушкевич.

- «Сущность прибыли при социализме и ее роль в колхозном производстве», - четко отрапортовал Кравчук.

- Правильно, - не унимался Шушкевич, - и диссертация твоя колхозная и защищал ты ее в партийном инкубаторе. Там из таких как ты завотделами по агитации и пропаганде и секретарей по идеологии пачками кандидатов лепили.

Дело дошло до того, что оба бывших, багровея от злости, вскочили из-за столов, бросились друг на друга с кулаками и принялись один другого колотить. Причем, взаправду, а не как в «Окнах» Нагиева. Было бы совсем плохо, если бы в потасовку не вмешался ведущий, а на помощь ему не пришел Бегемот. Общими усилиями они растащили драчунов по своим углам.

Отдышавшись, ведущий, который догадался, что шоу надо побыстрее сворачивать, сказал:

- Вы видите, уважаемые телезрители, страсти у нас накалились, эмоции бьют через край. В историю герои нашей сегодняшней передачи, конечно же,

попали, но вот стали ли личностями, на этот вопрос окончательный ответ сможет дать только будущее. Всё же поблагодарим наших гостей: хотели они того или нет, но многое из тех далеких событий стало нам сегодня яснее, понятны и мотивы, которые направляли их действия. Лично я сегодня в очередной раз убедился, что для нашей власти мы не народ, которому она должна служить, а быдло, стадо баранов, толпа, в лучшем случае население, которым можно манипулировать.

Тем не менее, я думаю, мы с вами не вправе их судить. Уверен, что на их месте, большинство из нас руководствовалось бы теми же корыстными мотивами, что и они. Мы поборники народных интересов, пока сами являемся народом, стоит чуть возвыситься, смотрим на народ свысока, забываем, откуда мы вышли. Глядя на тех, кто нами правит, легко можно видеть, что беспринципность, бездарность, бессовестность – это родовые черты наших политических лидеров. Но что можно сказать о народе, который не только терпит, но и возвышает их?! Увы, но мы народ политически невежественный, принимаем пророков за проходимцев, а проходимцев – за пророков. Так что пусть их судит история, Бог и те миллионы людей, которые утеряны вследствие их социальных экспериментов.

Двери студии тут же открылись, потеряв качество брони, экраны телевизоров погасли, но скоро засветились снова, дикторы объявили следующие передачи. Всё пошло своим чередом.

ГЛАВА 14

Чертов палец, или третий сон Бегемота

Перед белыми с богатой золотой отделкой дверьми Бегемота остановил высокий статный молодой человек в форме офицера гвардии. Про таких говорят: косая сажень в плечах.

- Куда?! – рявкнул он и уже спокойнее, но строго добавил:
- Ее величество не принимают.
- Меня примет! – нагло ответил Бегемот и тоном, не терпящим возражений, потребовал:
- Доложи, братец, барон Кот де Бегемот собственной персоной.

Осмотрев Бегемота с головы до ног и найдя его костюм от Михаила Воронина интересным, но весьма необычным, гвардеец раскрыл было рот, чтобы задать какой-то вопрос, но встретившись с кошачьими глазами барона, закрыл рот. Чеканя шаг, как на параде, он подошел к дверям, распахнул их и громогласно провозгласил: «Барон Кот де Бегемот собственной персоной!».

Царицу будто ветром сдуло из-за письменного стола, за которым она просматривала корреспонденцию. Она бежала так быстро, что гвардеец не успел посторониться, Катерина оттолкнула его и вылетела в приемную залу. Увидев Бегемота, она на мгновение остановилась, всматриваясь в его лицо, а потом с радостным визгом бросилась ему на шею. Бегемот едва удержался на ногах, когда на нем повисла пухленькая императрица. А та, поджав ноги, душила его в своих объятьях и поцелуях.

Выдержав стремительный натиск владычицы всея Руси, Бегемот, наконец, выдохнул слова приветствия: «Здравствуй, Кэт!». Екатерина, сияющая от неподдельного восторга, потащила Бегемота в свой кабинет.

Тут только Бегемот смог ее рассмотреть. Одета императрица была очень просто, на ней было повседневное платье с рукавами в широкую складку и темно-серым передником. Передники она предпочитала темные или розово-лилового цвета и носила их каждый день, превратив в своего рода униформу.

Екатерина была среднего роста, но умела и в молодые, и в зрелые годы величаво нести свое тело и от того казалась выше. Она никогда не обладала ослепительной красотой, а в детстве вовсе была дурнушкой. Ее голубые, слегка раскосые глаза, с небольшой горбинкой нос, выступающий вперед подбородок, широкий рот – не были эталоном красоты. Но в целом, благодаря нежной розовой коже лицо императрицы производило приятное впечатление. Внешне она была не во вкусе Бегемота, однако разговор с ней был всегда занимателен. В Екатерине находил Бегемот признаки философского ума, хотя был убежден, что женщина и философия – вещи несовместимые.

В ней расчетливый, холодный ум соединялся с чувственностью. В глазах было что-то от дикого зверя, ее пристального взгляда не мог вынести никто, кроме

Бегемота. Глаза ее в то же время могли быть пленительны, притягательны. Впрочем, магию своих глаз Екатерина никогда не пыталась испытывать на Бегемоте. Даже в юные годы, еще тогда, когда впервые встретились они в Ангальт-Цербсте и он напророчествовал ей скорую дорогу в Россию, она не пыталась флиртовать с ним, но всегда была в него немного влюблена и неизменно находила его самым приятным кавалером.

Ей были свойственны упорство и решительность. Ради достижения цели она готова была работать не покладая рук. Ее личным символом стала трудолюбивая пчела, которая появилась и на ее гербе с девизом «L'Utile» - «Полезная». Несмотря на недюжинный ум, в ней не было гамлетовского начала, рассудок никогда не доминировал над деятельностью, не замыкался в себе самом, а, наоборот, кипел, вынашивая планы и замыслы один авантюрнее другого.

В России обрела эта немецкая принцесса свое настоящее Отечество.

Отечество – это не только земля предков, это место, где возмужал и окреп твой дух. У людей бездуховных не бывает отечества, ностальгию по родине заменяет им ностальгия по сладкой жизни.

Заметив, что Бегемот беспардонно разглядывает ее, сорокачетырехлетняя императрица со вздохом, но и тайной надеждой на комплимент спросила:

- Что, изменилась? Старая стала?

- Ну что ты, Кэт. Вовсе нет! – пылко соврал Бегемот, хотя за двадцать лет, что они не виделись, Екатерина, конечно же, изменилась и, увы, не в лучшую сторону.

- Где ж тебя, бестия ты этакий, столько лет носило? Неужто нельзя было вспомнить обо мне пораньше? Сколько раз я думала, что ты объявишься, а тебя все нет и нет.

- А у меня такое впечатление, что не покидал я тебя вовсе. Поверь, где б я ни был о тебе, Катюша, никогда не забывал. Неужели ты не чувствовала?! – спросил Бегемот, по-домашнему усаживаясь на широкий диван.

Екатерина призналась, что все эти годы она ощущала его невидимую руку, которая не давала ей сбиться с пути, помогала мужественно переносить все невзгоды

и превратности жизни. Екатерина поблагодарила кота хотя бы за заочное участие в ее судьбе.

- Слава небесам, надеюсь, я прощен?! – воскликнул Бегемот.

- Э-э-э, нет! Прощен ты будешь только тогда, когда согласишься надолго остаться со мной, в моем времени.

- Это ты хорошо сказала: в моем времени! Знаешь ли ты, Кэтрин, что время твое потомки назовут веком Екатерины Великой?

- Ты это серьезно, не издеваешься над государыней?

- Ничуть. И в доказательство останусь надолго, лет так на пятнадцать, не хочу пропустить восхода твоей сияющей звезды…

Когда после долгой разлуки мы встречаем кого-нибудь из друзей, то бывает, беседа не клеится. И не потому, что отвыкли друг от друга, а оттого, что в такой ситуации неуместно говорить о незначительных событиях, о которых обычно говорят люди, не видевшиеся неделю или две. Но тут оказывается, что за многие годы размеренной и скучной жизни значительных событий вовсе не было и рассказывать, собственно, не о чем.

Замечание, которое позволил себе автор, исключительно для того, чтобы напомнить о своем существовании и показать, какой он умный, никакого отношения к описываемой встрече не имеет. В жизни Екатерины с момента ее последнего свидания с Бегемотом произошли великие перемены, десять лет как управляла она империей, с которой теперь вынужден был считаться весь цивилизованный мир. Всю Европу заставила она говорить о себе. Ну, а о Бегемоте и речи быть не может: он за это время оказался участником стольких замечательных событий, что хватило бы на тысячу жизней.

Около часа вели они интереснейшую беседу, которую прервал своим появлением тот самый гвардеец, что не хотел допускать Бегемота к императрице.

- Ваше высочество, - доложил он, - к вам Дидро. Прикажете впустить?

Императрица вопросительно посмотрела на Бегемота. Поняв ее, Бегемот поспешил заявить:

- Нет, нет! Ничуть не возражаю.

- Проси, - сказала государыня гвардейцу, а у Бегемота спросила, знаком ли он с французским философом.

- Не имел чести, - ответил он, - мне хватило его дружка Вольтера. Если он такой же балагур, я как-то за полдня беседы с ним сумел всего две фразы вставить, тогда…

Но договорить Бегемот не успел, так как на пороге появился автор «Энциклопедии», которой, заметим к слову, зачитывалась Екатерина. Разговор перешел на французский. Но пусть читателя это не беспокоит: мы, понятное дело, дадим его в русском переводе.

- Позвольте вас познакомить. Мсье де Бегемот! Мсье Дени Дидро!

Представляя Бегемота, Екатерина по давнему уговору между ними ни словом не обмолвилась о его бесовской сущности и фантастических способностях…

Екатерина понимала значение передовых философских идей, понимала величие мыслителей, которые хотели преобразовать общество на новых, разумных и гуманистических началах. Пусть из небескорыстных соображений, но она искала их внимания, покровительствовала им, прислушивалась к их советам, когда считала эти советы полезными и осуществимыми. Она сама стояла на известной интеллектуальной высоте и могла оценить философскую мысль. Наши современные царьки на это неспособны. У них не хватает ума понять, что о них забудут на другой день после того, как они лишатся власти, великие же мыслители навечно останутся в памяти человеческой.

Екатерина давно приглашала Дидро приехать в Петербург. Он отказывался, однажды даже прислал с самыми лестными рекомендациями некоего философствующего экономиста ля Ривьера. Ничего толкового тот не сделал, однако хапнул сто тысяч рублей вознаграждения (огромная по тем временам сумма) и поспешил убраться из Петербурга. Екатерина так отозвалась об этом щелкопере: «Он полагал, что мы ходим на четвереньках, и очень любезно дал себе труд приехать с Мартиники, чтобы учить нас ходить на задних лапках».

Обласканный многими милостями и знаками внимания Дидро все-таки вынужден был приехать сам и около полугода прожить в Петербурге. Всё это время,

почти каждый день с двух до пяти, он разговаривал с Екатериной, обсуждая волновавшие его и ее вопросы политики, государственного устройства, морали, образования, искусства. В Петербург философ прибыл в октябре 1773 и уехал из него в марте 1774 года. Намеревался пробыть дольше, но обнаружил, что климат и невская вода дурно влияют на его здоровье. Впечатление его от дней пребывания в России было столь велико, что вернувшись во Францию, он стал называть себя галло-русским философом.

В отличие от ничтожного ля Ривьера, Дидро решительно ограничил щедрость Екатерины по отношению к себе. «Как бы я, который вас так уважает, - писал он в письме к Екатерине, - осмелился восхвалять вас, если бы вы засыпали меня вашими благодеяниями? Мои похвалы были бы подозрительны, и мне пришлось бы укорять самого себя».

Но благородство никогда не спасало от зависти и клеветы, напротив, возбуждало их. Не избежал их и великий просветитель ни в Петербурге, ни у себя во Франции. Ему завидовали и на него клеветали…

Дома его непрестанно расспрашивали о Екатерине.

- Любит ли она слушать правду? – Настолько, - отвечал философ, - что каждый осмеливается свободно говорить с нею. – Образована ли она? – Дела своей империи, такой громадной, знает лучше, чем вы ваши маленькие, домашние делишки. – А знакома ли она с изящным искусством? – Она говорит по-французски по крайней мере так же, как мы, и знакома с нашими лучшими писателями. – И кто же ее всему этому научил? – Я ей задавал этот вопрос, и вот, что она мне ответила: «Два великих учителя, под руководством которых я проработала 20 лет – уединение и несчастие». – Добра ли она? – Слишком. Это, вероятно, единственный ее недостаток. – Верит ли она в Бога? – Да. – И все-таки простила вам ваше неверие? – Почему же нет? – Терпит она противоречия? – Сколько угодно. – А вы с ней спорили? – Конечно! – Но ведь это неприлично. – Она сказала бы на это: какие приличия между мужчинами. – Превосходно! Она, должно быть, кружит голову всем, с кем встречается? – Да, так и есть. – Удивляемся, как это вы к нам вернулись! – Право, уж и сам не знаю…

Екатерина, начитавшись французских просветителей, мечтала воплотить в России идеи справедливого общественного устройства. Поначалу она наивно надеялась, что сможет управлять своими полуазиатскими подданными не так, как издревле управляли русскими, опираясь на страх и грубое принуждение, а посредством просвещения, убеждения и уважения к справедливому закону. Но личный опыт государственного управления развенчал эти мечты; в теории она оставалась поклонницей передовых просветительских идей, вела оживленную переписку с Вольтером и Дидро и выглядела в их глазах реформатором, но на практике зачастую действовала противоположно. «Я хочу, - писала она в своем дневнике, - чтобы законы соблюдались. Но мне не нужно рабов. Моя главная цель заключается в том, чтобы создать счастье, свободное от всей той прихоти, эксцентричности и тирании, которые его разрушают». Однако создание правового и либерального государства и осчастливливание народа Екатерина начала с беззаконного захвата власти и убийства мужа – императора Петра III, который, по придуманной заговорщиками оригинальной версии, добровольно скончался… от геморроя.

Зная последующую историю государства Российского, трудно безоговорочно осуждать Екатерину II за отступление от ею же проповедуемых идей. Никогда русский народ не жил в демократии и в большинстве своем не испытывал потребности в ней. Только насилие и жестокость обеспечивали незыблемость власти в России; более того, признательностью и любовью народа пользовались цари-деспоты и кровавые тираны: Иван Грозный, Петр I, Сталин. Они умирали своей смертью; на заговоры, даже ропот против них народ не осмеливался, деспотов он не просто любил, он их боготворил и не только не покушался на их священные особы, но готов был отдать за них свою жизнь. Зато к либералам народ относился в лучшем случае презрительно. Царь-освободитель Александр II был убит террористами, отрекшийся от престола Николай II расстрелян вместе с женой и детьми, сделавшие робкие шаги к либерализму и демократии Никита Хрущев и Михаил Горбачев отстранены от власти, не народом, конечно, но при полном его безмолвии и даже одобрении.

Демократия в неподготовленной к ней стране легко превращается в демагогию, и это еще не худший вариант, в худшем она переходит в анархию, которую в свою очередь сменяет террор, и всё возвращается к той самой жесточайшей власти, которая на время была смягчена демократизмом и либерализмом.

Мы, русские, люди крайностей, золотая середина нас не устраивала никогда, и выбор для нас всегда был только между тиранией или анархией, дремучей богобоязненностью или богохульством и кощунством. Нечто среднее: законность в союзе с демократией, религиозность без экстремизма или умеренный атеизм – это не для нас. Либо оковы и кнут – либо ничем не ограниченная воля; либо религиозный фанатизм – либо воинствующий атеизм – третьего не дано…

Екатерина умела разговаривать со всеми просто и непринужденно. Вот и сейчас императрица улыбнулась Дидро, сверкнув зубами первозданной белизны. Ее зубы и, может быть, голос – это, то немногое, что оставалось в ней молодым.

- Дорогой, Дени, надеюсь, вы не станете возражать против присутствия при нашей беседе барона де Бегемота. Мы с ним очень давно не виделись, но я уверена: он не потерял остроту ума и дара предвидения, который когда-то меня поразил. Я даже думаю, что если бы он взялся за перо и объявил свои мысли и знания обществу, то был бы признан оригинальным философом, быть может, самым оригинальным.

- Вот как! – сказал Дидро, всматриваясь в Бегемота и не очень веря, что человек столь молодых лет может обладать хотя бы половиной тех достоинств, которые приписала ему Екатерина. Однако спорить он не стал и охотно согласился на присутствие Бегемота.

Философ расположился в кресле напротив стола, за которым спряталась императрица. Именно спряталась, так как в первую же встречу с великим французом стала жертвой его темперамента: порой он увлекался настолько, что забывал, кто перед ним, и вел себя бестактно. Когда он отстаивал какую-то идею, то говорил всё громче и громче, всё быстрее и быстрее, пока, наконец, не вскакивал и не начинал метаться по комнате, размахивая руками и почти крича. Он мог стукнуть

собеседника по плечу, по колену или больно вцепиться в него, не замечая этого. В первое же свидание с ним Екатерина получила несколько синяков и, не желая покрыться ими с головы до ног, решила прятаться от него за огромным дубовым столом, который служил ей надежным прикрытием.

У Дидро была забавная привычка срывать с себя парик и швырять куда ни попадя. Однажды он угодил им в Екатерину, она подняла парик и подала ему. Он поблагодарил, но вскоре опять стащил его со своей головы, смял и бросил в угол.

Императрица снисходительно относилась к чудачествам Дидро. В нем ее восхищал неукротимый, вечно ищущий ум.

Екатерина объяснила Бегемоту, что попросила философа проанализировать Наказ, который она обращала к Комиссии представителей всех сословий.

- Прежде, чем высказать свое мнение о Наказе, - попросил Дидро, - позвольте мне задать вам, ваше величество, несколько вопросов. Возможно, ответы ваши внесут какие-то коррективы в мое суждение об этом документе.

- Конечно же, извольте, обещаю вам отвечать совершенно искренно.

Насчет искренности императрицы следует сделать одно предупреждение: искусством лицемерия Екатерина владела в совершенстве.

- Не кажется ли вам, что от народа-раба нельзя ждать никаких подвигов, ничего гениального ни на войне, ни в науке, ни в литературе, ни в искусстве? – заявил Дидро, спрятав руки в карманы своего черного костюма, в котором неизменно являлся во дворец.

- Представьте, не кажется. Так мне казалось до тех пор, пока я не узнала достаточно хорошо мой народ. К тому же крепостное право не есть собственно рабство.

- Не уверен, - возразил философ. - Примеры рабства и его развращающих последствий видны у вас на каждом шагу. Вот прошлый раз вы жаловались на неопрятность русских, на их привычку жить в грязи. Но мне кажется, что любовь к чистоте во многом связана с качествами более серьезными. Ее внушает свобода человека. Я всюду вижу у вас только лакеев, а лакеи стремления к чистоте не имеют. Душа раба унижена, придавлена. Он даже к своему телу относится невнимательно,

так как сам себе не принадлежит. Это временный жилец, который не бережет чужого дома.

Неужели не очевидно, - продолжал Дидро, начиная ерзать в кресле, - что рабство крестьянского сословия негативно влияет на земледелие? Невозможность для крестьян быть свободными и владеть землею не ведет ли к плохим результатам?

- Я не знаю другой страны, - спокойно отвечала Екатерина, - где бы земледелец был более привязан к земле и к своему домашнему очагу, чем в России. Те из наших провинций, в которых народ свободен, производят не больше хлеба, чем те, в которых он не свободен.

- А вы не находите, - бесцеремонно вмешался в разговор Бегемот, - что вопрос о человеческой свободе, о допустимости или недопустимости рабства вы общими усилиями перевели в плоскость экономическую. Но вопрос этот прежде всего нравственный, а потом уже экономический. Знавал я одного мыслителя, который всю человеческую деятельность пытался свести к экономической целесообразности. Прогресс общества он усматривал в так называемом способе производства, в развитии производительных сил и производственных отношений. От морали он полностью отвлекался или приравнивал ее всё к той же экономической необходимости, утверждал, что добро это то, что служит экономическому прогрессу. Очень я сомневаюсь в справедливости таких суждений.

- Что это за мыслитель, о котором вы говорите? – заинтересовался Дидро.

- Некий Карл Маркс из Германии.

- Не слышал о таком, - признался Дидро.

- Не удивительно, - отозвался Бегемот, который нашел где-то пилочку и усердно подпиливал свои ноготки, - он пока еще никому не известен.

- Государственные интересы заставляют в первую очередь заботиться об экономических вопросах. Но, хорошо, давайте подумаем и о морали. Не думаю, что моя позиция, - самоуверенно заявила Екатерина, - уязвима с моральной точки зрения. Мораль разных народов неодинакова, она связана с их историческим опытом, их традициями. У нас говорят: что для русского благо, то для – немца погибель. Так можно ли со своим нравственным уставом лезть в чужой моральный

огород? Согласитесь, в каждом государстве есть свои недостатки, свои пороки и свои неудобства.

- Но есть же общечеловеческие нравственные ценности. Свобода – одна из таких ценностей. А от пороков, какими бы историческими традициями они ни были освящены, следует избавляться! - решительно сказал Дидро, вынимая руки из карманов. - Одним из таких пороков является почти полная безграмотность вашего народа. Я слышал, какой-то сибирский генерал-губернатор прислал вам проект всеобщего обучения грамоте народа российского. Как вы относитесь к такому проекту?

- Да, есть у нас один такой чудак. Прислал мне пространную записку, в которой предлагает обучать письму и счету всех без исключения, включая даже крепостных. Да еще советы дает, где деньги взять, чтобы тысячу школ построить. Я ему на это ответила: ты что, мил человек, совсем с ума спятил, да если мы народу нашему образование дадим, то он на другой день спросит, на кой черт мы с тобой ему нужны. Деньги где взять, я и без тебя знаю, нужно б было – не тысячу, а десять тысяч школ построили. Похоже, ты моих писем к Вольтеру и Дидро начитался, так это я им писала, а не тебе и тем более не русским крепостным.

Русские крепостные, господин Дидро, вовсе не прилежные ученики, они не будут вам благодарны за просвещение и не пойдут послушно за вами в лучшее будущее. Они отвратительные ненавистники, они на вас же обрушат дикую ярость и лютую злобу, на благодетелей своих. Они сначала уничтожат вас, романтиков и идеалистов, потом перережут глотки друг другу, а потом, кто еще выживет из них, снова покорятся силе самого ужасного головореза. Усмирять их придется тем же насильственным способом, что и сейчас, только делать это будет не просвещенный, образованный царь, а безграмотный и дикий хам, и методы он выберет самые жестокие. Всякое другое правление, кроме самодержавия, разорительно для России!

- Держать народ в темноте и невежестве в расчете на легкость управления им – опасное заблуждение. Такой народ в конце концов становится легкой добычей внешних и внутренних врагов, которые превращают его в слепое орудие мести или средство осуществления авантюрных прожектов. И тогда вчерашние пастухи

превращаются в баранов, но не для того, чтобы мирно пастись на зеленых лужках, а чтобы шкурой своей заплатить за глупость свою. Вы хотите лишить свой народ образования, но образование – это обретение человеком образа человеческого. Тогда, где же ваше милосердие, где та монаршая милость, о которой вы так много говорите?! – воскликнул философ.

- Думаете, я не пыталась быть милосердной? Я расточала свои щедроты, я даровала прощение мятежникам, я снижала налоги, я заботилась о сохранении низких цен на хлеб, я строила школы и новые города, усмиряла свирепость помещиков, издавала прогрессивные и справедливые законы. Так что вы думаете, они переполнены благодарностью?

Нет! Они дышат злобой, полны подозрительности и поддерживают Пугачева, неотесанного мужлана, насильника и убийцу. Их симпатии и пристрастия невозможно понять, они извращены до крайности.

- Отчего же нельзя понять? – вставил свои пять копеек Бегемот. – Они выросли в темноте и невежестве и понимают только тех, кто близок им по уровню и по духу, рафинированному интеллигенту-мечтателю они не поверят, просто не поймут его, оплюют и забросают камнями.

Это давняя мировая история. Христос даже не был интеллигентом, был сыном плотника, к людям шел с миром и добром. Чем они ему отплатили?! А держиморда для них свой, кулак им понятен, его они уважают и по-своему любят.

Дидро задал свой очередной вопрос:

- Как вы относитесь к выборам представителей в Государственную комиссию, с которой императрица должна поделиться частью своих прав?

- Скорее отрицательно, чем положительно, - с тем же спокойствием и уверенностью отвечала Екатерина. – Причем, в отличие от вас, основываюсь на собственном опыте, а не на умственных рассуждениях. Комиссия этих самых представителей мною собрана уже была, она должна была разработать свод законов Российской империи, но, кроме пустой болтовни, никакого дела не вышло. Ко времени вашего приезда к нам в деятельности этих горе-законодателей я успела полностью разочароваться.

Потом, может ли народ сам избирать законодателей. Он же будет безграмотных и бестолковых мужиков выбирать, лишь бы свои были. А власть должна быть компетентной, поэтому ее не выбирать надо, а назначать.

- Но назначаемая власть будет только о том думать, чтобы выслужиться перед императрицей, - запротестовал Дидро. Он поднялся и начал расхаживать по кабинету, будто мерил его шагами.

- А что в этом плохого? - парировала Екатерина.

- Да то, что сегодня у кормила власти, к великому счастью, стоит просвещенная и великодушная императрица, которая не стремится ни к чему другому, кроме добра. Но она не вечна. Что тогда? Где гарантия, что государство ваше будет управляться столь же разумно и успехи его будут теми же? К тому же демократия всегда имеет преимущество. Борьба и соревнование общей воли с частными интересами есть главное ее преимущество перед всеми другими формами правления.

- Возможно, возможно в абстракции вы правы. Но не касательно нашей ситуации. В смутное время какого-нибудь голодомора или пугачевщины нельзя созывать народных представителей и подвергать страну смертельному риску демократического управления. В такие времена народные представители либо перегрызутся между собой, деля остатки того, что еще не съедено и не разграблено, либо своей болтовней и претензиями отвлекут правительство от дела, либо призовут народ к восстанию, к революции со всеми ее ужасными последствиями.

В такие времена стране нужен сильный и решительный правитель, самодержец, если хотите, даже диктатор!

- Но тогда России никогда не дождаться демократии. У вас всегда либо голодомор, либо Разин с Пугачевым, либо то и другое вместе. Тогда Россия – это плод, который сгнил, не успев созреть, - мрачно, в глубоком волнении констатировал философ.

- Зачем же так безнадежно, дорогой Дени, - укоризненно сказала Екатерина. - Моя задача в том и состоит, чтобы обеспечить России сначала

спокойствие, десяток-другой лет без голода и Пугачева, а потом и о народном собрании можно подумать. Всему свой час.

Слушая этот спор, Бегемот подумал, что на стороне Екатерины исторический опыт не только прошлого, но и будущего: скоро собрание выборных от народа (так называемых Генеральных штатов) превратит легкую смуту во Франции в кровавую революцию, первой жертвой которой станет именно тот, кто созвал Генеральные штаты – король Людовик XVI.

- Я глубоко убежден, - продолжал свой допрос Дидро, - что страной должен управлять закон, а не прихоть монарха, пусть даже просвещенного. Что вы думаете о Конституции, о ее перспективах в вашей стране?

- Не знаю, Конституция, быть может, подходит цивилизованным народам, но русский народ от цивилизации европейского образца еще очень далек. Конституция обошлась бы России много дороже самодержавия. Даже лучшая из конституций, на мой взгляд, не более, чем хитрость и обман того же народа. Добрые и честные страдают от нее, и только негодяи чувствуют себя при ней распрекрасно, потому что набивают карманы, и никто им в этом не препятствует.

- И последний мой вопрос, государыня. Каково отношение ваше к евреям, которые были изгнаны из России? Думаю, что отношение к этому гонимому народу может служить показателем цивилизованности правления.

- Евреи, - отвечала императрица, - были изгнаны Елизаветой в самом начале ее царствования. Потом шла речь о том, чтобы их вернуть, но так как вопрос был поднят несвоевременно, то дело осталось в том же положении. В 1764 году, если память мне не изменяет, евреи были допущены жить и торговать в Новороссии. Белоруссия кишит ими. В Петербурге живут трое или четверо. Их терпят, обходят закон, делают вид, что не знают, кто они такие. Уверена, что допущение их в Россию сильно повредило бы нашим мелким торговцам; эти люди всё себе заграбастают и вызовут больше неудовольствия, чем дадут выгоды при возвращении своем в Россию.

Бегемот потом рассказал императрице о самой могущественной в XX столетии стране - Америке, которая не только допустила к себе евреев, но и позволила им

развернуться в ней. Екатерину этот факт заинтересовал, и она обещала хорошенько над ним поразмыслить.

Затем Дидро долго читал свои замечания к екатерининскому Наказу, кроме призывов к свободе, равенству и братству был в них совет не воевать, а сосредоточить силы на мирном строительстве и внутригосударственных реформах. «Кровь тысячи врагов, - возбужденно говорил он, - не искупит одной капли крови русской. Беспрестанно повторяющиеся триумфы придают, конечно, блеск царствованию, но делают ли они его счастливым? Мы находим, что создавать людей гораздо приятнее и славнее, чем убивать их».

Потом философ стал повторяться, Бегемоту стало скучно, и он чуть было не заснул. Очнулся он от крика Дидро и оттого, что его парик шлепнулся о стену над Бегемотом и упал ему на голову. Кот встрепенулся, вскочил и уставился на Дидро. Философ вошел в раж и о чем-то бурно спорил.

Впрочем, всё закончилось мирно.

Екатерина сказала:

- У вас горячая голова и у меня тоже; мы друг друга прерываем, не сходимся и говорим глупости.

- С той только разницей, - почтительно сказал Дидро, - что когда я прерываю ваше величество, то делаю великую дерзость.

- Я всегда с удовольствием слушаю вас, господин Дидро, - ласково, с улыбкой, как обращаются к детям или больным, сказала Екатерина. - Я вполне понимаю ваши великие принципы, но ведь с такими принципами можно только писать хорошие книги, а не дело делать. Составляя планы реформ, вы забываете разницу в наших положениях. Вы имеете дело с бумагой, которая все терпит. Она гладка и не ставит никаких препятствий ни вашему перу, ни вашему воображению, тогда как мне, бедной императрице, приходится иметь дело с кожей человеческой, очень раздражительной и щекотливой.

- Я – философ такой же, как и другие, то есть ребенок, болтающий о важных вопросах, - извинительно отвечал Дидро. - Все мы хотим добра, почему и

говорим иногда весьма зло. Тиран при этом хмурит брови, а ваше величество улыбается…

Зимой 1787 года Екатерина вознамерилась обозреть вновь приобретенные южные владения, отвоеванные у турков. Она выехала седьмого января с многочисленной свитой в сопровождении французского, английского и австрийского послов, рассчитывая по дороге встретить польского короля Станислава Августа и австрийского императора Иосифа II. Она ехала в золоченой карете, еще четырнадцать карет и более ста пятидесяти саней следовали за ней. На каждой станции поезд ожидали пятьсот шестьдесят сменных лошадей. Карета императрицы представляла собой салон-вагон, состоявший из кабинета, гостиной, спальной, небольшой библиотеки и уборной. Это удивительное транспортное средство тянули тридцать лошадей. Бегемот со светлейшим князем Потемкиным совершали путь во второй карете, уступавшей только императорской. В их экипаж были впряжены восемь лошадей.

Потемкин с Бегемотом был знаком несколько лет. Кроме Екатерины, только он знал, кто такой Бегемот, но был настолько горд, что никогда не просил его о помощи. Бегемот помогал сам, когда хотел. Григорий Потемкин был одним из тех, кто посадил Екатерину на трон, а в настоящее время был ее первым министром, ближайшим поверенным и постоянным любовником. Быть может, это был самый умный и способный человек в екатерининском окружении, что и сблизило с ним Бегемота.

Князь в дороге пытался играть с Бегемотом в шахматы. Вообще-то, играл он очень хорошо. Но шансов обыграть Бегемота у него не было. У Бегемота ни разу не выиграл никто из чемпионов мира и ни одна самая совершенная шахматная машина. Поняв, что ни в какие игры выиграть у Бегемота нельзя, князь, который терпеть не мог проигрывать, от всех игр с ним решительно отказался, чем только обрадовал кота. Но в целом они неплохо проводили время и еще больше сдружились.

Свита была столь пышной, что народ по пути кланялся придворным лакеям, принимая их за генералов. Потемкин из кожи вон лез, чтобы сделать путешествие максимально комфортным и впечатляющим. Стараясь превратить его в прекрасную

сказку, министру усердно помогал Бегемот. Знаменитые потемкинские деревни были делом его рук, а вовсе не декорациями из картона и теста, как думают сегодня. Появление их было поистине волшебным, но потом они не исчезали, а так и оставались на радость местной голытьбе.

Целые дворцы были построены для ночлега императрицы и ее спутников, а если приходилось ехать ночью, то вдоль дороги горели тысячи костров и смоляных бочек, превращая ночь в день. Так могущественный царедворец ради своей государыни и любимой провозгласил: «Да будет свет!».

Вот как описывал начало этого путешествия французский посланник граф Сегюр: «Бедные поселяне с заиндевевшими бородами, несмотря на холод, толпами собирались и окружали маленькие дворцы, как бы *волшебною силою* воздвигнутые посреди их хижин, дворцы, в которых веселая свита императрицы, сидя за роскошным столом и на покойных широких диванах, не замечала ни жестокой стужи, ни бедности окрестных мест; везде находили мы теплые покои, отличные вина, редкие плоды и изысканные кушанья». Как видите, мы имеем историческое свидетельство наблюдательного посла, что дело не обошлось без вмешательства волшебной силы.

Бегемот с Потемкиным иногда устремлялись вперед, обгоняя императрицу. И если им не нравилась какая-нибудь ветхая деревенька, то тут же от нее не оставалось и следа, а обалделые жители выглядывали из новых добротных домов. Кое-где даже возводились триумфальные арки с медными амурами наверху и стихотворными надписями. Бегемот проявил себя как великолепный рифмоплет и, пока светлейший размышлял над одним стихом, успевал навалять пять или шесть.

Порой князю приходилось даже сдерживать прыть нашего героя, так как он боялся, что императрица почует подвох, а ему хотелось, чтобы всё увиденное она приписала его усердию.

На три дня императрица захотела задержаться в Смоленске. Каждая такая остановка использовалась ею, чтобы принять возможно больше посетителей и просителей, максимально вникнуть в дела провинций.

Ненастным вечером, в жуткую стужу, небывалую для Петербурга, добрались до Киева. В древней столице для государыни был построен просторный дворец, в котором по обыкновению состоялся большой бал. «Весь Восток собрался здесь, - писал все тот же Сегюр, - чтобы увидеть новую Семирамиду, собравшую дань удивления всех монархов Запада. Это было какое-то *волшебное зрелище*, где, казалось, сочеталась старина с новизной, просвещение с варварством, где бросалась в глаза противоположность нравов, лиц, одежд самых разнообразных».

На этом балу императрица с Бегемотом затеялись играть в карты и общими усилиями объегорили местную знать на несколько тысяч рублей. В ту пору в Киеве был промышленник Демидов, внук тульского кузнеца, обласканного Петром I. Он тоже оказался в числе проигравших и тут же высыпал на стол груду червонцев. Императрица, наслышанная, что братья Демидовы подпольно организовали чеканку золотых монет, спросила его: «А какими ты, голубчик, монетами расплачиваешься, моими али своими?» Но тот не растерялся. Вскочил, приложил обе руки к груди и на весь зал провозгласил: «Матушка-императрица, и я весь твой и всё, что у меня, твое. Нужно будет, так и жизнь за тебя положу!» Екатерине понравилась находчивая лесть, она расплылась в улыбке и сказала: «За преданность хвалю. Но мой совет: грешить – греши, но меру знай».

Играли до десяти вечера, потом Екатерина в сопровождении Потемкина торжественно удалилась, а Бегемот остался охмурять красивых девиц и умудрился-таки увести одну прямо из-под носа родителей.

В Киеве в ожидании, когда ото льда вскроется Днепр, провели около четырех месяцев. И только в конце апреля на галерах отправились вниз по реке. Бегемот плыл с Екатериной на галере «Днепр», которая подняла адмиральский флаг. Флотилия была великолепна, она состояла из восьмидесяти судов с тремя тысячами матросов и солдат. Впереди шли семь больших ярко расписанных галер. «Множество лодок и шлюпок, - писал Сегюр, - носились впереди и вокруг этой эскадры, которая, казалось, создана была *волшебством*».

Обрати внимание, дорогой читатель, опять, в который уже раз, описывая это путешествие, французский посол употребляет слово «волшебство». У меня создается

впечатление, что этот пройдоха умудрился что-то нашпионить, что-то выведать о деятельности нашего великолепного Бегемота.

На луга со всей округи сгонялись стада овец и лошадей, а пастухи в выходных одеждах свирелями услаждали слух сиятельных путешественников. В жизни они так не играли – ни до, ни после.

По диким днепровским степям скакали многочисленные всадники в нарядных мундирах, придуманных светлейшим для новой украинской армии. И тут же, будто больше у них забот никаких, водили хороводы дивчины и парубки. Отовсюду слышались крики «виват» и задушевные украинские напевы.

Как было не плениться таким гостеприимством, как было не восторгаться краем, где вчера еще рыскала дикая татарва и хозяйничали поляки. Знатное шляхетство встречало императрицу льстивыми речами, а могилевский архиепископ витиевато изрек: «Оставим астрономам доказывать, что Земля около Солнца обращается, наше же солнце ходит вокруг нашей божественной повелительницы».

Путешественники приятно проводили время, переходя с галеры на галеру, изредка высаживаясь и отдыхая на берегу, устраивая небольшие пикники на лоне природы.

Днем императрица с котом часами стояли на палубе, любовались роскошью украинской весны. Сочная зелень окрасила берега, буйно цвели дикие яблони, груши и черешни. Сирень не только разнообразила палитру красок, но и повсюду источала густой аромат. Лиловые ирисы, желтые и красные тюльпаны обильно усеивали луга. Листья деревьев дрожали не от ветра, а от пения птиц.

После обеда Екатерина любила почитать французские и немецкие комедии или заняться собственным сочинительством. Под руководством Сегюра пробовала она себя и в стихосложении, но то ли учитель был не лучший, то ли ученица бездарна, но ничего толкового у них не выходило. Бегемот тем временем, устроившись с мольбертом на палубе, старательно выписывал днепровские берега. Иной раз он настаивал на остановке судна, чтобы успеть сделать очередной набросок поразившего его пейзажа.

Плоды своей графомании Екатерина проверяла на Бегемоте и, надо отдать ей должное, внимательно прислушивалась к его критическим замечаниям. Бегемот не был в восторге от ее литературных упражнений, особенно в области стихосложения. Часто, стараясь скрыть кислую мину, он высказывался примерно в таком роде: «Недурственно, особенно если учесть, что писала женщина, но, увы, это не Пушкин и даже не Лермонтов».

После таких слов ему неизменно приходилось читать самому из Пушкина и Лермонтова, но записывать под диктовку он не позволял. Царица, правда, пыталась хитрить, спровадит куда-нибудь Бегемота, а сама – скорее за перо. Но тут неизменно обнаруживалось, что она не может вспомнить ни строчки. Неизгладимое впечатление оставалось, а содержание терялось, улетучивалось из сознания.

Вечерами, которые были еще холодны, играли в фанты, шахматы и карты. В последних играх Бегемот не участвовал, потому что постоянно выигрывать было неинтересно, а притворно проигрывать он не хотел. Зато в фанты с участием симпатичных юных фрейлин играл с удовольствием.

Перед сном императрица любила садиться возле камина, звала к себе Бегемота, задавала ему множество вопросов, внимательно слушала. А еще любила императрица гладить и перебирать его шелковистые волосы.

Все вокруг были уверены, что Бегемот очередной любовник императрицы. На самом деле близость между ними была только однажды и то – очень давно, когда она еще не была царицей, но была молодой, стройной, привлекательной. Екатерина с трепетом вспоминала ту единственную ночь, когда она впервые испытала наслаждение и когда Бегемот поразил ее рассказами о ее славном будущем. Она готова была отдать что угодно за хотя бы еще одну такую ночь, но Бегемот решительно пресекал любые попытки в этом направлении.

Вообще Бегемот полагал, что слухи о маниакальном любвеобилии царицы несколько преувеличены. Но даже если бы это было так, то не ему судить ее, себя он считал тем, кто пробудил в ней любовную страсть…

В Каневе Екатерину встречал Станислав Август, пожертвовавший за три часа свидания с ней тремя месяцами времени и тремя миллионами денег. Своей короной

Станислав Август Понятовский был обязан Екатерине II, она возвела его на престол при поддержке прусского короля Фридриха II. Давно, двадцать пять лет назад, когда Екатерина была не императрицей, а Великой княгиней, а Понятовский не был королем Польши, а был ее посланником в России, они полюбили друг друга, и в их любви было не меньше платонического начала, чем чувственного. Станислав Август восхищался своей возлюбленной. Вот как описывал тогда он предмет своей страсти: «Она брюнетка ослепительной белизны. Брови у нее черные и очень длинные, нос греческий, рот как бы зовущий для поцелуя, рост скорее высокий, тонкая талия, легкая походка, мелодичный голос и веселый смех, как и характер. Она легко переходит от шаловливой игры к серьезной таблице цифр, которые ее нисколько не пугают».

Однако за время, что они не виделись, в лице и фигуре императрицы произошли разительные перемены. В ней еще можно было уловить следы былой привлекательности, но едва ли она могла теперь служить предметом чьей-либо страсти. Она располнела, в движениях уже не было прежней грациозности, густые каштановые волосы посеребрила седина. Для нее это было тем прискорбнее, что она достигла пика своей сексуальности, ее чувственность с годами не уменьшалась, а возрастала. Возможно, это была запоздалая компенсация за первые годы супружества, жизни с мужем, который не проявлял к ней ни малейшего интереса. Теперь Екатерина находилась в поисках всё новых и новых любовников, большинство которых были до неприличия молоды. Рассказывали, что подруга императрицы, графиня Брюс, пропускала сначала предполагаемых любовников Екатерины через свою постель, проверяя, годны ли они для нее. Она одновременно сожительствовала с двумя мужчинами, одним из которых непременно был князь Потемкин: в привязанности к нему императрица демонстрировала такое же постоянство, как в свое время к Григорию Орлову. Эротические подвиги императрицы дошли до Европы и снискали ей славное прозвище Мессалины Севера.

Понятовский был не только разочарован внешним видом своей былой возлюбленной, но и невниманием, которое она выказала. Встреча их была коротка,

задержаться в Каневе она не захотела, даже на балу, который был дан королем в ее честь, она отказалась присутствовать.

Императрица стояла вечером на палубе своей галеры, свита оставила ее, отправившись на бал к Станиславу Августу. Она тоже нашла некоторые изменения в облике своего любовника, но они не были столь глубокими. Ее даже задело, что он почти так же красив и моложав, тогда как она жила в страхе перед старостью, на пороге которой уже стояла. Екатерине хотелось принять приглашение короля, но она боялась, что растрогается, что забытая привязанность возродится вновь. И тогда – прощай все ее планы. А по ее замыслам Польша должна была быть присоединена к России.

«Когда-то я дала ему корону, теперь государственные интересы России требуют ее забрать», - думала Екатерина. В это время каневская гора засияла огнями, по ней сверху вниз по уступам была прорыта канава, наполненная горючим веществом. Оно было подожжено и казалось извергающейся лавой. А на вершине горы, как бы из жерла вулкана, взвились в воздух тысячи ракет…

Размышляя над будущей судьбой короля и его страны, французский посол сказал Бегемоту: «Одна лишь сила упрочивает независимость; она уже потеряна, когда вся надежда возложена на чужое покровительство. Только в случае готовности к борьбе можно внушить уважение к себе и найти союзников вместо покровителей». Бегемот вполне согласился…

Недавно завоеванные южные земли были отданы в управление князя Потемкина. За несколько лет своего правления он вчетверо увеличил население, главным образом за счет греческих, немецких, польских колонистов и расселения уволенных из армии солдат. Впрочем, для столь обширных мест оно по-прежнему было невелико. Там, где были голые степи, возникли богатые поселения. Князь не жалел денег, считая эти земли своими.

Не все, конечно, были в восторге от этих перемен, запорожские казаки, которых царский двор считал разбойниками и врагами всякого труда, почуяли конец своей волюшки и затаили недовольство. А светлейшего князя, подметив, что волосы у него всегда растрепаны, прозвали Грицко Нечесой.

Потемкин выехал навстречу императору Иосифу. Вскоре он сообщил, что император уже в Миргороде. Состоялась встреча двух царствующих особ, во время которой были обговорены планы союзнических действий против Турции.

Насколько Понятовский, у которого шаталась корона на голове, был напыщен и разыгрывал из себя властелина, не будучи им, настолько австрийский император, уступавший могуществом разве что Екатерине, был прост, скромен и непритязателен. Он прибыл сюда инкогнито под именем графа Фалькенштейна в сопровождении всего трех слуг.

Что ж, подлинная власть и действительное величие не нуждаются в пышных декорациях, как хороший товар не нуждается в назойливой рекламе.

Императрица выехала навстречу императору и встретила его на глухой дороге возле одинокого хутора, там они пробыли несколько часов. На хуторе никого не было, однако удалось раздобыть кое-какую еду. В роли поваров выступили Потемкин, генерал Браницкий и принц Нассау. Так как роль эта была для них необычной, обед получился отвратительный, чего и следовало ожидать от сановитых стряпух.

Под Полтавою была устроена грандиозная инсценировка Полтавской битвы. Никто не мог воспроизвести ее с такой точностью как Бегемот. В тот день 27 июня 1709 года он неотлучно был с Петром Великим, он помнил каждое слово царя, каждый приказ и каждый жест. И не было такого эпизода сражения, который не сохранила бы его память.

Своими советами он помог князю Потемкину воспроизвести в деталях все события и с удовольствием согласился исполнить роль Петра I. Лицом Бегемот был немного похож на Петра, а после искусно наложенного грима стал его полной копией.

В будущем никто из актеров, кроме разве что Николая Симонова, не исполнил роль Петра Великого с такой достоверностью, как это сделал наш разносторонний Бегемот.

Зрители расположились на специальной площадке на возвышении неподалеку от царского шатра. Из шатра уверенной походкой, в сапогах на огромных подошвах,

чтобы ростом приравняться к Петру I, вышел Бегемот, окруженный гвардейцами, игравшими роль сподвижников царя. К исполнителю роли Петра подвели коня, он не сел, а взлетел на него и помчался вдоль ощетинившихся штыками войск. «За дело, с Богом!» - звучно кричал Петр-Бегемот. В ответ ему разнеслось многотысячное «ура!».

«И грянул бой, Полтавский бой!»…

Потом все вместе отправились в Кайдак.

В восьми верстах от Кайдака расположились палаточным лагерем в живописном месте, на котором императрица предполагала построить новый город и назвать его Екатеринославом. В царском шатре отслужили молебен, и оба монарха совершили закладку собора на возвышенности, с которой был виден красавец Днепр с зелеными островами, изрезавшими его и ускорявшими течение. До сих пор стоит и цветет этот город, один из лучших на Украине. Только славу Екатерины у нее украли, в 1928 году он был переименован в Днепропетровск. Если кто-то думает, что в честь Петра I, то глубоко ошибается. Большевики назвали его в честь своего сотоварища, партийного функционера Петровского.

Флотилия миновала днепровские пороги. Пришлось высадиться недалеко от крепости Александровской, построенной всего семь лет назад. Встречая высоких гостей, комендант крепости распорядился дать залп из всех орудий. С берега наблюдали, как искусно и рискованно матросы вели свои суда между скал, вокруг которых бурлила и пенилась вода.

Потом направились в Херсон. В Херсоне Екатерина и Иосиф присутствовали на спуске трех военных кораблей. Австрийский император не мог оторвать взгляда от красавцев кораблей, один из которых был вооружен ста двадцатью пушками, небывалой по тем временам огневой мощью.

Потемкин стоял, широко расправив плечи; смотрел гордо, почти высокомерно, величаво подняв голову. Всё, что здесь делалось, делалось по его воле, и всё содеянное он считал своим детищем. Обращаясь к Бегемоту, он сказал:

- Смотри, друг, на могущество наше. А будешь там, в будущем, потомкам нашим поклонись и от меня передай: не знаю, как при вас, а при нас с матушкой-императрицей ни одна пушка в Европе без нашего позволения выстрелить не могла.

Иосиф обратил внимание на торжественный вид екатерининского фаворита и попросил перевести сказанное им.

- Барон де Бегемот, - сказала Екатерина, - скоро нас покидает. Князь просил его там, где он будет, рассказывать о силе нашей.

- О да, да! – подхватил Иосиф. – Россия – великая, могущественная держава! Ей сегодня в мире равных нет, нет равных и ее государыне – Екатерине Великой…

А дальше путешественники вступили в пределы Крымского полуострова, которому новая владычица вернула его прежнее название – Таврида. Императрица пожелала, чтобы ее охрана во время пребывания на полуострове состояла из воинов-татар, врагов христиан, к тому же презиравших женщин, держащих их в покорности и страхе. Этот дерзкий эксперимент вполне удался, быть может, потому, что в сиятельной властительнице женщину татары не видели.

Примечательной была остановка в Бахчисарае, в ханском дворце, который ни по размерам, ни по убранству не шел ни в какое сравнение с величественными дворцами северной столицы. Ничего удивительного в этом не было, потому что даже славящийся своей роскошью Версаль уступал великолепию петербургских дворцов.

Но сам факт пребывания в одном из центров мусульманского мира значил многое. С давних пор исходила отсюда угроза Руси и всему христианскому миру. Теперь же Крым был брошен к ногам Екатерины Великой, благодаря величайшей доблести полков князя Потемкина Таврического. Екатерина по сему случаю сочинила очередной поэтический шедевр:

Лежала я вечор в беседке ханской
В средине басурман и веры мусульманской.
О божьи чудеса! Из предков кто моих
Спокоен ночевал от орд и ханов их?

Когда радостная и гордая императрица как обычно бросилась выяснять мнение Бегемота, он посоветовал ей для большего лиризма прибавить к сказанному, что лежала она не в прямом смысле среди басурман, но и не одна, а со светлейшим князем и светлейший за ночь трижды выполнил свой долг перед ней, а, значит, и перед Отечеством. Екатерина расхохоталась, легонько шлепнула Бегемота по тому месту, где у котов растет хвост. Подшучивая над императрицей, Бегемот умолчал, что в ту же ночь посетил ханскую сераль, где были размещены семнадцать фрейлин царицы, и, как возвышенно писали поэты Востока, познал каждую из них не менее одного раза.

Наконец, путешествие достигло своего конечного пункта – Севастополя. Из окон дворца в Инкермане императрица с Потемкиным и Бегемотом любовались юным Севастопольским флотом. Глядя, как на десятках кораблей поднимаются белые паруса, как быстро они набирают ход, как ловко маневрируют, Екатерина с гордостью за себя и за свою Россию произнесла:

- Приобретение сие важно; предки дорого заплатили бы за него!

- Так ведь и мы, матушка, заплатили недешево, - сказал князь, и на глаза его навернулись слезы. Вспомнил светлейший сотни и тысячи простых русских мужиков и благородных молодых дворян, солдат и офицеров, которые отдали жизни свои за Крым, за этот флот, за могущество и славу России.

Бегемот прочитал его мысли и про себя подумал: «Чтобы сделал этот большой и сильный человек встреться он с теми, кто могущество это растранжирил и продал?» Бегемот даже поежился, зримо представив, как этот лев рвет на части предателей Отечества, как крушит смертным боем их никчемные головы огромными кулаками.

На другой день царица в сопровождении Бегемота, Григория Потемкина и еще нескольких придворных на одном из самых быстрых судов нового флота отправилась вдоль берега в сторону Феодосии. Разбили палаточный лагерь в маленькой безымянной бухточке. Императрица так пленилась ее красотой, что предложила дать ей название Эдем.

Пока матросы ставили палатки, а остальные занялись приготовлением к ужину, Бегемот позвал императрицу вдвоем прогуляться по берегу. Бегемот шел, поддерживая Екатерину под руку, ей приятно было чувствовать его руку, хотелось ближе прижаться к нему. Иногда какой-нибудь красивый камешек бросался ей в глаза, и она совсем не по-царски кидалась на него. Бегемот нашел большой красивый сердолик и протянул его Екатерине. На глазах Екатерины на сердолике появилось ее изображение. Похожий сердолик со своим портретом императрица подарила на прощание Дидро. Она благодарила Бегемота так, будто получила самый большой дар в своей жизни.

Бегемот рассказывал о том, что будет здесь через двести лет, стараясь не упоминать тех политических безобразий, которые могли быть ей неприятны. Она спросила, как люди в будущем будут называть эти места.

- Бухта, где мы остановились, так и будет называться Эдем, как ты ее изволила назвать. Та, что мы только что прошли, будет называться Чалки, а эта, - Бегемот кивнул головой, указывая на место, где они стояли, - Нюшка.

- Откуда такое странное название? – поинтересовалась императрица.

Бегемот рассказал, чему обязано происхождение названия этой бухточки.

Катерина слушала, но мысли ее были заняты другим. Ей хотелось близости со своим необыкновенным спутником, хотелось его ласк, безумно хотелось ощутить его в себе.

Бегемот проникся желанием Катерины, но не в его обычаях было спать с бабушками. А вокруг не было ни души, сама окружающая природа, море, небо, горы, располагала к интимности. В таких условиях отказать женщине было бы грешно.

И вот, в следующее мгновение перед Бегемотом стояла, млея от желания, совсем другая Екатерина, стройная, юная, девственная, какой была она сорок лет тому. Бегемот с императрицей занялись любовью. Екатерина была неподражаема: ее девственный вид сочетался с женской многоопытностью, что создало гремучую любовную смесь. Ну, а Бегемот, как всегда в этих делах, был на недосягаемой высоте…

- А теперь мне пора, - сказал Бегемот, нежно обнимая и целуя девушку, еще почти ребенка, - прощай, София!* (*Софией звали Екатерину II до того, как она приняла православие.)

Екатерина закивала, счастливо улыбаясь. Ее блаженство было столь глубоко и всеохватывающе, что не могло быть разрушено даже известием о немедленном расставании.

- Прощай, - прошептали в ответ влажные от поцелуя губы. – Увидимся еще?

- Да! Я приду успокоить твою грешную душу и проводить тебя в твой последний час. Но Там я не смогу защитить тебя, на Том суде нет ни прокуроров, ни адвокатов, каждый получает Там по делам своим…

Екатерина осталась лежать на песке, а Бегемот, бросив свои одежды, летящей походкой, зашагал вдоль берега в сторону Кара-дага. Мускулы его тела были не очень велики, но рельефны и гармонично развиты, ветер дул ему в лицо и развевал волосы. Екатерина, глядя на его удаляющуюся фигуру, думала, что такими должны были быть молодые боги Олимпа. Она любовалась им, пока он не скрылся из виду.

В тот же миг Екатерина обрела прежний вид. Она оделась, вздыхая, и пошла в сторону, противоположную той, куда ушел Бегемот.

Бегемот прошел несколько миль по берегу, потом столько же по горам. Он не спешил, хотя передвигался довольно быстро. Глаза его по капле, по глоточку впитывали красу гор и моря. Он стремился сохранить навечно в памяти каждую деталь, каждую мелочь каждого уголка этой дивной природы.

Нигде по дороге он не встретил ни души, только два мальчика-пастуха издалека заметили его, когда он был почти у цели. Они увидели как какой-то человек (на таком расстоянии его невозможно было хорошо разглядеть) не вскарабкался, а вознесся на Чертов палец. Он поднял руки над головой и стоял так несколько мгновений. Потом всё вокруг резко померкло, закатное солнце накрыла черная туча. А от Чертова пальца, пронзая небо, поднялся луч ярко фиолетового света. Человек секунду стоял внутри этого светящегося столба, а потом исчез.

Вместе с ним исчез и светящийся луч. Тучи пропали, будто их и не было, и вновь воссияло солнце.

ГЛАВА 15

Finita la comedia

Бегемот любил путешествовать по Млечному Пути, все сто миллиардов звезд которого знал наперечет. Он был патриотом нашей Галактики и, когда приходилось посещать другие, всегда тосковал по ней, искал в космосе ее очертания, которые напоминали ему две шляпы сомбреро, соединенные полями. Конечно, случалось видеть галактики помасштабнее, спирали которых были круто закручены, звезды ярче и больше не то что Солнца, но даже всей Солнечной системы, планеты населены существами много более разумными и цивилизованными, чем люди на Земле. Но Родина есть Родина - и этим всё сказано. Ему даже другие галактики нравились больше, если они были похожи на нашу, например, галактики в созвездиях Андромеды и Волос Вероники.

Если кто-нибудь думает, что лететь со скоростью в миллионы раз превышающей скорость света Бегемот мог в виде того самого молодого человека, похождения которого я до сих пор описывал, то он незнаком с современной физикой. Наука категорично утверждает, что это невозможно. Впрочем, ученые мужи полагают, что скорость света максимальна и не может быть превышена не то что в миллионы, но хотя бы в два или даже полтора раза. Не будем с ними спорить. Они близки к истине…, если речь идет о физических объектах. Но Бегемот путешествовал в виде объекта метафизического, нематериального или, как сказали бы верующие люди, в виде бесплотной души. Что такое бесплотная душа нашему отравленному атеизмом сознанию понять нелегко, поэтому прибегну к более доступному сравнению: он перемещался по просторам Вселенной в виде информации, своего рода телеграммы, которая по прибытии могла обрести необходимую физическую форму.

Он взял курс на созвездие Стрельца и уже через два часа, успев полюбоваться сияющими звездами, светящимися газовыми и пылевыми туманностями, попал в

самый центр нашей Галактики. Преодолев в общей сложности расстояние в 23 тысячи световых лет, Бегемот стремительно ворвался в коллапс, сверхплотную звезду, называемую астрономами черной дырой. Пройдя эту черную дыру, которая будет обнаружена земными астрономами только в конце XXII века и названа Ладьей Харона, Бегемот очутился в ином измерении. В том самом измерении, свидание с которым ожидает наши грешные души.

Здесь на планете, являющейся почти зеркальной копией Земли, находился региональный Департамент Воздаяния и Возмездия Млечного Пути при Демиурге, руководителем аналитического отдела которого был непосредственный шеф Бегемота, небезызвестный Воланд.

Департамент этот люди в разные времена называли по-разному: Шеол, Хадес, Тартарус, Геенна, но особенно закрепилось за ним краткое и ужасное имя Ад. В первом его круге души пустых и ничтожных людишек, не живших, а лишь пыливших и гадивших на Земле, бежали нагими, кусаемые слепнями и осами. Их кровь и слезы стекали под ноги, где их тут же глотали мерзостные скопища червей.

Во втором круге гонимые необоримой вьюгой носились души развратников, погубленные жаждой наслаждений.

В третьем, где вечно льется ледяной дождь и мокрый гной пронизывает непроглядный воздух, грязнорылый Цербер с багровыми глазами, вздутым животом и когтистыми лапами собачьим лаем облаивал души чревоугодников, ненасытных паразитов и обжор, которые вязли в смрадных болотах.

Души скупцов и мотов, а с ними тех, кто всю свою земную жизнь пребывал в злобном гневе, в четвертом круге дрались между собой похлеще кик-боксеров. Они наносили увечья не только руками и ногами, но и головой, норовили изгрызть друг друга, разодрать в клочья.

В круге пятом души жестокосердных людей сами себя терзали и рвали. Те, кого не трогали ничьи страдания, здесь были погружены в бездну страданий.

В шестом круге стоял смрад, каким смердят гноящиеся раны. В нем отбывали наказание души ростовщиков, алчных банкиров, тех, в ком жадность к деньгам затмевала все остальные желания и страсти. Они корчились от мук и истошно выли.

В потоках алой кипящей крови живьем варились души убийц и тиранов, не щадивших когда-то чужие жизни и проливших реки крови. Крик варившихся живьем был страшен. Это был круг седьмой.

Души лгунов, обманщиков, льстецов утопали в зловонной клоаке в восьмом круге Ада. Бесы стояли вдоль канавы, где барахтались эти нечестивцы, и баграми погружали их в дерьмо, нанося им жестокие раны. В таких же канавах, но наполненных кипящей смолой, принимали горячие ванны души лжепророков и проповедников, присвоивших себе право вещать от имени Бога. Стенали плача по самые головы вмерзшие в лед души грабителей и воров. Их слезы тут же замерзали на стуже и коркой покрывали лица. Клубки змей и других ядовитых гадов истязали души двуличных политиков, пауки и скорпионы проникали им в глотки и жалили их лживые языки. Объятые пламенем, живым костром горели души предателей. Дьяволы рассекали души царей и политиканов, затеявших раздоры и войны. Но потом обрубки срастались, и всё повторялось с невыносимым постоянством.

В кругу девятом, в самом центре Ада, восседал Люцифер. Он был огромен как гора. Тремя ужасными клыкастыми пастями он пожирал самых великих грешников на Земле. С каждым укусом князя тьмы преступные души чувствовали, как разрывается их плоть, крошатся кости, но они не погибали, их страшная мука продолжалась вечно…

Ничего подобного в Департаменте Воздаяния и Возмездия не было. Это было вполне современное заведение по исполнению наказаний. Условия содержания грешных душ здесь было вполне цивилизованным /мн. Число/, не то, что в наших украинских тюрьмах. От Ада, гениально нарисованного семь веков назад великим Данте, вездесущий прогресс не оставил практически ничего, разве только надпись «Каждому – свое». Да и та красовалась не на его вратах, а в актовых залах, где проводились агитационные и культурно-массовые мероприятия.

Аналитический отдел Воланда находился в старинном замке на берегу живописного озера в Альпах. Умышленно не говорю «швейцарских», потому что никаких стран и государств, в том числе Швейцарии, на Земле в другом измерении, по ту сторону черной дыры не было. От Швейцарии остался только величественного

вида швейцар, который приветливо встретил Бегемота у входа в замок. Они поболтали минут десять. Бегемот узнал последние новости. Швейцар сообщил, что Воланд с утра в своем кабинете и что он в хорошем настроении, если только никто его не успел испортить.

Бегемот похлопал швейцара по плечу и вошел в здание, которое внутри было вполне современным. У лифта толпились мелкие служащие: бесы и черти. Они были одеты в черные трико. Чертей от бесов можно отличить так. У бесов темные солнцезащитные очки и одинаково натянутые лица, они, как истые бюрократы, пытаются произвести впечатление своей значимости, на самом деле они ничего не решают и ничего не значат. Черти выглядят демократичнее, на их курносеньких розовых личиках неизменно надето выражение «чего изволите?», и хвосты они носят навыпуск.

Бегемот кивком ответил на приветствие чертей и бесов и решил не ехать на лифте, а подниматься с этажа на этаж, заглядывая к знакомым секретаршам – симпатичным молоденьким ведьмочкам. У секретарш тоже была одинаковая форма: коротенькие юбочки выше колен и почти прозрачные блузочки. Бюстгальтеры были запрещены, и Бегемоту доставляло удовольствие рассматривать натуральные достопримечательности их женской природы. Приятно ему было и то, что хвостов у ведьм-секретарш не было. Недавно, не прошло и ста лет, по отношению к ведьмам был введен прогрессивный обряд купирования хвостов по самый копчик.

Больше часа затратил Бегемот на любезности с ведьмочками, поднимаясь на шестой этаж в резиденцию Воланда. Рядом с приемной мельтешили черти с кипами бумаг, бесы с дипломатами в руках чинно стояли в очереди у двери.

Бегемот вошел в приемную, где ослепительной красоты секретарша растаяла от массы сделанных ей комплиментов. С секретаршами Воланда, как бы ни были они хороши, Бегемот дальше любезностей не шел, опасаясь ревности начальника.

Секретарша нажала на кнопку телефонной связи и елейным голосочком сообщила: «Господин Воланд, к вам советник Бегемот». В аппарате раздался голос шефа: «Пусть заходит».

- Мерси, моя прелесть, - бросил Бегемот секретарше и скрылся за высокими дубовыми дверями. Воланд сидел в большом кресле у камина, в котором неярко горел огонь не столько ради отопления, сколько ради приятности созерцания. Воланд в некоторых вопросах был старомоден, консервативен, любил старинную мебель, поэтому его кабинет, да еще гостиная и бильярдная, единственные во всем замке, были обставлены несовременно.

- Приветствую вас, мессир! – радуясь встрече с наставником, воскликнул Бегемот.

- Здравствуй, бродяга, - Воланд поднялся навстречу Бегемоту и тепло обнял его. – Наслышан про твои подвиги. Давно жду тебя с отчетом. Как там, если коротко?

- Если коротко, мессир, то паршиво.

- Что же, одни минусы, никаких плюсов? Так галдели про новое мышление, про перестройку, про европейский выбор, а в результате как всегда «фук»?!

- Ну, если поднапрячься, плюсы кое-какие выискать можно, но на каждый плюс по два минуса.

- Бери стул, - распорядился Воланд, - садись напротив меня и рассказывай.

Бегемот подхватил тяжелый стул с высокой спинкой и подтащил его ближе к камину. Воланд разместился в кресле, достал из жилетки большие золотые часы с алмазным треугольником на крышке, нажал на миниатюрную защелку. Крышка откинулась, раздалась приятная мелодия, которая играла до тех пор, пока Воланд не закрыл крышку…

Помнишь, дорогой читатель, как описывал Воланда Михаил Афанасиевич Булгаков? Росту он был не маленького и не громадного, а просто высокого. Что касается зубов, то с левой стороны у него были платиновые коронки, а с правой – золотые. Он был в дорогом сером костюме, в заграничных, в цвет костюма, туфлях. Серый берет он лихо заломил на ухо, под мышкой нес трость с черным набалдашником в виде головы пуделя. По виду – лет сорока с лишним. Рот какой-то

кривой. Выбрит гладко. Брюнет. Правый глаз черный, левый почему-то зеленый. Брови черные, но одна выше другой.

От того Воланда, который сидел перед Бегемотом, это описание отличалось разве что одной деталью. Никаких коронок, ни золотых, ни платиновых во рту не имелось, а были самые, что ни на есть, натуральные зубы, прекрасной сохранности, если учесть возраст нашего героя. И зубы эти отличались отменной белизной, вероятно, чистил он их пастой «Жемчуг» (делаю это предположение рекламного характера с целью поддержать отечественного производителя). Ну и, разумеется, костюм у него был другой, тоже добротный, но цвета темно-синего, а туфли черные. И никакого серого берета рядом не наблюдалось, а вот та самая трость действительно стояла в углу, где был письменный стол, старинный, красного дерева с зеленым сукном.

- Полчаса у нас есть, - сказал Воланд, засовывая часы на прежнее место таким образом, чтобы из карманчика выглядывала цепочка с брелком. – Рассказывай про плюсы с минусами.

- Взять хотя бы религию, - с готовностью начал Бегемот. - Хорошо, конечно, что, наконец, поняли, что без веры отдельный порядочный человек, какой-нибудь Вольтер или Дидро, прожить может, а вот народ непременно в пропасть ухнет. Вроде бы плюс, что религию зауважали. Но кроме естественного и традиционного для Украины православия допущены и агитируют с утра до вечера разные сомнительные секты. По телевидению заокеанские проповедники с шарлатанскими физиономиями взахлеб рассказывают о том, как они уверовали, и Бог их не забыл, поцеловал во все места и озолотил. Каждая вторая передача у них на тему денежек, как они, значит, плывут к ним и к их пастве. У них один Бог – доллар. На него они молятся, но при случае готовы обменять на евро.

Вчерашние коммунистические бонзы, гонители религии, теперь разыгрывают религиозное усердие, но их усилиями на смену формальному атеизму может прийти только ханжеская религиозность. Народ же, мессир, в массе своей безрелигиозен, у него отняли коммунистические ценности и идеалы, но взамен не дали никаких.

Наконец, само православие стараниями политиканов расколото на три конфессии, хотя важнейшая задача религии, по моему разумению, особенно в смутные времена состоит в единении народа. Но разве может раздробленная церковь справиться с такой задачей?!

Бегемот посмотрел на руководителя. Тот бесстрастно молчал. Бегемот продолжал:

- Вроде бы утвердилась свобода слова. Теперь за это самое свободное слово могут, конечно, убить из-за угла, но осудить на законном основании не могут. Раньше на предприятиях пишущие машинки на праздники под замок прятали, чтоб кто-нибудь, не дай Бог, десяток листовок не отпечатал, теперь же множительной техникой на каждом углу торгуют. Журналисты, газетчики что душе угодно пишут и почти всё публикуют. Это, конечно, плюс.

Но информация, я так понимаю, нужна не сама по себе, а чтобы, действовать сообразуясь с нею, что-то к лучшему менять. А этого как раз и нет. Раньше если газета что-то критиковала, то это тут же исправляли или по крайней мере виновника находили и наказывали. Теперь же по пословице: собака лает – караван идет. Журналисты критикуют, изобличают, а «изобличенные» на них плевать желают.

Да и газетчикам теперь мало кто верит, понимают, что за сотню баксов они готовы исказить факты, за двести – переврут всё до неузнаваемости, а за триста – придумают любую небылицу…

В таком духе, перечисляя скромные плюсы и куда большие минусы, информировал Бегемот своего шефа. Выслушав советника, тоскливо глядя на него зеленым глазом, Воланд сказал:

- Готовься обо всем рассказать на Совете. Я собрал всех наших мудрецов. Хочу, чтобы они тебя послушали и выработали рекомендации. Верховный Разум торопит, требует от нас дельных предложений. У меня такое впечатление, что наверху что-то готовится. Армагеддон – не Армагеддон, но что-то серьезное.

Если хочешь с мудрецами пообщаться, отправляйся в парк, они с утра там. А у меня несколько неотложных дел, управлюсь – всех позову.

В приемной Бегемот столкнулся с Булгаковым.

- Ба! Сколько лет, сколько зим, - воскликнул писатель, горячо пожимая руку Бегемота. – Как дела, что новенького?

- Да вот, можно сказать, с корабля на бал, только что вернулся с вашей Родины, Михал Афанасич. А через час-другой буду о командировке перед Ученым Советом отчитываться.

- Так, это самое, Совет-то сегодня расширенный, не только философов, но и всех русских писателей и украинских письменников собрали.

- Да видал я их, - сказал всё подмечающий Бегемот. - Русские бесцельно шатаются, а украинские – в ресторан подались - перекусить на халяву.

Украинцы все до одного прибыли из Рая, а там покушать дают только после того, как вознесешь хвалу Господу, хорошенько пославишь Создателя. Вообще Рай устроен по принципу «кто не работает, тот не ест», а, как известно, главная работа душ в Раю состоит в том, чтобы славить Бога.

- А я, вот, хочу по одному делу с Воландом поговорить, - вполголоса произнес Михаил Афанасьевич и умолк, явно ожидая вопроса: «по какому?».

- Вряд ли он успеет принять, сказал, срочные дела. А что за дело-то, если не секрет? – поинтересовался Бегемот.

- Да никакого секрета. Месяца четыре как к нам в Рай была определена дочка Мастера и Маргариты, Катенька. Первое время всё с папой, с мамой общалась, а теперь заскучала; неинтересно, говорит, тут у вас. Хочу, вот, Воланда попросить ее к себе забрать. Здесь, признаться, и мне нравится. Сам бы сюда махнул, да нагрузок на меня в Союзе писателей навешали жуть. Я, как мог, от них отбивался, но уломали. Теперь уже неудобно отказываться.

- Если не возражаете, Михаил Афанасьевич, идемте со мной, всё равно сейчас к шефу не попасть. А по делу вашему сразу после Совета вместе подойдем.

- Согласен, - отозвался писатель, и они сели в лифт, который только что подъехал с дюжиной чертей, бесов и грешных душ.

Пока ехали в лифте и шли к парку, Булгаков поведал Бегемоту, что Катенька в земной своей жизни почти повторила судьбу матери: тоже вышла замуж за нелюбимого, но богатого человека, тоже стала ведьмой. Только, увы, такого, как

Мастер, не встретила и от того томилась тоской и пребывала в состоянии перманентного климакса.

В ухоженном, с аккуратно подстриженными кустарниками парке на лужайке с сочной травой резвились философы. Они раздобыли в ресторане замка скатерть, расстелили ее прямо на траве и уставили легкими винами и закусками. Воланд распорядился крепких вин и тем более водку им до Совета не выдавать. После Совета – на здоровье, а до – ни-ни.

Философов было много, сотни две не меньше, но благодаря возможности пространственно-временного сжатия, свойственного Земле в ином измерении, все они уместились вокруг сравнительно небольшой скатерти. Да и напитков с закусками, благодаря все той же возможности, хватало на всех.

В глаза бросалась бочка Диогена, довольно внушительных размеров, модернизированная, комфортная внутри и используемая не только для жилья, но и как средство передвижения. Диоген по обыкновению ничего не просил, но Воланд из личной симпатии за счет конторы заказал ему десяток стационарных бочек с небольшими наделами земли в самых лучших уголках планеты. Теперь философ использовал их под дачи, которые после просмотра сериала «Рабыня Изаура» пристрастился называть фазендами. Добирался он до них исключительно в своей амфибии: титановой бочке-амфоре, которая и летала, и плавала, и ездила по дорогам и бездорожью. За каждой фазендой присматривали одна-две женские души, так что у Диогена составился немаленький по современным меркам гарем.

Диоген первый заметил Бегемота, но тот дал ему знак не поднимать шума. Вместе с Булгаковым тихо подошли они к компании философов и пристроились за их спинами.

Философы всех времен и народов, которые при Воланде составляли что-то вроде мозгового центра, как обычно тусовались в парке возле замка и развлекались азартными играми. Одной из самых азартных и любимых ими игр была так называемая трансцендентная разминка. Кто-то один предлагал тему для размышлений, а остальные обсасывали ее со всех сторон, развивали вширь и вглубь…

Пытливый читатель, должно быть, задается вопросом, как могли общаться друг с другом философы разных стран и эпох. К примеру, наш Григорий Сковорода хоть и был полиглотом, но ведь не до такой степени, чтобы свободно говорить, скажем, с Конфуцием, а древний китаец, ясное дело, не мог знать русский и тем более украинский. Однако всё просто, таково было устройство Земли в ином измерении: говорили на своем языке, но прекрасно понимали другие языки, что же касается философов, то они даже могли говорить на других языках, не испытывая никаких затруднений. В Раю дело обстояло еще проще: все говорили на том языке, на котором общались люди до Вавилонского столпотворения. Так что языковая проблема здесь была разрешена принципиально, и никаких скандалов и разборок, чей язык лучше, на каком говорить, а на каком нет, слава Богу, не было.

Сегодня тему предложил Вольтер: «Зло летает на крыльях, а добро ползает как черепаха».

Свои мысли на этот счет поспешил высказать наш соотечественник Василий Розанов:

- Злодеяния, - сказал он, - льются, как свободная песнь; а добродетельная жизнь тянется, как панихида. Отчего это? Отчего такой ужас? Посмотрите, как хорош «Ад» Данте и как кисло его «Чистилище». То же между «Потерянным Раем» Мильтона и его же «Возвращенным Раем». Отчего? Отчего?!! Порок живописен, а добродетель так тускла…

Вообще, русские философы в философию шли от литературы, от поэзии, недаром Достоевский говорил, что философия – это та же поэзия, только высший градус ее, и потому любили больше вопрошать, риторически восклицать, чем сухо и логично исследовать и разъяснять.

Яков Бёме продолжил разговор:

- Без зла всё было бы так же бесцветно, как бесцветен был бы человек, лишенный страстей; страсть, становясь самобытною, - зло, но она же – источник энергии, огненный двигатель. Доброта, не имеющая в себе зла, эгоистического начала, - пустая, сонная доброта.

После сказанного Бёме случилась некоторая заминка, и взоры присутствующих обратились к признанному авторитету, аксакалу философской мысли – Сократу. Древний грек, который в потустороннем мире захотел сохранить тот физический вид, в котором принял смерть, и потому выглядел много старше остальных, решил затронуть вопрос о том, почему люди совершают злые поступки:

- Люди совершают зло, - заявил он, - по неведению, истина и добро совпадают, а мудрость и нравственность нераздельны между собой. Человек не прибегнет к злу, если будет знать что такое добро. Существуют три основных добродетели: это умеренность (знание, как обуздать страсти), храбрость (знание, как преодолеть опасности) и справедливость (знание, как соблюдать законы).

Философы должны дать людям знание того, что есть добро, и знание того, что есть зло. Зная лучшее, люди не будут стремиться к худшему.

- Ерунда, - заявил китаец Сюнь-цзы.

Души восточных философов предпочитали держаться особняком и не упускали случая едко зацепить кого-нибудь из авторитетов Запада.

- Человек имеет злую природу. Он от рождения стремится к выгоде, от рождения проникнут ненавистью. Пускай он даже будет знать, что такое добро, но по природе своей все равно будет стремиться к злу. Нужно вытравливать злую природу человека либо мягким воспитанием, либо, если потребуется, жестоким наказанием.

- Какова бы ни была природа человека, доброй или злой, - вмешался дипломатичный Платон, - но все, я думаю, согласятся с тем, что о добре должно заботиться правительство. Пока в государствах не будут либо царствовать философы, либо искренно и удовлетворительно философствовать властители, пока государственная сила и разум не совпадут в одно, до тех пор для всего человеческого рода не будет конца злу.

- Платон хочет соединить несоединимое, - возразил Аристотель, любивший поспорить со своим учителем. - Дело в том, что властители не умеют философствовать, потому что к власти их приводит отнюдь не философия, не разум и тем более не добродетель, а сила, наглость и хитрость. Они уважают силу и

презирают философскую мысль. Философы же, напротив, любят мудрость и презирают власть. Поэтому они не хотят быть властителями.

Аристотеля поддержал Гераклит, который был из царского рода Кодридов, но отказался от короны: царской власти он предпочел игры с детьми на ступенях храма Артемиды Эфесской, того самого храма, который через сто лет после смерти Гераклита сожжет безумец Герострат.

- Но уж если мы заговорили о власти в связи с проблемой добра и зла, - вступил в разговор всегда улыбчивый Эпикур. - То нельзя обойти молчанием верховную власть, то есть Бога. Почему Бог допускает зло? Я думаю, что Бог или хочет устранить зло и не может; или может, но не хочет; или и не может, и не хочет; или же может и хочет. Если хочет и не может – он бессилен, а таковым Бог быть не может. Если может, но не хочет – он равнодушен или злокознен, что, конечно, чуждо Божеству. Если не хочет и не может – он и равнодушен, и бессилен, а, следовательно, он не Бог. Если же он и хочет, и может, что единственно пристало Божеству, то откуда возникает зло? Или почему Бог его не устранит?

- Одного понять не могу, - раздраженно проронил Фома Аквинский, который с Эпикуром и другими материалистами был в перпендикулярных отношениях, - как я, подаривший миру пять неоспоримых доказательств бытия Бога, попал в одну компанию с этим богоотступником и атеистом…

Хвастливое упоминание пяти «неоспоримых доказательств» вызвало у Канта ироничную ухмылку. Фома же принялся вразумлять античного атомиста:

- Зло, Эпикур, происходит не от Бога, а от человека, который злоупотребляет дарованной ему свободой воли. В существе своем ничто не может быть злом. Всякое существо является добром, и зло существует только как составная часть добра. Я согласен с Августином (где он, кстати, я его сегодня не видел), который утверждает, что всё, что существует, есть добро. Только я бы уточнил: всё, что существует в своей изначальной, божественной сущности.

Коль скоро Бог есть всеобщий распорядитель всего сущего, должно отнести к его провидению то, что он позволяет отдельным недостаткам присутствовать в некоторых частных вещах, дабы не потерпело ущерба совершенство всеобщего

блага. Если устранить все случаи зла, то в мироздании недоставало бы многих благ, была бы нарушена гармония мира. Так, без убийства животных была бы невозможна жизнь львов, а без жестокости тиранов – стойкость мучеников. Добро первично, а зло вторично. Добро абсолютно, зло относительно. Зло, хотя и умаляет благо, однако никогда не может его вполне уничтожить.

- Вот именно, - сострил Эпикур, - вот ведь не смог ты меня уничтожить и вытравить память обо мне из истории философской мысли.

Оставив выпад Эпикура без ответа, ангельский доктор продолжал:

- Суть зла в разрушении и противостоянии добру. Если бы зло когда-нибудь смогло разрушить полностью добро и восторжествовать над ним, то после оно должно было бы начать разрушать самое себя. Поэтому я полностью согласен с тобой, Аристотель, когда ты говоришь, что если бы нечто было целокупно злым, оно разрушило бы само себя.

Аристотель, который тихо беседовал с Бегемотом, услышав свое имя и поняв, что Фома, ссылается на него, согласно закивал. Вообще, Аристотелю нравился Аквинский, который ставил его выше Платона и постоянно цитировал как непревзойденный авторитет. У него даже складывалось впечатление, что Фома знает его творения лучше, чем он сам.

А Бёме в поддержку Аквинского театрально поднял руку и торжественно заявил:

- Зло враг самого себя, начало беспокойства, беспрерывно стремящееся к снятию самого себя. Подобно тому, как солнечный свет являет себя на темном сосуде, так всякий свет нуждается во тьме, всякое добро нуждается во зле, чтобы проявить себя внешним образом, стать заметным. Всё становится видимым лишь в том, что ему противоположно.

И так как Фома не собирался говорить дальше, а потянулся за бутылочкой вина, Бёме взял инициативу диспута в свои руки:

- Я созерцал необъятную глубину этого мира, наблюдал за солнцем, звездами, облаками, дождем и снегом, представлял себе мысленно всё творение этого мира и находил добро и зло, любовь и гнев во всем – не только в людях и в

животных, но и в неразумной твари: в дереве, камнях, земле и стихиях. Я убедился, что добро и зло присущи всему: не только тварям, но и стихиям, что безбожники так же блаженствуют, как и люди благочестивые, что варварские народы располагают лучшими землями и наслаждаются большим счастьем, чем народы благочестивые. Это повергло меня в печаль и сильно огорчило.

Мир стоит посреди Ада. Ибо он покидает любовь и предается жадности, лихве и живодерству, и нет больше милосердия в нем. Каждый кричит: были бы у меня только деньги! Сильный высасывает у слабого мозг из костей и выжимает из него пот насилием. Словом, везде только ложь, обман, убийство и грабеж и справедливо зовется мир гнездом или домом дьявола.

И что такое земная жизнь? – долина плача, наполненная скорбью, постоянным убийством, войной, борьбой и раздором. Миром правят четыре сына дьявола: Гордость, Жадность, Зависть и Гнев, - трагическим голосом заключил Бёме.

- А мне, кажется, - возразил Бернард Мандевиль, который пока другие разглагольствовали усердно наполнял свой желудок вином и закусками, - что все вы, даже те, кто признает необходимость зла, всё же недооцениваете его. То, что мы называем в этом мире злом как моральным, так и физическим, является тем великим принципом, который делает нас общественными существами, является прочной основой, животворящей силой и опорой всех профессий и занятий без исключения; здесь должны мы искать источник всех искусств и наук; и в тот самый момент, когда зло перестало бы существовать, общество должно было бы прийти в упадок, если не разрушиться совсем.

- Добро и зло – это две реки, которые так хорошо смешали свои воды, что их невозможно различить, - поддержал Мандевиля Пьер Буаст.

- Это справедливо! - подхватил Фридрих Ницше. - Я вообще думаю, что мораль, проповедующая добродетель и отвергающая зло, отрицает жизнь. Жизнь развивается в борьбе, в противоречии, она заквашена на непримиримом противоборстве добра и зла, и так как добродетельная мораль хочет искоренить всякое зло, она, тем самым, лишает жизнь источника и первопричины ее развития.

- Отлично сказано, - оживился до сих пор молчавший маркиз де Сад, - обратите внимание, я утверждал эту замечательную мысль не только словом, но и делом, примером собственной жизни. Какие только гадости я ни творил ради утверждения идеи справедливости и полезности зла. Разве мы не видим, как люди злонамеренные спокойно живут в довольстве и роскоши, которые недоступны слабым и глупым, несмотря на их рьяную приверженность добродетели?!

Вы хотите, чтобы вся Вселенная была добродетельной, и не чувствуете, что всё бы моментально погибло, если бы на земле существовала одна добродетель. Только слепой не видит, что ваш Бог – это скопище противоречий, нелепостей и не соответствующих действительности атрибутов. Бог любым здравомыслящим человеком должен восприниматься как глупый вымысел. Ах, как он добр, этот ваш Бог, который творит зло и допускает, чтобы его творили другие. Ваш Бог – это символ высшей справедливости, с чьего благословения невинные всегда угнетены, это символ абсолютного добра и совершенства, который творит только неправедные дела! Признайте, что существование такого Бога скорее вредно, нежели полезно для человечества. Самое разумное – это устранить его навсегда…

Конечно, я понимаю, что людей выгодно дурачить, чтобы подчинить их себе. Но из этого не следует, что мы, мыслители, должны обманываться сами.

В надменной улыбке скривив свои тонкие губы, маркиз обвел окружающих колючим взглядом, а потом заключил воспевание зла ссылками на природу:

- Бога нет, но есть природа, которая говорит нам: помните, всегда помните, что всё зло, которое вы наносите ближнему, воздастся вам добром и сделает вас счастливыми. Законы природы гласят: вы должны истреблять друг друга и без конца, и без раздумий вредить ближнему своему. Поэтому природа вложила в нас неистребимую потребность творить зло, ибо желает нам добра.

- Замолчи, нечестивец, - визгливо вскричал блаженный Фома, - если бы ты жил в мое время, познакомился бы с зубами Люцифера. А теперь, только потому, что неисповедимы пути Господние и велико терпение его, находишься среди нас. Какой ты мыслитель, ты грязный пачкун. Меня тошнило, когда я читал эту дрянь под названием «120 дней Содома».

- Но, все-таки, читал, и не ты один. Мои творения знают миллионы людей, а кто читает тебя, кому интересны твои поповские сентенции с претензией на истину?! Тьфу на тебя!

- Ах, паскудник, он еще плюется, ну, погоди! – Фома подхватил посох Диогена и бросился было на своего обидчика, но его остановил Диоген, ухватившись за свою палку:

- Томас, постой, стоит ли о него марать мой посох. Конечно, маркиз – личность нам всем несимпатичная. Он и гедонизм, и киническую философию извратил и довел до абсурда. Но его сомнения в существовании доброго Бога одолевают и меня. Сколько уже веков мы здесь прохлаждаемся. Сколько раз просили и Воланда и других, кто имеет власть и силу, представить нас Богу. Ответ один: не время. На Земле его никто не видел, здесь – никто. Подозрительно как-то.

- Господа, неужели вы не поняли до сих пор – Бог умер! - мрачно изрек Альбер Камю.

Тут менторским тоном заговорил Гегель, который считал себя самым великим философом всех времен и народов:

- Бог, несомненно, есть, он не умер, но существует он в форме Абсолютной идеи, а не старичка с бородой, с которым можно было бы за руку поздороваться. Сомневаться в существовании Мирового Разума могут только мерзавцы, вроде де Сада и циники, вроде Диогена.

Теперь – касательно зла. Зло не наличествует в природе, и творец всего сущего не ответственен за него. Зло порождено человеческим разумом и наличествует в сфере человеческого познания. Человек стал злым по вине познания; в Библии это изображено в рассказе об Адаме, который вкусил от древа познания добра и зла.

Нужно признать, - продолжал Гегель, - что познание действительно является источником всякого зла. Познание впервые полагает противоположность, в которой предстает зло. Камень, растение, животное не являются злыми. Зло приходит в мир вместе с человеком, который, в отличие от животного, сознает себя как самостоятельное существо и как самостоятельное существо обособляет себя от всего остального. И не только обособляет, но и противопоставляет. Зло в глубинной сути своей означает обособление человеческого «Я», обособление, которое отделяет человека от Всеобщего, от Бога.

- Но почему же ваш христианский Бог допустил Адама до этого самого древа познания, он что не мог предвидеть, что дело кончится скандалом? – почесывая пятку, иронично спросил Диоген**.** Он развлекался тем, что пожирал маслины, а косточки пулял в собратьев по любомудрию.

- И мог и, по всей видимости, предвидел, - отвечал немецкий диалектик, которого невозможно было поставить в тупик никаким вопросом. - Всеведущий Бог не мог не знать, что его запрет вкушать плод от древа познания будет нарушен первыми людьми. Вы спрашиваете, отчего же он допускает это грехопадение? Оттого, что хочет, чтобы человек сам дошел до тех истин и того совершенства, которыми мог бы изначально его наделить. Но тогда человек превратился бы в марионетку, а сами эти истины и это совершенство были бы обесценены. Поэтому Бог наделяет человека свободой воли и дает ему возможность нравственного самоопределения и свободного выбора.

Первый человек Адам был близок к Богу, но не совершенен, поэтому он и был удален от Бога, изгнан из Эдема. И тысячи лет затем дети Адама искупали ошибки своего прародителя и совершенствовались сами, дабы достичь, наконец, идеала.

Таков путь развития человечества: сначала несовершенный, но близкий к Богу Адам, затем столь же несовершенные, а к тому же удаленные от Бога дети Адама, а

затем последний Адам, который есть дух животворящий. Сыны же Адама, то есть люди, человечество – это та почва, то основание, на котором восстанет последний Адам.

Обычно критически относящийся к заумным рассуждениям Гегеля Артур Шопенгауэр неожиданно поддержал своего соотечественника:

- Да, такова жизнь – течет кровь и пот целых народов, чтобы единицы из тысяч достигли совершенства.

- То, о чем говорит Гегель, - решился внести свою лепту в философский диспут Григорий Сковорода, - я понимаю так: истинный человек и Бог суть едины, а добро, как и Бога нужно искать в сердце человека.

В чём-то соглашаясь с Гегелем, а в чём-то оспаривая его слова, Николай Бердяев, может быть, самый выдающийся русский философ, сказал, покручивая свою жидкую бородку:

- Первородный грех не мог иметь начала во времени и в том мире, в котором все мы когда-то жили. Грехопадение совершилось предвечно и предмирно, и из него родилось время – дитя греха и данный человеку мир – результат греховности.

Кто мы? Обиженная невинность, пленники у внешнего зла, порабощенные чуждой нам стихией, или мы преступники перед высшей правдой, грешники, порабощенные внутренней для нас силой зла, за которую мы сами ответственны?

Зло абсолютно алогично, противно Логосу, непознаваемо, бессмысленно. Апология зла – это идеология слабодушных, безвольных и безразличных. Только на отрицании зла и утверждении добра формируется личность.

Древний змий соблазнял людей тем, что они будут как боги, если пойдут за ним; соблазнял высокой целью, имевшей обличие добра, - знанием и свободой, богатством и счастьем, соблазнял через женственное начало мира – праматерь Еву. Несомненное зло мира – убийство, насилие, злоба – это последствия начального зла, которое соблазняло обличием добра. Соблазн змеиного знания не потому греховен, что само знание греховно, а потому, что соблазн этот на деле есть незнание, так как действительное знание дается лишь слиянием с Богом.

Вступив на путь зла, люди стали не богами, а зверями, не свободными, а рабами, попали во власть закона смерти и страдания. Человек, занимающий иерархически высшее положение, призванный быть добрым царем природы, заразил всю природу, все низшие существа грехом и отступничеством и стал рабом той низшей природы, перед которой так страшно виновен.

Только религия Христа осмысливает космическое значение человечества. Основа истории – в грехе, смысл истории – в искуплении греха и возвращении творения к Творцу, в свободном воссоединении всех и всего с Богом. Существование зла не только не аргумент в пользу атеизма, не только не должно восстанавливать против Бога, но и приводит к сознанию высшего смысла жизни, великой задачи мировой истории.

В этот момент на лужайке, где велся философский спор, появился уже знакомый нам швейцар, который от имени Воланда пригласил всех в конференц-зал. Философская братия шумной ватагой направилась в замок. За ними поспешили Бегемот с Булгаковым.

Конференц-зал находился на третьем этаже. За каждым членом Совета здесь было закреплено свое кресло с пультом для голосования. Появление Воланда встретили аплодисментами. Дождавшись, когда они смолкли, Воланд сказал:

- Господа философы, больше полугода советник по Восточной Европе и постсоветскому пространству Бегемот находился в командировке на Земле, конкретно на Украине, которая стала независимой страной. Другие советники побывали в других уголках Земли. За эту неделю нам предстоит выслушать их всех. Сегодня очередь Бегемота. На основании сделанных советниками наблюдений мы должны не только составить впечатление о том, что творится на Земле, но и предложить рекомендации, которые помогут Верховному Разуму выработать стратегию дальнейших действий.

После этого вступления Воланд пригласил Бегемота за кафедру. Бегемот, который до этого пристроился в первом ряду в компании семи мудрецов, легко взбежал на сцену, перемахнув через несколько ступенек. Ему не было нужды разыгрывать солидность перед учеными людьми, которые умели отличить форму от

содержания. Ведь это только в глазах простаков глупость, сказанная со значительным видом, перестает быть глупостью, в глазах же людей умных становится глупостью вдвойне.

- Уважаемое собрание, - бодро начал Бегемот, - разрешите прежде всего передать вам привет от тех немногих порядочных людей, которых мне удалось встретить за время пребывания в стране, которая среди прочих неблагополучных государств мира замечательна тем, что ее население сокращается самыми быстрыми темпами.

Позвольте тезисно нарисовать картину наблюдаемой мною болезни. Ваша задача будет заключаться в том, чтобы поставить диагноз и определить способ лечения.

Абсолютно убежден в правоте пословицы – рыба гниет с головы. Первое, что бросается в глаза, это то, что на смену «авторитета власти» в этом обществе пришла «власть авторитета». Прискорбно только, что это власть криминального, бандитского авторитета. Это первый тезис моих наблюдений, обозначим его буквой «А».

Безусловно, Украина сегодня – это государство, которое навязывает своим гражданам выбор между бедностью и жульничеством, по принципу третьего не дано. Не иначе как бедственным можно назвать положение тех, кто стремится сохранить высокие принципы морали. Это тезис «Б».

Вашему критическому вниманию предлагается тезис «В»: беда, когда люди с психологией карманных воришек находятся у руля власти. Тогда воровство возводится в ранг государственной политики.

Господин Салтыков-Щедрин, - Бегемот уставился на великого сатирика, - поздравляю вас, ваши глуповцы живут и здравствуют, они расплодились до масштабов государства и не одного только, глупость в почете и торжествует, зато всякое проявление ума вызывает неприязнь. Это тезис «Г».

Диву даешься, но там, где я был, особенных успехов почему-то добиваются внешне невзрачные, неказистые политики, способные разве что на демагогию, но и

она в их устах далека от совершенства. Демагогия тоже искусство, и для того, чтобы ему обучиться, нужны кое-какие способности.

Единомыслие я вовсе не уважаю, я даже думаю, что нет такого инакомыслия, которое могло бы нанести обществу больший ущерб, чем тупое и послушное единомыслие. Но всё же народ, чтобы не прозябать, не пасть жертвой внешних или внутренних врагов, должен быть сплочен в принципиальных вопросах, должен единодушно отстаивать добро и бороться со злом. Но этого духовного единства, там нет и в помине.

Желая любой ценой удержаться у власти, власть имущие навязали народу абсурдную мысль: власть не следует менять, потому что эта уже нахапалась, а новой – хапать только предстоит. Наивные люди не понимают, что жадность невозможно утолить, всякое ее удовлетворение порождает еще большие аппетиты.

Знаете, - продолжал Бегемот, - когда борьба добра и зла слишком затягивается, они становятся трудно различимы. Первичные мотивы, добрые или злые, забываются, добро в стремлении одержать победу использует злые средства, зло иногда проявляет мужество и геройство, к добру, если оно торжествует, примазываются проходимцы – противоположности сходятся. У меня создалось впечатление, что в мире, где я был, перестали различать добро и зло.

Интересная деталь. Народу этому, а я к нему присматриваюсь давно, свойственна подозрительность, непонимание, а то и ненависть к интеллигентности и интеллигенции. Поэтому он готов поставить над собой кого угодно: невежественного гетмана, недоучку семинариста, безликого бюрократа, кухарку, пастуха, но только не интеллигента. Вот почему его потуги выбраться из грязи в князи обречены на провал.

Коммунистическая идеология и мораль могут быть подвергнуты жесткой критике, быть может, даже отрицанию, но только не той идеологией бессовестной корысти, которая утвердилась ныне в этом больном обществе. В нем состряпали законы, противоречащие друг другу, создали огромную армию чиновников, блюдущих эти законы, дали им нищенскую зарплату, а теперь удивляются, откуда взялась коррупция. Это был тезис под буквой «К».

Ложью там пропитан воздух. Достаточно бросить на ветер лживые, клеветнические слова – и они достигнут самых удаленных уголков, дойдут до каждого уха. Но скажите чистую правду, совершите благое дело – и его никто не заметит. Или, хуже, начнется работа невидимых сил, и правда предстанет как ложь, благодеяние как корысть, а говорящий правду и делающий добро будет вывожен в грязи. Людей легковерных можно встретить на каждом шагу, они с легкостью верят откровенной лжи, но их невозможно заставить поверить в чистейшую правду.

Могу утверждать, особенно на примере той страны, о которой сегодня речь, что для того, чтобы породить немногих героев, нужна великая героическая эпоха. Мерзавцы плодятся в несметном количестве во все времена и у всех народов. Это естественно: простейшие паразиты неприхотливы и обладают исключительной силой размножения.

Нищета материальная соперничает там с нищетой духовной. Деньги, одни только деньги притягивают людей, духовные ценности не востребованы. Ваши собратья, господа писатели, не тревожат души людей, не возвышают их, а ублажают и развлекают, потакают развращенным вкусам и примитивным интересам… Впрочем, книги уже почти никто не читает, их заменили телевизионные боевики, фильмы ужасов и мыльные оперы.

Отчуждение людей друг от друга достигло уровня озлобления и ожесточения. Но их гнев обрушивается не на тех, кто их обездолил, не на олигархов, а на таких же обездоленных, как они.

Бегемот сделал паузу, чтобы налить воды из графина. В это время из зала донесся вопрос Николая Васильевича Гоголя: «А кто такие олигархи? Дураки что ли?».

- Это вы спутали с олигофренами, - разъяснил Бегемот. - Олигархия – это власть богатых, но среди них, тут вы правы, встречаются не только подлые, но и не очень умные. Однако будем продолжать.

Правду сказать, это уже тезис «П», народ за последнее десятилетие обрел некоторые права, у него есть право терпеть, право унижаться и быть униженным, право голодать, право бродяжничать, право бежать за границу и, наконец, священное

право – умереть. Более того, у некоторых даже есть возможность преуспевать. Для этого требуется сравнительно немногое: немного наглости, немного хитрости, немного подлости, немного везения, немного ограниченности, немного пресмыкательства. Поэтому благородные люди в этом обществе преуспевают крайне редко, скорее как исключение, нежели как правило.

Решайте сами, до какой степени нравственного разложения дошло это общество, если репутацию негодяя и бандита иметь в нем выгоднее, чем репутацию честного и законопослушного человека.

Высказав очередной тезис, Бегемот обвел глазами зал, всматриваясь в лица своих потрясенных слушателей. Затем продолжал:

- Самое печальное, может быть, то, что страх вошел в плоть и кровь этого общества, стал образом жизни и символом веры. Многие люди не только сами находятся в вечном страхе, но и других стремятся в него обратить. Они бездействуют из соображения, как бы чего не вышло, действуют из-под палки, подличают из чувства страха и если побеждают, то не иначе как с перепугу.

Зоркий глаз Бегемота нашел в зале Бердяева и вперился в него.

- Помните, Николай Александрович, в своей «Судьбе России» вы удивлялись вечному качанию русского человека между святостью и свинством. Теперь всё определилось, как там сейчас говорят, «устаканилось»: со святостью покончено, она разве что теплится в немногих сердцах, торжествует свинство.

Такие пороки как пьянство и наркомания стали реальной угрозой для будущего, для генофонда нации. Но с ними трудно бороться, потому что трезвый взгляд на социальную жизнь рождает желание беспробудно напиться.

Уродлива система управления сверху при бессловесном народе, система которая основывается на неуважении, даже презрении к управляемым. Наблюдая за теми, кто управляет этим обществом, отчетливо видишь, что смешное очень хочет казаться великим. Самое удивительное, что ему это удается. Там для власти нет граждан, есть массы, есть население, но нет граждан. О гражданском обществе там изредка разглагольствуют, но реально его не существует или оно существует в

зачаточном состоянии, и никому не известно, когда же, наконец, состоится его рождение.

Философы и писатели, мы добрались до тезиса «Ф», - провозгласил Бегемот. – Отношения между людьми перестали быть искренними, они пронизаны фальшью.

Бегемот нашел взглядом Руссо и обратился к нему:

- Жан-Жак, ты говорил, что фальшивых людей опаснее иметь друзьями, чем врагами. Но как быть, если фальшивы все?

И не дождавшись ответа, Бегемот приступил к тезису «Х».

Холопством, как двадцать и двести лет назад, заражены души людей. Много проще уничтожить социальное рабство, чем вытравить холопство из души человека. Но если не уничтожить социальное рабство, то шансов на избавление от холопства нет никаких.

Цинизм – ключевое слово нашего следующего тезиса. Циничны слезы по жертвам голодомора, если их проливают те, кто виновен в геноциде собственного народа. Никакой голодомор советских времен не унес такого количества жизней как десять лет так называемой независимости, которая в сущности не что иное, как независимость киевских чиновников от чиновников московских, не более. Откровенным цинизмом являются громогласные заявления об экономическом подъеме, тогда как с каждым годом народ живет все хуже и хуже и опустился до крайней степени нищеты. Цели потеряны, ценности обесценены – вот итог той разрушительной работы, которая выдавалась за созидание нового общества. Добивались богатства – добились бедности, шли к рынку – пришли к базару, стремились к независимости – стали зависимы как никогда. Зато жирует и наглеет горстка проходимцев.

Человек измельчал, он сосредоточен на том, чтобы выжить, а если получится, то и откусить побольше от общественного пирога. Он забывает, что ни грана вещества нельзя унести с собой ни в небытие, ни в загробную жизнь. Он не понимает, что пришел в этот мир не для того, чтобы что-то взять у него, а наоборот, чтобы принести и оставить в благодарность за чудо своего рождения. Добрые чувства в людях заглушил чертополох черствости и человеконенавистничества.

Шерсть моя, господа, вставала дыбом, когда я наблюдал в этом обществе торжество шарлатанов, но хуже их засилья всеобщая убежденность в том, что глупо блюсти порядочность в окружении людей непорядочных. Убежденность эта – едва ли не самый коварный искуситель человеческой нравственности.

Щедрость, хлебосольство, гостеприимство когда-то были отличительными чертами украинского народа – сегодня они иссякают. Теперь уже никто не ходит в гости просто так, без звонка и предупреждения. Раньше об украинце говорили «щирый», то есть радушный. Теперь этого уже не скажешь. Отношения людей проникнуты соображениями выгоды и корысти.

Эгоизм утвердился и совершенно вытеснил коллективизм, который прививали со времен сельской общины. Я, конечно, понимаю, что радетели всеобщего блага нанесли обществу не меньше вреда, чем самые отъявленные эгоисты. Но если коллективизм бывает плох, это не означает, что хорош индивидуализм.

«Ю» – этой буквой обозначаю я мой предпоследний тезис. В долину юдоли и плача рискует превратиться страна, где попраны элементарные нормы морали, где человек не помнит о Боге. Вера в Бога нужна не только слабому и сирому, но и тому, кто сильнее всех, над кем уже никого больше нет. Если человек, наделенный неограниченной властью, не верит в Бога и не следует по пути его, это неминуемо обернется трагедией.

Я подошел к концу и выдвигаю мой последний тезис. Я предупреждаю вас о той ответственности, которая ляжет на вас при вынесении вашего вердикта. Пусть гнев и ярость не руководят вами, ведь они кровожадные хищники, пожирающие справедливость. Я призываю вас к милосердию, призываю несмотря ни на что любить людей, какими бы мелкими и жалкими они ни казались.

Бегемот завершил свою речь, поблагодарил высокое собрание за внимание и манерно раскланялся.

Какое-то время в зале стояла почти мертвая тишина. Ее нарушил Сковорода:

- Не общество, а свинячье стадо, - хмуро сказал он. И вздохнув, спросил:
- Что же, полная безысходность – от Аз до Ять?

Бегемот ответил глухим голосом, прозвучавшим будто из подземелья:

- Ще нэ вмэрла Украина!

Комедия окончена.